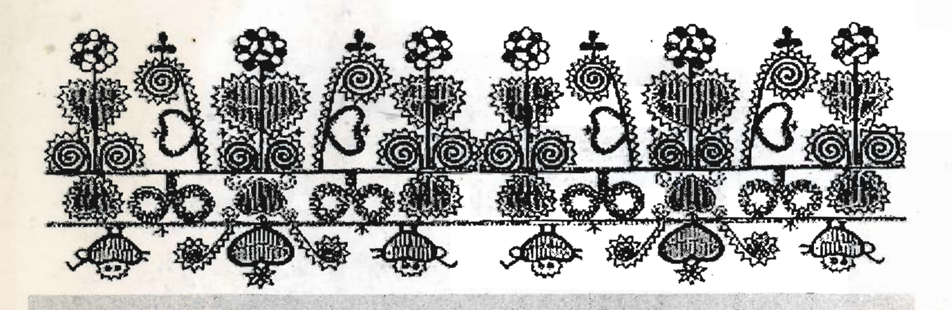
А.А. Плотникова

Словари и народная культура

Очерки славянской лексикографии

Москва 2000

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Анна Аркадьевна Плотникова

СЛОВАРИ И НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА

ОЧЕРКИ СЛАВЯНСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Москва, 2000

Книга посвящена исследованию развития славянских лексикографических традиций XIX—XX вв. в этнолингвистическом аспекте. Рассматриваются славянские словари различных типов и жанров (толковые, диалектные, энциклопедические мифологические и др.) с точки зрения интерпретации лексики и терминологии традиционной народной духовной культуры. Прослеживаются общие и специфические особенности славянских словарей в условиях формирования и развития славянских литературных языков. Книга адресована широкому кругу читателей: специалистам в области лексикологии и лексикографии, этнолингвистам, этнографам, культурологам, а также всем интересующимся славянской духовной культурой и ее языковой манифестацией. Результаты исследования могут быть использованы при чтении спецкурсов по славянской лексикографии, диалектологии и этнолингвистике студентам-филологам высших учебных заведений.

Ответственный редактор
доктор филологических наук
С. М. Толстая

Рецензенты:
доктор филологических наук *Л.Н. Смирнов,*
кандидат филологических наук *С.Е. Никитина*

ISBN 5-7576-0084-5

Оглавление

Светлой памяти
Никиты Ильича Толстого

ВВЕДЕНИЕ

"Словарь и культура" — пожалуй, одна из тех тем, которые очень часто привлекали и привлекают внимание лексикографов, культурологов, этнографов, историографов науки. Эта проблема интересна с самых различных точек зрения, что находит отражение в ярком многообразии публикаций по данной тематике. Словарь как книга, где на первый план выдвигается *слово*, множество *слов*, определенным образом между собой связанных и соответственно отражающих взаимосвязь фрагментов реальной (или воображаемой, как в случае с мифологическим словарем) действительности, имеет культурологическую ценность, прежде всего, в гносеологическом аспекте. Именно лексикографический способ презентации лексики наглядно показывает неделимость слова как знака — единство его формального и содержательного планов.

Исследователя культуры интересует содержательный аспект слова, реальное "наполнение" знака, смысловая нагрузка того или иного термина. Исследователь традиционной народной культуры уделяет также большое внимание самому означающему — слову, в котором закрепляется и часто отражается специфика культурного феномена. В свою очередь лексикограф, собирая слова, невольно сталкивается с проблемой их точной интерпретации, которая, конечно же, невозможна без изучения всех тончайших особенностей жизни народа, его быта и культуры. Лексикографическое описание региональных языковых особенностей диалектной лексики тем более невозможно без знания местных обычаев,

обрядов, поверий и иных традиционных народных представлений о жизни и окружающей реальности, т.е. традиционной народной духовной и материальной культуры. Неудивительно поэтому, что сами первые собрания славянской диалектной лексики возникли как результат кропотливой исследовательской работы географов, этнографов, фольклористов.

В течение XIX—XX вв. диалектная лексика различных регионов Славии не раз становилась объектом лексикографического описания. Словарь как форма представления и интерпретации диалектной лексики заслуживает особого внимания в силу широких возможностей варьирования своей жанровой специфики. Прежде всего это касается лексики традиционной народной культуры, презентация которой невозможна без соответствующего этнокультурного контекста функционирования слова. Поэтому палитра жанров, рассматриваемых в нашем исследовании славянских словарей, весьма многообразна: это и толковые словари общенационального масштаба, охватывающие разные пласты этнокультурной лексики, и диалектные словари разных типов (в том числе — идеографические), и даже фольклорные и мифологические словари, включающие, между прочим, и диалектную лексику традиционной духовной культуры. Особое внимание мифологов и фольклористов к "языковой материи" обусловлено как природой самих феноменов традиционной (сельской) культуры, распределение которых в пространстве и времени соотносится с явлениями языка и поддается изучению с помощью лингвистических (шире — семиотических) методов, так и спецификой их языкового выражения, нередко несущего основной смысл мотивирующего этнокультурного контекста.

В работах русского этнолингвистического направления, утвердившегося в науке в конце второй половины XX в. в основном благодаря работам Н. И. Толстого и его сподвижников, лексико-семантические группы слов, обозначающие различные явления традиционной духовной культуры, принято называть "терминами". Терминология славянской духовной культуры — емкое понятие, включающее обрядовую, мифологическую и иную лексику,

отражающую какой-либо фрагмент системы номинационного кода (ботанического, зоологического, космогонического и др.). Другими словами, терминология духовной культуры представляет собой определенный лексический пласт языка (диалекта, говора), который, несмотря на возможность включения его в понятийно-языковой тезаурус на равных основаниях с другими группами лексических единиц, имеет свои особенности. По своему содержанию эта лексика отражает архаические элементы языка традиционной народной культуры и включает обрядовую (календарную, семейную) и собственно мифологическую (демонологическую) лексику. Ее наличие и объем, например в диалектном словаре, зависит от ряда различных факторов, в том числе — от уровня развития общей и региональной лексикографии того или иного славянского языка, интенций составителя словаря, а также и от степени сохранности обрядов, обычаев, верований в рассматриваемом регионе.

Специальные мифологические словари и энциклопедии, которые в той или иной степени посвящены содержательной стороне традиционной народной культуры, также описывают ее терминологию, нередко прибегая к диалектным вариантам названий по ходу интерпретации тех или иных явлений народной культуры. В ряде случаев грань между литературным и диалектным названием оказывается настолько зыбкой и даже мало существенной, что диалектизм включается в мифологический словарь как заглавное слово. Более того, оно становится понятным широкому кругу носителей языка обозначением того или иного феномена народной культуры, которая также существует в разнообразных региональных, "диалектных", формах. Вот почему в качестве заглавных слов в русских мифологических словарях мы находим севернорусское и смоленское БАННИК ("дух-обитатель бани"), в Сербском мифологическом словаре — восточногерцеговинское и черногорское ЗДУХАЧ ("человек-ветер"), в Словаре польского фольклора — местное WILKOŁAK ("человек-волк") и т.д. Таким образом, в силу своей специфики мифологические словари и энциклопедии

также интерпретируют и диалектную терминологию народной духовной культуры.

Обращаясь, однако, к способам интерпретации терминологии народной духовной культуры, нельзя не обнаружить существенных различий в структуре и содержании словарных статей, с одной стороны, лингвистических словарей, с другой, — энциклопедий. В русской лексикографической традиции середины и отчасти второй половины XX в. принципиальное значение для определения типа словаря имела постановка вопроса о наличии в нем экстралингвистической информации. По Л. В. Щербе, словари делятся на общие (лингвистические) и энциклопедические: в одних объясняется значение слова, в других описывается сам предмет. Это положение соответствует теоретическим установкам Х. Касареса, который делит лексикографические определения на номинальные, объясняющие значение слова, и реальные, раскрывающие сущность предмета [Касарес 1958, с. 174]. Вместе с тем, последующие работы в области изучения структуры и содержания словарных определений лингвистических словарей и энциклопедий [Киселевский 1977, Киселевский 1979] показали, что вряд ли может идти речь о существенном противопоставлении в толковании слова. "Жанр" словаря скорее зависит от соотношения семантической и предметной частей толкования слова: последняя преобладает в энциклопедии, при том что семантическая часть (или краткое определение слова) мало различаются в обоих типах словарей. Кроме того, анализ и, соответственно, лексикографическое описание лексики традиционной народной духовной культуры обладают своей спецификой. Здесь более уместен принцип, провозглашенный Р. Мерингером: "не отрывать слова от вещи". Изучать язык этнографии — "значит изучать в то же время самые вещи, предметы и явления путем объяснения специальных терминов" [Еремин 1926б, с. 21]. Этнолингвистический подход в современной диалектной лексикографии раскрывает поистине новые пути решения проблемы презентации диалектного слова в этнокультурном и фольклорно-этнографическом контексте, чему ярким примером может служить польская лексикографическая

традиция и, прежде всего, шеститомный "Словарь кашубских говоров на фоне народной культуры" Б. Сыхты.

В нашей книге читателю предлагается проследить интересный путь развития разных славянских лексикографических традиций в этнолингвистической ретроспективе. Общие и специфические моменты в формировании различных типов и "жанров" словарей помогают раскрыть особенности лексикографического описания многих аспектов славянской традиционной духовной культуры. Словарь как часть культуры славянских народов испытывает сильнейшее влияние со стороны процессов развития и становления славянских литературных языков, поэтому при постановке вопроса о фольклорно-этнографической основе общей лексикографии той или иной славянской языковой традиции неизбежно обращение к истории и типологии славянских литературных языков. Но и сам словарь общенационального масштаба не только оказывает влияние на национальную лексикографическую традицию, но и корректирует восприятие этнокультурных феноменов через призму языка, что до сих пор убедительно показывает своего рода памятник русской культуры — словарь В. И. Даля.

Глава 1. СЛАВЯНСКИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНОГО МАСШТАБА

1.1. Культурно-языковая традиция

XIX век для истории, культуры и языка славянских народов — важная эпоха становления и формирования литературных языков. В этом процессе огромное значение имеет появление обобщающих лингвистических трудов двух типов: грамматики и словаря национального языка. Причём, словарь в данном случае играет первостепенную роль для пробуждения этнического самосознания народа, так как охватывает не только сферу языка, но и сферу культуры. Он аккумулирует широкие пласты лексики разных общественных слоёв и регионов, содержит бесценные сведения о неразрывно связанной с языком народной культуре и даже объединяет вокруг себя прогрессивно настроенные слои общества. Эти черты лингвистических словарей периода становления (возрождения) славянских литературных языков позволяют определить подобные словари как труды общенационального масштаба, пользующиеся авторитетом и в более позднюю эпоху развития языка и культуры народа. Такой словарь представляет собой "сокровищницу" национального языка, содержащую тот словарный фонд, которым гордятся и на который ссылаются даже тогда, когда он явно устаревает с точки зрения употребления части содержащейся в нем лексики в современной звучащей или письменной речи.

Многие славянские словари общенационального масштаба (далее — ОМ) носят эмпирически этнолингвистический характер: в них отражена картина материального быта и духовной культуры народа, в основном крестьянства, в образах и представлениях, закрепленных многовековой языковой традицией. Интерес к национальной культуре, связанный сначала с романтизмом и углуб-

лявшийся затем вместе с развитием этнографии, диалектологии, фольклора и других смежных наук, обусловил этнолингвистическое содержание целого ряда словарей ОМ.

Эмпирически этнолингвистический подход лексикографов XIX в. был неоднороден в разных славянских традициях и находился в сильнейшей зависимости от самих условий становления литературных языков. Разрабатывая типологию славянских литературных языков, Н. И. Толстой определяет комплекс критериев их оценки [Толстой 1988, с. 14–24], на основе которого выделяет два типа языков: "архаический" и "новый". К первому типу относятся русский, чешский и польский литературные языки, ко второму — сербскохорватский, словацкий, белорусский и македонский, а среднюю позицию занимают словенский, болгарский, украинский, нижне- и верхнелужицкий языки [Толстой 1988, с. 25]. По наличию/отсутствию сведений о явлениях традиционной народной (крестьянской) культуры, а точнее, по степени их отражения, словари ОМ почти полностью повторяют (и тем самым подтверждают) такое распределение языков на две группы. Это объясняется тем, что словарь ОМ является как отражением основных процессов в становлении литературных языков, так и важным фактором, влияющим на эти процессы.

Общей чертой при создании отдельных славянских лингвистических словарей ОМ в эпоху формирования литературного языка было стремление к накоплению национально-самобытной лексики. Но термин "национально-самобытная лексика" имеет различное содержание для разных славянских традиций. Такие ранние славянские словари национального языка, как "Словарь Академии Российской" (1789—1794 гг.), "Словарь польского языка" С. Б. Линде (1806—1814), "Чешско-немецкий словарь" Й. Юнгмана (1834—1839) содержат лексику письменных источников и лишь незначительно охватывают диалектную лексику. С другой стороны, "Сербский словарь" В. Караджича 1818 г. создан на базе лексики одного диалекта штокавского диалектного массива, что явилось не только революционным актом для становления сербскохорватского литературного языка, но и подлинным откры-

тием в славянской лексикографии начала XIX в. Грандиозный тезаурус "Словарь хорватского или сербского языка", начатый Дж. Даничичем в 1861 г. (затем работа над словарем велась в течение целого столетия), продолжил лексикографическую традицию Караджича. Авторитетнейший "Толковый словарь живого великорусского языка" В. И. Даля (1863—1866) вопреки существовавшей русской традиции основан на материале диалектной лексики[1]; впоследствии А. А. Шахматов (возглавив в 1895 г. редакцию академического "Словаря русского языка") уже на более высоком научном уровне удачно осуществляет идею создания общего словаря, объединяющего лексику литературных произведений с диалектной. "Словарь болгарского языка" Н. Герова (1895—1904), хотя и не порывает со старославянизмами, в основе своей опирается на народный язык в его диалектном разнообразии. Обращение к диалектной лексике как отражающей особенные черты национальной культуры характерно для словарей ОМ, созданных в период становления таких литературных языков, как украинский, белорусский, нижнелужицкий. В этих словарях собрание национально-самобытной лексики, воплощением которой стала диалектная лексика, тесно связано с её фольклорно-этнографической базой и открывает широкие возможности для включения в словарь фольклорных текстов, описаний материальной и, тем более, духовной культуры (из области бытующих в сельской среде верований, обрядности, суеверий, мифологических образов и т.п.). Этнолингвистический подход к материалу в таких словарях ОМ обусловлен всем ходом развития каждой конкретной культурно-языковой традиции.

Вместе с тем, уже ранние словари языков "архаического" типа (по терминологии Н. И. Толстого) — русского, польского и

---

[1] В отличие от словаря Вука Караджича словарь Даля не сыграл решающей роли в повороте русского литературного языка к диалектной основе: к тому времени пути его развития уже определились не в пользу расширения диалектной базы.

чешского — не лишены некоторых элементов этнолингвистического подхода. Несмотря на общую тенденцию тяготения к культурным ценностям эпохи просвещения (преобладающий интерес к книжной лексике, зарождающейся общественной и научной терминологии), в них частично представлена лексика материальной и духовной культуры народа. Последнее обстоятельство, в частности, обусловлено и тем, что просветители, связывая свою деятельность с дидактическими устремлениями, нередко обращались к народным суевериям в поучительных целях.

1.2. Ранние словари общенационального масштаба языков "архаического" типа

1.2.1. *Словари Академии Российской XVIII—XIX вв.*

В Словарь Академии Российской (САР–I) отдельные лексические единицы, обозначающие реалии материальной и духовной культуры, вошли в соответствии с концепцией словника, включающего наиболее употребительные слова из разнообразных книжных источников, в том числе — научных описаний, путевых заметок и других произведений, содержащих слова местной народной речи[2]. Для САР–I характерна также тенденция к энциклопедическому толкованию слов, особенно терминов и терминологических сочетаний [Биржакова 1965, с. 258–260], от чего составители вышедшего позднее "Словаря церковнославянского и русского языка" 1847 г. отказались. Тем не менее, эта традиция была подхвачена В. И. Далем, критиковавшим впоследствии Словарь Академии 1847 г. за излишнюю сухость и малую информативность толкований слов. Эпизодически встречающиеся слова-термины духовной культуры народа также получают расширенное толкование, например в САР–II (2-е издание, "Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный", 1806—

---

[2] Подробно о составе словника САР–I см. [Мальцева 1980, с.110–114; Замкова 1980, с.92–93; Сороколетов—Кузнецова 1987, с.14]

1822 гг.) читаем: "БААЛЬНИК, БААЛЬНИЦА... Ворожея, который нашептыванием обещает доставить кому счастие, или отвратить несчастие" [САР–II, т.1, столб. 72–73]. Ср. Соответствующую статью в Словаре Академии 1847 г.: "БААЛЬНИК, а, с.м. Стар. Ворожея. БААЛЬНИЦА, ы, с.ж. Стар. Ворожея" [СЦСРЯ, т.1, с.16]. Терминологические сочетания, обозначающие игры, обычаи, суеверия, в соответствии с общей тенденцией САР также сопровождаются энциклопедическими описаниями. Например, в рамках статьи БЕРЕЗА можно найти такой этнолингвистический фрагмент: "*Березку завивать*. Род издревле употребляемых забав в хороводе, в коем женский пол наиболее низкого состояния участвует. Забавы си отправляются в Семик и Троицын день. Соучаствующие делают складчину, из коей приготовляют стол. Срубленную березку ставят посреди хоровода, украшают ее лентами и платками, пляшут около ея различно, припевая разные песни, из коих многие заимствованы еще от язычества" [САР–I, т.1, столб. 129–130]. Для САР–II такое толкование оказалось недостаточным, поэтому в описание вносится уточнение времени исполнения разных обрядовых действий ("Забавы сии отправляются в Семик"), а в ряд заглавных слов вводится дополнительный термин: "*Березку развивать*. Род простонародной забавы, отправляемой в Троицын день с теми же самыми обрядами, как и при завивании березки, которую по окончании оной бросают в воду" [САР–II, т.1, столб. 181]. Таким образом, сделано поэтапное и законченное описание обряда, в котором отмечено и прощание с ритуальным предметом (пускание по воде). В Словаре Академии 1847 г. эти словосочетания толкуются кратко: "БЕРЕЗКА... Простон. Березку завивать, развивать,. зн. в Семик плясать в хороводе, припевая песни" [СЦСРЯ, т.1, с.44]. Такие значимые подробности, как женский состав исполняющих, стол в складчину, троицкое потопление березки, а также вывод о языческом характере обряда, в толковании Словаря 1847 г. опускаются.

Необходимость решения вопроса о разграничении лексики литературного языка от территориально ограниченных единиц словарного состава в САР привела к введению пометы "областн."

или "слово областное" (примерно 20 случаев [Мальцева 1980, с. 113]), а также точных географических указаний бытования слов: "В Астрахани называют...", "Так называют Уральские казаки...", "На Волжских учугах называется...", "Под Москвою означает..." и т.п. Иногда указывается географическое распространение значений слов и даже реалий: "БОРЩ... 2) У Малороссиян: квашеная свекла и похлебка, приготовляемая из нее с говядиной и с салом свиным, а у Великороссиян иногда с мясом говяжьим, иногда же с рыбою и называется б у р а к и" [САР-I, т.1, столб. 289].

1.2.2. *Словарь Б. Линде*

Историко-культурная ситуация Польши в конце XVIII — начале XIX столетия, когда под угрозой утраты национальной независимости борьба за родной язык приобрела острое политическое значение, предопределила тип словаря, необходимого для утверждения национального самосознания народа. В период, названный Т. Лер-Сплавинским "эпохой возрождения литературного языка", появился словарь тезаурусного типа по образцу академических словарей, изданных к тому времени немцами, французами, русскими. Этот своего рода "заказ эпохи Просвещения" [Michalski 1954, s. 526] успешно осуществил С. Линде — "Словарь польского языка", изданный в 1807—1814 гг., на многие десятилетия стал наиболее авторитетным лексикографическим трудом у поляков и за рубежом. Так, влияние словаря С. Линде на словарь Й. Юнгмана сказывается не только в отдельных заимствованиях польской лексики, но и в самой концепции словаря, структуре словарных статей [Urbańczyk 1979, s. 316].

Словарь С. Линде охватывает огромный корпус польской лексики: историческую (язык литературы 1540—1800-х годов) и современную для того времени (в том числе некоторую часть разговорной лексики). К заглавным словам и различным их значениям дан немецкий перевод, а также приведены эквиваленты из других славянских языков, понимаемых автором как диалекты одного, общего языка, что объективно способствовало накопле-

нию материала для сравнительно-исторического изучения славянских языков.

В основе концепции Линде, вокруг которой развернулась знаменательная в условиях возрождения литературного языка полемика (подробно изложенная Е. Михальским [Michalski 1954]), было убеждение в необходимости включения в словарь всех известных слов, независимо от сферы употребления, стилистической окраски, социальных характеристик и т.п. Иную позицию занимало "Общество друзей науки", взявшееся оказать поддержку автору при издании словаря. "Общество" настаивало на создании нормативного словаря, определяющего каноны "правильного" польского языка, очищенного от просторечия и грубых, "недворянских" слов. Й. Оссолиньский поддерживал С. Линде в стремлении собрать воедино всю польскую лексику и сделать "исторический словарь", "словарь-глоссариум", в то время как нормативный словарь, по его мнению, мог бы быть создан уже на основе словаря С. Линде. Примечательно, что "Общество" в конце концов согласилось с возможностью включения в словарь простонародных слов и пословиц на том основании, что "они, будучи мудростью народной, в то же время и память об угасших обычаях" [Michalski 1954, s. 538].

При обсуждении проекта словаря Линде выражал сожаление по поводу отсутствия работ, фиксирующих областные слова ("powiatowszczyzny"), которые в результате практически не встречаются и в его труде. Осознавая неполноту словника, автор обращался ко всем желающим с предложением дополнить словарь, в частности, лексикой различных общественных слоев и говоров отдельных регионов Польши [Michalski 1954, s. 560–561]. В соответствии с принятой концепцией С. Линде не мог обойти вниманием и лексику духовной культуры славян, как и контексты ее функционирования. Так, под буквой "B" встречаем статьи, в которых дается: описание детской игры (BABKA "жмурки"); обрядового блюда (BARANEK WIEŁKONOCNY "пасхальный барашек"); указание на народных покровителей-святых (BARBARA

"Варвара"); на народные поверья (BOCIAN "аист", BOŻY PRĄTEK "громовая стрела"); сообщение о местах пребывания мифического персонажа (BORUTA "злой дух, обитающий на болотах"); цитата-иллюстрация, кратко характеризующая свойства и функции мифического персонажа (BOBO "страшилка"). Заметим, что многие из этих слов с тем же или сходным значением зафиксированы в "Словаре польских говоров" Я. Карловича 1900—1911 гг. (BOBO, BORUTA, BOŻY PRĄTEK, BABKA, BARBARA).

Во вступлении к словарю С. Линде подчеркивает свое стремление собрать воедино и сравнить "следы славянской мифологии и религии" [Linde, vol.1, s. XII], т.е. различные названия языческих божеств и народных праздников, что в первую очередь отразилось в обширной статье BOŻĄTKO "божок, божество". Автор вставляет и краткие описания обрядов, совершаемых в праздники, например, название BADNYAK дается с объяснением: "полено, которое кладется на огонь в сочельник" [Linde, vol.1, s. 151]. Сравнительный аспект славянской лексики повлек за собой неминуемые трудности; например, при сопоставлении славянских божеств потребовалось решение вопроса о соответствии понятия и обозначающей его лексической единицы. Но в то время делались еще только первые шаги в плане сравнительно-мифологического изучения народных представлений и этимологического анализа подобной лексики. Неудивительно поэтому представление неоднозначных славянских соответствий типа: "Wenera — ладо, лада, Eccl. (богиня веселья)," основанных преимущественно на так называемой "кабинетной мифологии". Вряд ли правомерно и сближение названия BAŁWAN в значении "вытесанный языческий образ, статуя какого-либо идола, сам языческий божок" с русским *баяльникъ* через ст.-слав. БАЛЇН: Cf. Eccl. БАЛЇН, Ross. *Баяльник* = "чародей, прорицатель, шептун" (см. [Linde, vol.1, s. 48])[3]. Вызывают сомнение и многие другие этимо-

[3] Ср. рус. *баю, баять, баить* в значении "говорить", рус.-ц.слав. *баю, баяти* "рассказывать, заговаривать, лечить", болг. *бая* "колдую",

логические построения автора. Впрочем, этимологический аспект словаря С. Линде критиковался учеными-славистами с момента его выхода в свет.

Новый "Словарь польского языка" был создан группой ученых во главе с Я. Карловичем, А. Крыньским и В. Недзвецким только на рубеже XIX—XX столетий. Этот словарь, так называемый "варшавский" (1900—1927), следовал лексикографической концепции С. Линде, значительно пополняя собранные им материалы за счет рукописей XV в., большого числа заимствований, а главное — широкого фонда диалектной лексики. Словарь имел свои неоспоримые достоинства ("богатство содержания, точность толкований, находчивость исполнения..." [Brückner 1974, s. 512]) и целый ряд недостатков [Kania—Tokarski 1984, s. 223; Urbańczyk 1979, s. 313]. В "варшавском" словаре диалектная лексика выделяется только графически, пометы о территориальной локализации слова не даются. Основной же недостаток словаря — отсутствие ссылок на источники (шаг назад по сравнению с С. Линде) усугубляет ситуацию. Лексикографическая обработка диалектной лексики в "варшавском" словаре строится на обширном материале, собранном из различных этнографических источников Я. Карловичем для "Словаря польских говоров", выходившего параллельно, с 1900 по 1911 г. Сравнительный анализ этих словарей с точки зрения презентации лексики традиционной духовной культуры народа см. в 2.2.1.

1.2.3. *Словарь Й. Юнгмана*

Словарь С. Линде послужил образцом для "Чешско-немецкого словаря" Й. Юнгмана (1835—1839 гг.), имевшего огромное значение для развития чешского литературного языка. Однако, как отмечают исследователи, между словарями С. Линде и Й. Юнгмана существовали принципиальные различия [Havránek 1974, s. 202], что определялось различными условиями становле-

---

серб.-хорв. *бajamu* "колдовать, заговаривать" и т.д., см., например, [Фасмер, I, с.140].

ния польского и чешского национальных языков. Четырехтомный "Чешско-немецкий словарь" отразил лексику старинных чешских рукописей и современную автору во всех ее разновидностях (поэтическую, научную, разговорную, диалектную, просторечную и др.). В отличие от С. Линде Й. Юнгман ставил своей целью всемерное обогащение лексического состава языка, пополняя его за счет неологизмов и заимствований из польского (см. [Лилич 1982, с. 63]) и других славянских языков. На этом же основании, т.е. для расширения лексических ресурсов чешского литературного языка, в словарь вводились и диалектные слова (например из Турновско, Чешского Брода), а включение моравской и словацкой лексики отмечено Й. Юнгманом в предисловии особо [Jungmann, d.1, s. VII][4]. В "Чешско-немецком словаре" перевод слов на немецкий краток, а определения значений в основном даются на чешском языке. Вопрос языка толкования связывался создателем с возможностью назвать словарь "поистине народным" [Jungmann, d.1, s. VII].

Б. Гавранек отмечал, что Б. Линде опирался на развитую польскую литературу классицизма, в то время как у чехов классицизма в литературе по существу и не было; С. Линде по своим взглядам был прежде всего классицистом, а Й. Юнгман — романтиком [Havránek 1974, s. 202]. Характеризуя тип своего словаря, Й. Юнгман в Предисловии отмечает, что "собраны и изданы все слова подряд, как старые, так и новые, из книг или из о б ы ч а е в [разрядка наша. — *А.П.*] почерпнутые, чтобы таким образом накопить целое, насколько возможно, богатство языка..." [Jungmann, d.1, s. VII]. В словаре Б. Линде, классицистическом по духу, слова, "из обычаев почерпнутые", встречаются гораздо реже. Словарь Й. Юнгмана, обладающий наряду с просветительской функцией элементами романтизма, содержит обрядовую и мифо-

---

[4] В целом отношение Юнгмана к диалектам очень осторожное: "Писать так, как где-то говорится, означало бы разбивать язык на бесчисленные диалекты" (цит. по: [Широкова—Нещименко 1978, с. 66]), а "Юнгман... неустанно акцентировал наддиалектную сущность литературного языка..." (цит. по: [Широкова—Нещименко 1978, с. 57]).

логическую лексику с толкованиями, в достаточной мере ее характеризующими, например: "BUKÁL, bukač (r. bukám) (горшок, обтянутый кожей, с торчащей посередине шерстью, за которую дергают рукой, производя гудящий звук; с ним парни ходят колядовать и просят подарки)" [Jungmann, d.1, s. 202]. Подробные толкования даны также в статьях ZLÁTA BÁBA "добрый дух", BERANEK "барашек" (название хлеба), BLUDIČKA "блуждающий огонек". Другие слова такого типа толкуются кратко: BDĚNJ — "вечер перед праздником" (слово из немецко-чешского словаря Добровского; отмечено как устарелое) [D.1, s. 82]; BOSORAK "чародей" [D.1, s. 165]; BOŽICE (božica) словац. "вещунья" [D.1, s. 166]; BOROWJT — "лесной дух старых славян" [D.1, s. 163]. Названия, происхождение которых, по мнению автора, связано с верованиями и поверьями, даны с соответствующими объяснениями, например: "BLÝSKAWKA... орех, пораженный головней, испорченный. Как полагают в народе, это происходит от молнии, откуда — и название" [D.1, s. 145]. Аналогично обработаны словарные единицы BABA PORODNJ "повивальная бабка", BLJN "белена", BUBAK "страшилище". Встречаются фразеологические сочетания, запечатлевшие черты отдельных обычаев и верований: BÁBU ŘEZATI "праздновать середину поста", BĚSA MJETI "быть бесноватым страдать от бесов". Многочисленны статьи под заглавными словами, которые толкуются как имена славянских божеств: JAĜA BABA, BARSTUK, BAROWJT, BĚLBOH, BĚLINEC, BJLÝ BŮH, BUDINTALA.

Толкования, данные в таких словарных статьях, как BUKÁL, BLÝSKAWKA, по способу построения и содержанию приближаются к трактовке терминологии духовной культуры в чешских диалектных словарях начала XX в. ("Диалектный моравский словарь" Ф. Бартоша, 1906 г., "Диалектный ходский словарь" Й. Грушки, 1907 г.), богатых обрядовой и мифологической лексикой (см. 2.2.2., 2.2.3.).

1.3. Словари общенационального масштаба на диалектной основе

1.3.1. *Вклад В. Караджича в формирование сербскохорватской лексикографической традиции*

Словари языков "нового" и "среднего" типа (по классификации литературных языков Н. И. Толстого), запечатлевшие тесную связь литературного языка с диалектной базой и фольклорной традицией, широко представляют терминологию духовной культуры народа. Этот пласт лексики дается как бы "изнутри", ее собиратели стремятся отразить систему и внутреннюю логику образности народной речи, обращаясь к мотивирующим ее истокам, в частности, к верованиям, остаткам язычества, архаическим представлениям о природе и т.п. Как правило, создатели этих словарей сами были собирателями фольклора и первыми этнографами. Так, один из выдающихся славистов Вук Караджич является автором многочисленных фольклорных сборников ("Песнарица" выходит уже в 1814 г.; "Сербские народные сказки" — в 1821 г.; "Сербские народные песни" — в 1823 г., 1824 г., 1833 г.; "Сербские народные пословицы" — в 1836 г.), отдельных статей и книг по этнографии сербского народа (см. [Филиповић 1972, с. 534–536]), а также обширной работы, посвященной сербским "обычаям и мифологии", которая была издана только после его смерти, в 1867 г., под названием "Жизнь и обычаи сербского народа". Систематическим описанием сербских "обычаев и мифологии" В. Караджич занимался на протяжении всей жизни, и многие ранние материалы вошли в рукопись без изменения. В разделы, где описываются народные обычаи и верования ("сербская мифология", по словам В. Караджича), большой корпус данных взят из "Сербского словаря". В книгу полностью перенесены (или взяты за основу описания) многие статьи, например, "Божић", "Варица", "Материце", "Вила", "Вјештица", "Вампир" и др., при этом, как отмечает М. Филипович, "Сербский словарь" дает намного более полное представление о сербской народной религии, чем указанные разделы в книге

"Жизнь и обычаи" [Филиповић 1972, с. 543]. Более того, описаний в словаре "столько и они такого качества, что далеко превосходят значение, которое им тогда придавал Вук: этим он заложил основы сербской этнологии" [Филиповић 1972, с. 543]. Обилие этнографических данных в словаре В. Караджича не раз побуждало исследователей проводить классификацию этого материала. М. Радованович в своей монографии "Вук Караджич — этнограф и фольклорист" дает подробную классификацию всего представленного в “Сербском словаре” 1852 г. этнографического материала[5] в соответствии с принятыми в современной этнографии требованиями [Радовановић 1973, с. 106–141; 76–80].

Словарь Вука Караджича сыграл первостепенную роль в формировании литературного сербскохорватского языка, возникшего в результате решительного разрыва с предшествующей славяносербской традицией. Создателю "Сербского словаря" 1818 г. не пришлось придумывать новых слов по принципу словотворчества родного языка или привлекать иноязычную лексику: в основу словаря был положен реально существовавший во всем своем колорите восточногерцеговинский диалект "пастухов и землепашцев", носителем которого был и сам автор. По словам П. Ивича, "лексическое богатство, представленное в словаре, имеет вы-

---

[5] Материал духовной культуры народа рассматривается в следующих разделах данной классификации: "Пища (продукты и способы приготовления еды и питья; характерные блюда семейных и календарных обрядов и обычаев)"; "Семья... семейные обычаи и обряды, связанные с рождением, свадьбой и смертью..."; «"Слава" как традиционный семейный обычай; сельская "слава" как коллективный праздник"»; "Религия, календарные праздники, верования и обычаи, связанные с ними"; "Народная медицина, народная ветеринария. Использование лечебных трав в лечении и магия в лечении. Этноботаника, этнозоология"; "Народное искусство: а) изобразительное...; б) устное народное творчество, поэтическое и прозаическое: примеры стихов, рассуждения о жанрах песен; пословицы, короткие повествования, анекдоты, басни, легенды, предания; в) народная музыка и народные инструменты; народные игры... Обрядовые игры" и в некоторых других [Радовановић 1973, с. 105–106].

разительные черты лексики поистине народного диалекта, который живет в сельском окружении и богат, прежде всего, терминологией пастушества и земледелия, как и всего, что с ним связано" [Ивић 1966, с. 151]; т.е. лексикой фольклора, обрядности, обычаев.

В научной литературе хорошо описаны особенности говоров восточногерцеговинского типа: общие для них так называемые "прогрессивные" языковые черты; "срединное" расположение с точки зрения коммуникации между сербами и хорватами; а главное — тесная связь с народно-поэтическим койне [Толстой 1988, с. 19–20; Brozović 1970, s. 103–118; Peco 1980, s. 3–6]. Н. И. Толстой пишет: "...Само койне базируется на восточногерцеговинском диалекте. Это народно-поэтическое койне — плод развитой сербскохорватской фольклорной традиции, богатой эпическими жанрами и устойчивыми поэтическими средствами" [Толстой 1988, с. 20]. Словарь отразил народную лексику и вместе с ней картину крестьянского быта и культуры, что с восторгом было принято в сербских демократических кругах и соответствовало европейскому духу романтизма того времени (словарь высоко оценил Я. Гримм [Мојашевић 1983, с. 399–400]), а впоследствии обеспечило долгую судьбу в качестве "этнографической энциклопедии сербского народа".

Суть лексикографической обработки представленной лексики состоит в том, что немецкие и латинские слова после долгих раздумий оставлены В. Караджичем и Е. Копитаром в качестве эквивалентов к заглавным сербским и не занимают столь значительного места в толковании, сколь уделено описаниям, объяснениям, полным и кратким комментариям на сербском языке с цитированием народных песен, пословиц, поговорок, загадок, словесных этикетно-обрядовых клише и т.п. Словарь содержит такие п о л н ы е описания, которые до сих пор не утратили ценности как самостоятельные этнографические этюды: БАБИНЕ, БАДЊАК, БОЖИЋ, ВАРИЦА, ДОДОЛЕ, КРСНО ИМЕ, ВАМПИР, ВЈЕШТИЦА, ВИЛА и т.д. Статьи такого типа могут привлекаться и в новейших исследованиях по этнолингвистике, как, например,

статья МИЛАТИ СЕ, содержащая редкое описание архаичного обряда и ритуальный диалог (см. исследование ритуала-диалога в работах Н. И. Толстого [Толстой 1984б и др.]). Многие статьи "Сербского словаря" включают разнообразные поверья, зафиксированные кратко, со ссылкой на устную традицию: "Люди рассказывают..."; "Сербы рассказывают..." и т.п. Под заглавным словом БЛА̀ГОВИЈЕСТ отмечено магическое средство узнать ведьму в день Благовещения; под ВИДО̀ВИТ — поверье о сверхчеловеческих свойствах ребенка, который "родился в сорочке" и т.д. (см. ВРЗИНО КОЛО, ВУКОЈЕДИНА, ЈЕДНОМЈЕСЕЧИЋИ, ЈАШТЕРИЦА и др.). Этнографы отмечают и важность включения Караджичем тех слов народной лексики, которые не снабжены обширными объяснениями, а даются с кратким толкованием или вовсе без него [Филиповић 1972, с. 540; Радовановић 1973, с. 104], т.е. ценность словника, содержащего лексику духовной и материальной культуры народа (о классификации лексического состава словника Вука см. [Popović 1983, s. 27, 53–54]).

Слова из произведений устного народного творчества (эпических и лирических песен, малых фольклорных жанров) представлены в словаре наряду с лексикой повседневной речи и турцизмами, составляющими, впрочем, меньшую часть всего словника [Popović 1983, s. 53]). Они имеют пометы "ст." ("стаjаће" в смысле "фольклорные"), "понајвише у пјесмама" ("большей частью в песнях") и т.п., сопровождаются немецким и латинским переводом, а также цитатами, иллюстрациями из народных произведений. Внесены в словарь слова из текста загадок с указанием, что употребляются "только в этой загадке". Ценным является включение текстов обрядовых песен в описание обычаев и обрядов, как, например, в статье БА̀БИНЕ ("семейный праздник в течение семи дней после рождения ребенка"): "На *бабинах* поют различные песни; а существуют и такие, которые поются только в это время, например,

"Ој, на долу на голему боб се зелени.
А ко га је посејао те се зелени?

Мирко га је посејао те се зелени,
Ружа га се назобала, срце је боли." [Караџић 1818, с. 15].
(Ой, в большой долине зеленеет боб.
А кто его посеял, и он зеленеет?
Мирко <имя отца> его посеял, и он зеленеет,
Ружа <имя матери> его наелась, сердце у нее болит.)

Таким образом, символика ритуальной песни в этом обряде раскрывает связь беременности и последующего рождения ребенка с бобами (отец ребенка их "посеял", мать — "съела"), что подкрепляется значением ряда диалектных словесных клише и фразеологизмов, аналогичными фольклорными мотивами и семантикой ритуально-магических действий с бобами из других славянских архаических зон, прежде всего, — южнославянской (см. [Плотникова 1996; ЭССД, т.1. с. 201–202])[6].

Создание в начале XIX в. славянского словаря ОМ, базирующегося на народном диалекте сельской среды — явление исключительное. В связи с узкой диалектной основой первого издания "Сербский словарь" 1818 г. часто рассматривается как "словарь говора одного человека" [Ивић 1966, с. 79], "первый словарь штокавского говора и в то же время дифференциальный словарь по отношению ко всей штоковской территории" [Зајцева 1982, с. 70]. Однако следует учитывать наддиалектный характер этого труда — результат целенаправленной работы В. Караджича над словарем сербского языка. Так, первоначально автор думал о внесении в словарь материала старых словарей Стулли, Ямбрешича [Musulin 1959, s. 56]. Впоследствии он изменил свое решение в пользу народных слов с более широкой террритории, собранных

[6] Ко всему сказанному и написанному до сих пор об эротической символике бобов в родильной обрядности добавим и новейшие подтверждения тому в современных сербских диалектах: о беременной первым ребенком женщине в пиротских селах (юго-восточная Сербия) говорят: *Набобил ђу*, что значит "накормил ее [муж] фасолью, бобами" и "сделал ей ребенка" (устное сообщение коллеги Д. Златковича, научного сотрудника Музея Понишавья в Пироте).

им за короткое время в Среме, Воеводине, центральной и восточной Сербии. Эта небольшая часть слов, как правило, дается с соответствующими географическими пометами: "Рес. и Срем." (ресавское и сремское); "у Сријему, у Бачк. и у Бан." (в Среме, Бачкой и Банату). Помета "Ерц." обозначает слова, услышанные автором от герцеговинцев, с которыми ему часто приходилось общаться.

География второго издания "Сербского словаря" (1852 г.) значительно расширена за счет включения слов, записанных Вуком Караджичем (и его корреспондентами-единомышленниками) в Далмации, Хорватии, Боке Которской и Черногории. В предисловии ко второму изданию автор выражает сожаление, что он не смог побывать в южной Сербии, Боснии и Герцеговине, где бы он записал гораздо больше неизвестных ему слов. По поводу помет в этом издании он пишет: "Для многих слов, которые показались мне особенными и неизвестными в народе повсеместно, я ставил пометы, где какое слово услышал или где оно употребляется, но по этому нельзя судить о том, что они только [подчеркнуто автором] в тех местах употребляются..." [Караџић 1852, с. VII]. Специфическая местная лексика, которую Караджич считал нужным отметить, сопровождается различными по объему содержания пометами: это могут быть узко локализованные указания на город: "у Дубр." (в Дубровнике), "у Рисну", "у Грбљу", "у Перасту", "у Земуну"; на небольшую местность или остров: "око Сиња", "у Лици", "у Барањи", "у Црмн." (в Црмнице), "у Паштровићима", "у Уж.н." (в Ужицком крае), "у Шумад." (в Шумадии), "на Корчули", а чаще — широкие указания на обширные области: "у Војв." (в Воеводине), "у Славон." (в Славонии), "у Босни", "у Босни по варошима" (в Боснии по городам), "у Хрв." (в Хорватии), "у Херц. и у Хрв." (в Герецеговине и Хорватии), "у Далм." (в Далмации) "у Ц.Г." (в Черногории), "у примор." (в Приморье), "по југоз. кр." (в юго-западных краях), "јуж." (южное), "у сјеверн. кр." (в северных краях), "ист." (восточное) и т.д.

Расширение ареальных границ народной лексики позволило по сравнению с первым изданием пополнить словарь новой тер-

минологией духовной культуры народа, а также внести дополнения в описания обычаев и верований со ссылкой на край или этническую группу. Так, во втором издании только под буквой "Б" появляются такие термины календарной обрядности, как БУ́ША "ряженый на масленицу" (Мохач[7]); БРАВА̀РИЦА "рождественский хлеб" (Кастела[8]); БЁ̑МБЕЛЬ "ряженый во время весеннего цикла праздников" (Дубровник) БЍЈЕЛА̑ СУ̀БОТА — обозначение различных весенних праздников в Сербии и Далмации; БА̏ДЊЍ ВЁЧЕ — "вечер накануне рождества" (в Черногории, по Караджичу). Дополнена и мифологическая лексика, например, включены черногорские названия змей со сверхъестественными особенностями, приводятся подробные описания их вида, былички о встречах с ними (см. БЁЧА, БЛА̏ВО̑Р, БЛО̏Р). Увеличение во втором издании объема этнографических описаний за счет изложения обычаев и поверий характерно для тех статей словаря, которые отражают существенные стороны традиционной духовной культуры сербов, черногорцев и других южнославянских народов, проживавших в ареале распространения сербскохорватского языка в начале XIX в. Подробные сведения энциклопедического характера приводятся в статьях БА̏ДЊА̑К, БО̀ЖИЋ, ВА̏РИЦА, Ѝ́ВАЊ ДА̑Н, КР̏СНО Ѝ́МЕ, ТУ́ЖИТИ, ЧЕ́СНИЦА и других, относящихся, прежде всего, к обрядовой сфере народной духовной культуры. Например, изложение сербских ритуалов, связанных с "бадняком" (поленом, которое сжигают в ночь под Рождество), дополнено во втором издании вариантами обряда из архаических областей Черногории (хозяева поднимают в честь нескольких срубленных "бадняков" чаши с вином, пьют сами и "угощают" поленья — Црмница), черногорского приморья (украшение поленьев ветками лавра), Герцеговины (большой размер поленьев, ввоз в дом на волах) [Караџић 1852, с. 45].

---

[7] Мохач — городок в южной Венгрии. В RHSJ указывается, что отмеченное Караджичем *búša* из венг. *büsa*, а также дается ссылка на *búsar* в том же значении в Славонии [RHSJ, t.I, s. 746].

[8] Кастела — приморские села между Сплитом и Трогиром.

Во втором издании многие описательные толкования терминов народной духовной культуры показывают распределение названий тождественных или сходных реалий на территории сербскохорватского языка. Так, если в первом издании приводится только ДО̀ДОЛЕ "обряд вызывания дождя" (в Сербии от Валева к Тимоку), то во втором — и ДО̏ДОЛЕ, и ПР̏ПОРУШЕ (Далмация и Котор). В этих словарных статьях подробно описываются оба региональных варианта обряда вызывания дождя, из чего видны их сходные черты (способы украшений, традиционный обход процессиями домов, наличие главного действующего лица, обливаемого водой и т.д.) и отличия, например, исполнение обряда девушками (*до̏доле*) или неженатыми парнями (*пр̏поруше*). Во втором издании статья ВУКО̀ДЛАК "вампир", незначительно дополненная по сравнению с первым изданием, содержит отсылку к диалектному слову ВЈЕДО̀ГОЊА. В словарной статье ВЈЕДО̀ГОЊА / ЈЕДО̀ГОЊА описывается, по существу, иной демонологической персонаж (*вјѐдогоња*, *једогоња* как обозначения "человека-ветра" до сих пор фиксируются в Черногорском приморье и примыкающих этноязыковых зонах), сближающийся с "вампиром", как показывают статьи словаря, только по отдельным признакам (*једогоња* может стать вампиром после смерти, если не предпринять традиционных мер предосторожности).

Как видим, этнографическая и фольклорная основа второго издания словаря значительно расширена по сравнению с первым изданием. Стремление оснастить словарь 1852 г. более полными этнографическими сведениями отражается в подаче описательных толкований терминов народной духовной культуры, которые в первом издании не сопровождаются описаниями обычаев или поверий. Во втором издании статья БА̏ДЊИ̑ ДА̂Н "сочельник" содержит изложение некоторых обычаев в Сочельник и Рождество (запрет оставлять в доме предметы утвари, встреча "полазника"); в статье ВѐРИГЕ "цепи" приводится указание на бытовой запрет и соответствующее поверье о "воздействии" качающихся цепей на морскую качку судов. Статья ГР̀МЉЕТИ "греметь" включает большое число верований, связанных с громом, и т.д. Собственно

фольклорная лексика неизмеримо богаче в издании 1852 г.: к тому времени Караджич был исключительным знатоком устного народного творчества. Заметим также, что для второго периода научной деятельности Караджича, датируемого исследователями с 1834 г., характерным признается "единство этнографии и фольклора" как метода описания народной жизни и обычаев [Радовановић 1973, с. 189], что в полной мере нашло отражение в словаре.

"Сербский словарь" Караджича оказал огромное влияние на все последующее развитие сербскохорватской лексикографии. Концепция открытого для диалектной лексики словаря национального языка была актуальна и в XX в. "Словарь сербскохорватского литературного и народного языка" 1959 г. (так называемый словарь Матицы Сербской) ориентировался на "внесение... народных слов из различных краев", что должно показать "их географию, степень распространенности и... то, какие писатели ими пользуются" [Словарь МС 1959, с. XXIV]. Загребский "Словарь хорватского или сербского языка" (RHSJ), издававшийся в течение почти целого столетия (1882—1976), опирался на концепцию включения в словарь всей известной лексики, "до победы чистого народного языка". Его основатель Дж. Даничич, ученик, последователь и соратник Вука Караджича, еще во время подготовки второго издания "Сербского словаря" настаивал на внесении в него слов как живого разговорного языка, так и выбранных из письменных источников прошлого и настоящего. Результатом лексикографической деятельности Дж. Даничича стал не только исторический "Словарь книжных древностей сербских" (1863—1864), но и начало создания RHSJ, большого словаря-тезауруса сербскохорватского языка. Словарь содержит огромный фонд диалектной лексики, почерпнутой из старых словарей 1595—1810 гг., носивших, как правило, отпечаток родного говора лексикографа [Musulin 1959, s. 55], из словаря Вука и новых источников, в основном — фольклорных и этнографических. За время издания словаря в XX в. его диалектная основа была еще более усилена: он стал включать диалектную лексику, современную последующим его составителям.

Уже во второй половине нашего столетия в сербокроатистике встал вопрос четкого разделения между диалектной и литературной лексикой, как и проблема отсутствия собственно диалектной лексикографии, при том, что "в двух словарях (RHSJ и Словарь САНУ. — *А.П.*) утоплены огромные собрания слов из всех зон сербскохорватской языковой области" [Петровић 1982, с. 196]. В последнее время (конец 80-х — 90-е годы) с выходом в свет ряда сербских диалектных словарей эта проблема постепенно разрешается, причем новые региональные словари описывают лексику архаических диалектных зон, таких, которые действительно можно назвать "приоритетными для сбора и изучения лексического богатства народа" [Толстой 1984в, с.182]: словари по лексике южной, юго-восточной и восточной Сербии [Митровић 1984, Живковић 1987, Златковић 1989, Динић 1988—1992, Златановић 1998], диалектные словари говоров Черногории [Станић 1990—1991, Стиjовић 1990, Вуjичић 1995, Ћупић 1997].

RHSJ, монументальное лексикографическое произведение, стал подлинным памятником культуры сербов и хорватов. Он носит черты не только филологического, но и справочно-энциклопедического словаря о жизни и обычаях народа. Вслед за словарем Караджича RHSJ охватил богатейшую сербскохорватскую топонимику, что имеет лингвистическую и культурно-познавательную ценность.

В соответствии с лексикографическими принципами Дж. Даничича лексические единицы объясняются через краткое определение и обилие примеров, которые играют основную роль в толковании значения слов. Примерами употребления лексической единицы служат разного объема цитаты из литературных, этнографических и фольклорных произведений, в том числе фрагменты из народных песен, сказок, пословицы, поговорки, загадки и обширные описания обычаев, верований. В данном словаре цитирование выполняет не только иллюстративную, но и объяснительную, "толковательную" функцию. Для объяснения лексики народной духовной культуры используются в основном этнографические источники — работы М. Миличевича, В. Караджича;

при этом сохраняется ориентация на словарь Вука, откуда берется огромное количество примеров. Если в источнике указано место, где распространено (или записано) данное слово в данном значении, то вносятся соответствующие географические указания.

Цитирование может давать практически исчерпывающую информацию о реальном плане лексической единицы народной духовной культуры. Так, в статье BȀDŃÂK после определения "полено, которое накануне рождества кладется в огонь; сочельник" [RHSJ, t.1, s. 147] следуют цитаты из этнографических и литературных произведений, подробно и последовательно описывающие ритуалы, совершаемые с рождественским поленом в сочельник и на Рождество. Первая цитата (из словаря Вука) содержит сведения о том, какие породы деревьев используются, сколько стволов срубается; когда, как и с какими словами. Вторая цитата (Миличевич) — сколько человек участвуют в рубке деревьев; когда, как это делается и какие здесь существуют приметы; описывается подвоз стволов к дому, распиливание на части. Третья (Народные песни Вука) — кто обычно идет за бадняком; четвертая (словарь Вука) и пятая цитаты (Народные песни Вука) — чем "бадняки" украшают. Шестая (словарь Вука) — время внесения в дом, действующее лицо, способ укладки в очаг. Седьмая цитата (Миличевич) раскрывает иные варианты ритуала "встречи" "бадняка" в доме; восьмая (Народные песни Вука) содержит сведения об исполнении песен во время ритуала возложения в очаг "бадняка" и т.д. Всего приводится 17 цитат, с помощью которых достигается полнота представления сведений об обряде, своего рода его "идеальная структура". К сожалению, указание на место исполняемых действий, т.е. локализация компонентов обряда наблюдается только в случае упоминания об этом в самой цитате, например, из словаря Вука 1852 г.: "U Risnu badńake nakite lovorikom. Vuk, rječ. 12ª" — В Рисане "бадняки" украшают лавром. [RHSJ, t.1, s. 147].

1.3.2. *Словарь В. И. Даля и русская лексикографическая традиция*

Совершенно иной тип литературного языка, противоположные условия его развития вызвали к жизни монументальное произведение русской культуры "Толковый словарь живого великорусского языка" (ТСЖВЯ) В. И. Даля (1863—1866 гг.). К середине XIX в. русская лексикографическая традиция уже прошла определенный путь становления вместе с процессами формирования литературного языка и достигла достаточно высокой степени совершенства, что отразилось в САР–I и САР–II, Словаре 1847 г. (СЦСРЯ)[9]. Ни один из этих словарей не ставил целью отражение диалектной лексики и, соответственно, народной (крестьянской) культуры, что обусловлено ситуацией формирования русского литературного языка (тесная связь с церковнославянской лексической базой, наличие уже в первой половине XIX в. высоко художественных произведений на уровне европейской литературы, в первую очередь — А. С. Пушкина). В данных условиях словарь Даля, будучи своеобразной реакцией на "дворянский", "салонный" русский язык, не мог вызвать революционного поворота литературного языка к диалектной лексике, как это произошло в случае с "Сербским словарем" В. Караджича в условиях сербского Возрождения. Однако эти словари имеют много общего. В своем труде В. И. Даль также представлял народную (крестьянскую) лексику в тесной связи с ее фольклорно-этнографической основой. В словаре нашел отражение не только огромный фонд собранной диалектной лексики, но и оригинальные словесные клише, по-

---

[9] Словарь 1847 г., несмотря на церковнославянскую ориентацию, включал определенный фонд областной лексики из периодической печати первой половины XIX в. (см. [Канкава 1958, с. 171]). В словаре использована усовершенствованная система помет, поэтому немногочисленные термины духовной культуры народа встречаются не только с пометой "обл." (используется в основном для названий реалий материальной культуры), но и "простон." (часто — для названий обычаев и обрядов), а также "стар." (например, для лексики из исторических источников, типа БААЛЬНИК, БАЛИЙ, БРАТЧИНА, БОЛВАН).

словицы, поговорки, загадки, а также заговоры, суеверия, обычаи и народная мифология. Стремление автора обратить интерес общественности к живому русскому слову и его фольклорно-этнографическим истокам, показать "русский дух" языка определило "этнолингвистический" подход в ТСЖВЯ. Дальнейшее развитие этнолингвистической лексикографической традиции продолжил СРЯ под редакцией А. А. Шахматова, а также русские диалектные словари (см. 2.1.).

Концепция словника ТСЖВЯ обусловлена специфическим подходом Даля к понятию "народный язык", ставшему основным объектом описания. Об этом подробно писал в своей монографии М. В. Канкава [Канкава 1958, с. 22–23]. "Народный" язык противопоставляется письменному и определяется В. И. Далем как многообразный, но единый в лексическом отношении великорусский язык: "...На всю ширь Великой Руси нет наречий, а есть разве одни только говоры. Говор отличается от языка и наречия одним только оттенком произношения, с сохранением нескольких слов старины, и прибавкою весьма немногих, образованных на месте речений, всегда верных общему духу языка" [Даль 1862, с. V]. В. И. Даль собирает воедино все "живые" русские слова, с тем чтобы читатель мог по своему усмотрению выбрать нужное ему слово, не прибегая к заимствованиям из других языков, в частности — из французского. Таким образом, источник обогащения словарного литературного языка Даль видел в областной лексике, которую и представил в словаре во всем ее богатстве. "Необязательными" для ТЖСВЯ стали церковнославянские слова и лексика, вышедшая из употребления. Объем словника "еще яснее означился словом ж и в о г о, которое и указывает на желание захватить все то, что среди нынешнего великорусского народа можно услышать или прочитать." [Даль 1862, с. IX]. Поскольку в основу словаря легла диалектная лексика, то вместе с материалами Академического словаря 1847 г. автором использованы данные первого сводного диалектного словаря ("Опыт областного великорусского словаря" 1852 г., откуда взято 15 тыс. слов), и "Дополнение" к нему 1858 г. (также около 15 тыс. слов), многочислен-

ные письменные и устные источники, причем предпочтение отдавалось словам, бытующим в народе, но не отмеченным в предшествующих словарях. Более трети всего словарного состава (70—80 тыс. слов из 200 тыс.) записано самим Далем в течение сорокалетней собирательской работы.

Теоретические установки В. И. Даля отразились в подаче географической документации в словаре. Часть диалектной лексики сопровождается пометами-ссылками на уезд, губернию, край (более широкие указания — "сев.", "юж.", "вост.", "запд.", "считая от Москвы"). Однако большое число областных лексических единиц, в тòм числе терминов традиционной народной культуры, географически не локализованы и тем самым отнесены к разряду общей лексики. Среди них встречаются и такие, которые даются в "Опыте" с "Дополнением" с определенной локализацией. Например:

ТСЖВЯ	"ОПЫТ"
БÆННИК, хлеб, коим мать невесты благословляет к венцу молодых: хлеб, соль, жареная птица и два полных столовых прибора; все это зашивается в скатерть и сдается свахе, а она расшивает банник на другой день, по выходе молодых из бани, которые и едят его одни, самдруг. [т.1, с. 40].	БАННИК... Хлеб, зашитый в скатерть вместе с жареною птицею и двумя столовыми приборами. Этим хлебом благословляет невестина мать отъезжающих к венцу жениха и невесту. Арханг. [с. 6].
	"Дополнение"
БЕРЕЗА... *Береза* как о т в е т с в а х е, согласие; *сосна, ель, дуб,* отказ. [т.1, с. 65].	БЕРЕЗА... Ответ невестиной стороны, что значит согласны. Псков. Новоржев. Псков. [с. 8].

Умышленное снятие помет соответствует авторской концепции словаря "народного" языка. Кроме того, В. И. Даль считал, что "мы вообще большей частью ошибаемся, отмечая слово курским, нижегородским потому только, что в первый раз его там

слышали; но мы слишком мало знакомы с народным языком..." [Даль 1852, с. LI].

Нетрадиционным является алфавитно-гнездовой способ расположения заглавных слов в словаре В. И. Даля. Он связан с идеей отображения лексического богатства русского языка в том виде, в каком бы наиболее отчетливо выявились ассоциативно-ценностные связи между словами. Выбранный автором способ расположения слов делит картину мира по принципу отношения единицы к корнеслову, что дает возможность выстроить соответствующие функционально-смысловые связи на семантическом уровне исследования родственных слов (впрочем, признаваемых таковыми нередко и ошибочно). Для лексики традиционной народной культуры характерна последовательность обрядовых и мифологических терминов в рамках одной словарной статьи. Так, гнездо с названием традиционной русской пищи включает терминологию семейной, календарной и сельскохозяйственной обрядности. "БЛИН ... *Блины, блинки, блинцы* и *блиночки*, которыми обычно празднуется наша масляна... *Блинами* поминают покойника и празднуют свадьбу; *блины* называется стол у родителей на другой день свадьбы... *Блинный стол* см. *большой стол* — *неделя* п с к. масляна... *Блинница* с в т б. девушка, приходящая к молодой на др. день свадьбы, с блинами. // Масляна... Блинщина ж. пора блинов, масляна, сырная, блинная неделя" [ТСЖВЯ, т. 1, с. 86].

"КАША ... // Крестины, где бабка обходит гостей с кашею, потчуя отца ложкою каши с солью и перцем // с т а р. обед после свадьбы у молодых, на новом хозяйстве. // Каша, с е в. помочь на жатве, особ. пожинки, завой бороды; пируют; толпа *кашниц* ходит с песнями... Кашник ... // Гости, приглашенные на кашу, на каши к молодым, родичи невесты. ...Кашничать, пировать на кашах, у молодых или на крестинах" [ТСЖВЯ, т. II, с. 100, по изд. 1880—1882].

Выступая против логических определений слов в Словаре 1847 г., В. И. Даль противопоставляет им описательный метод толкования. При этом его описания могут быть различными по

объему, в зависимости от типа и особенностей описываемой реалии. Названия объектов материальной культуры снабжаются энциклопедическими сведениями об их видах, применении в хозяйстве и, как правило, — функциях в обрядности. Автор часто прибегает к этнографическим комментариям и пояснениям, которые дает в тексте статьи мелким шрифтом. В словаре прослеживаются различные возможности включения в толковый (общий и диалектный) словарь фрагментов духовной культуры народа.

Большое число лексических единиц, представленных Далем, закреплены в сознании носителей языка как термины традиционной духовной культуры: БРАТЧИ́НА "общий крестьянский праздник, приуроченный к какому-либо дню календаря", БОГОЯВЛЕ́НИЕ, БАБА-ЯГА́, КОЛЕДА́ (КОЛЯДА́), КИКИ́МОРА, КУПА́ЛА, ЛЕСОВИ́К (ЛЕСОВО́Й, ЛЕ́ШИЙ, ЛЕША́К), МА́СЛЯНА (МА́СЛЯНИЦА, МА́СЛЯНАЯ), РУСА́ЛКА, СВЯ́ТКИ и пр.[10] При подаче названий семейных и календарных праздников приводится перечень народных обрядовых действий, приуроченных к календарю поверий, запретов и т.п. Эти сведения излагаются в толковании, примечаниях (мелким шрифтом) или иллюстрациях (с включением фразеологических или пословичных оборотов). Так, иллюстрации живой народной речи к слову БОГОЯВЛЕ́НИЕ содержат приметы о погоде, урожае, приплоде, дичи, информацию о способах магического лечения, гаданиях, традиционных ритуалах, календарных запретах. Толкование слов — названий демонологических персонажей включает описание внешнего вида, функций, способов общения с человеком, приемов противодействия и т.д., причем часть обширных сведений выносится в примечания и иллюстрации.

Многочисленную группу терминов традиционной культуры в словаре В. И. Даля составляют лексические единицы (ЛЕ), внутренняя форма которых мотивирована элементами духовной

---

[10] Многие термины народной культуры не являются диалектными, тем не менее могут существовать различные локальные особенности самого исполнения обряда или представления о демонологическом персонаже.

культуры. Взаимозависимость между этими компонентами, как правило, осознается носителями языка (диалекта): БА́ННИК "домовой; живущий в бане", БЕЛУ́Н "добрый домовой, белобородый, в белом саване и с белым посохом...", БЕРЕ́ЩИК "знахарь, знающий тайны скота, оберегающий...", БУДИ́ХА "ночной детский страх" и т.д. Этнокультурный контекст функционирования терминов может включаться в их толкование как естественное объяснение названия или даваться в примечании как информация в помощь адекватному пониманию происхождения названия.

Многие ЛЕ — названия различных объектов материальной культуры, растительности, животного мира — имеют статус термина духовной культуры только в соответствующем контексте (часто в определенном ареале): БЛИНЫ́ "стол у родителей молодой"; КАРАВА́Й "девичник"; КА́ША "крестины"; БЕРЁЗА "согласна, ответ свахе"; ВО́РОН "игра, где мать укрывает от ворона детей"; КОЗА́ "святочная маска" и т.д. Включение в словар-ную статью описания фрагмента духовной культуры служит тол-кованием слова в данном значении.

Значимыми для описания народной духовной культуры являются ЛЕ, обозначающие реалии и явления, с которыми связаны различные поверья и обряды. К толкованию таких ЛЕ добавляется примечание автора. Эти примечания не расширяют и не поясняют значения слова, но содержат важные сведения о духовной культуре народа: "БАДОВЯ́К м. арх. старый межевой пень, усохшее дерево, сохраняемое в виде межевого знака. По поверью под каждым б а д о в я к о м есть п о л е т ь е, сокровище, клад" [Т.I, с. 32]. "БОДЯ́К; БУДЯ́К..." виды раст. Circium, Carduus, Cuicus; чертополох, мурат, мордвин, мордвинник, татарин, репей, волчец, пустосел, дед, осот. ...На видах растения татарин народ заговаривает кровь, червей, лихорадку и пр. Стебель пригибают и прикручивают, не ломая и говоря: "Изведешь, отпущу, не изведешь, с корнем изжену". Коли заговор сделает свое, то идут в поле и отпускают татарник" [Т.I, с. 94].

Особо следует отметить фразеологические обороты, обозначающие обрядовые и ритуальные действия, названия праздников

и т.п. Такие фразеологизмы, как и другие термины народной духовной культуры, сопровождаются толкованиями, включающими описание обычаев, ритуалов: БРОСАТЬ... *бросать башмачок* (вид святочного гадания), БОРОДА... *завить бороду* (ритуал окончания жатвы) и т.д. Кроме того, многие фразеологизмы входят в авторское примечание к заглавному слову, например, "БЕРЁЗА... На Семик девки завивают березку, обычай и гаданье: идут в лес, завивают березку венком, кумятся, крестят кукушку, сестрятся, меняясь крестами и ходят хороводом вокруг наряженной лентами березки, принося ее в деревню" [Т. I, с. 65].

Лексические единицы, при интерпретации которых оказывается возможным включить фольклорный материал, многообразный по жанрам и тематике, могут быть самых различных типов. По свидетельству самого автора, фольклорный материал в словаре, в первую очередь малые жанры, — средство иллюстрации словарных единиц: "...При бедности примеров хорошей русской речи, решено было включить в словарь н а р о д н о г о я з ы к а все пословицы и поговорки, сколько их можно было добыть и собрать" [Даль 1862, с. IX]. Богатство собранных в словаре пословиц и пословичных выражений сделало его важным источником для фольклористов, наряду со специальнно выпущенным Далем сборником пословиц и поговорок ("Пословицы русского народа", 1861—1862 гг.). Заметим, что словарь имеет некоторое преимущество перед сборником: если в последнем пословицы и поговорки размещены по темам (достаточно субъективный принцип подачи паремии), то в словаре мы их найдем по конкретному слову, как правило опорному, входящему в состав какой-либо паремии. В новейших трудах по славянской паремиологии (например, в "Новой книге польских пословиц и выражений") применяется именно метод опорных слов (см. об этом [Кууси 1978; Плотникова 1988]).

В словаре Даля в большом количестве представлены пословичные выражения, содержащие информацию об обрядовых действиях, запретах, народных приметах и поверьях. В случае их неясности дается примечание-пояснение автора (см. БОБЫ́, БОГО-

ЯВЛЕ́НИЕ), но, к сожалению, непоследовательно, что может затруднять их понимание сегодня, например: БАРА́ШЕК; БАРАНЮ́ШКА (общее заглавное слово БАРА́Н) *...На Васильев вечер барашка в лоб, на Илью баранью голову на стол* [Т.I, с. 42].

Исследователи отмечают, что словарь Даля по типу словника, организации словарных статей и способам толкования "полемически противопоставлялся всей академической лексикографии" [Сороколетов 1974, с. 25]. Другим лексикографическим опытом, противопоставленным предшествующей традиции (но не Далю), стал "Словарь русского языка" со времени перехода его редакции к А. А. Шахматову (буквы Е–К). Первые три выпуска (буквы А–Д, 1891—1895 гг.) выходили под редакцией А. К. Грота. С 1897 г. концепция словаря настолько изменилась, что по существу мы имеем дело с двумя словарями разного типа. Если словарь Грота преимущественно фиксирует общеупотребительную лексику, то словарь А. А. Шахматова воплощает принципы словаря-тезауруса и включает все слова, известные в народных говорах. С именем А. А. Шахматова связана научная разработка в академическом словаре диалектного материала, отражающего различные стороны традиционной русской народной культуры.

В словаре А. А. Шахматова намечаются пути для изучения лексических изоглосс: к определенным формам и значениям в словаре дается закрытый (по мере изученности) список географических помет его фиксации. Перечисляя в Предисловии различные трудности описания языка, создатели пишут о непосильной задаче "решать без предварительных подготовительных исследований, насколько распространено то или иное слово..." [СРЯ 1897, т.2, вып.1, с.VI], об искусственности разграничения для словарного исследования "областей великорусской и малорусской, с одной стороны, белорусской, с другой" [СРЯ 1897, т. 2, вып.1, с.VI]. Эти мысли, связанные с общим направлением деятельности Шахматова как диалектолога, историка языка и культуры, этнолога, слависта, подводят к идее сочетания лексикографического и лингвогеографического подходов к описанию диалектной лексики. Думается, что роль "предварительных подготовительных ис-

следований" в полной мере могли бы выполнить атласы русского, белорусского и украинского языков, что, однако, становится уже следующей, новой ступенью в развитии славянского языкознания. Таким образом, Второе Отделение Императорской Академии наук пошло на включение в словарь областной лексики "по законному праву" и из практических соображений, восполняя тем самым отсутствие работ по лингвистической географии.

Словарь-тезаурус, каким он стал под редакцией А. А. Шахматова, дает богатейший материал для исследований народной культуры сквозь призму слова и его значений в их географической проекции. Так, в статье под заглавным словом ЕРЕТИ́К приводятся значения: 'колдун', 'дух умершего колдуна', 'бродячий покойник', 'ругательство', 'веселый человек', 'гад, лягушка'. Отмеченные в различных зонах великорусской территории, эти значения показывают развитие семантики слова в овязи с народными представлениями о колдунах (хождение к живым после смерти, превращение в пресмыкающихся, лягушек и пр.). Аналогичные данные находим в статье ЕРЕТИ́ЦА 'колдунья', 'дух умершей колдуньи', 'ругательство', 'змея'; ЕРЕТНИ́К 'колдун', 'человек, наносящий порчу', 'дух умершего колдуна', 'бранное слово', 'гад'; ЕРЕТНИ́ЦА 'колдунья', 'злая женщина, наносящая порчу молодым супругам', 'дух умершей колдуньи', 'гад'. Столь подробное представление словообразовательного гнезда с указанием географической локализации значений слов — реальный материал для картографирования слов и значений. Сопутствующие цитаты-иллюстрации указывают на конкретные ситуации употребления слова в данных значениях. Они содержат сведения об оберегах, средствах "разгадки" колдуна, заговоры, заклинания и даже перечисление способов порчи. Вот например, часть статьи ЕРЕТИ́К: "...Дух умершего колдуна. Волог. (Г.В. 1852), Сольвыч. (Бажен). Один и тот же человек... называется в жизни колдуном, а по его смерти, если бы он заходил по ночам и стал бы есть людей — е-ом. Шенк. (Тр. Этн. Отд. V, I). // Выходящий из могилы покойник. Сибир. (Зап. и зам.). Е-ом ходил, да ему забили

осиновый кол, так перестал. С и б и р. (Череп.)" [Т. II, вып. I, ст. 123].

Особое внимание в словаре уделяется народному календарю: последовательно отмечаются названия народных праздников, даются многочисленные диалектные варианты названий с географической характеристикой, а в качестве цитат-иллюстраций используются пословичные выражения — приметы о погоде, урожае, смене времен года, животных, птицах и т.п. (см. ЕВДОКИ́Я, ЕВДОКЕ́И, ЕГО́РИЙ, ЕЛЕ́НА, ЕРЕМЕ́Й, ЕРЁМА и др.).

Важным источником для этнолингвистических исследований может служить данная в словаре богатая народная фразеология. Так, в статьях ЁЛКА, ЕЛОВЫЙ, ЁЛОЧКА, ЕЛЬ встречаем словесные клише, связанные с погребальной обрядностью и восходящие к общим мифическим народным представлениям: <u>еловая домовина</u> 'гроб', <u>пойти</u> или <u>прогуляться по еловой дорожке</u> 'умереть' и другие, отражающие мотив дома и дороги (ср. описание метафорической лексики погребального обряда в работе О. А. Седаковой [Седакова 1983], показывающее ценность подобного языкового материала для реконструкции славянской духовной культуры).

1.3.3. *Словарь Н. Герова*

Важнейший этап формирования болгарского литературного языка отмечен появлением словаря Н. Герова, воплотившего характерный для XIX в. эмпирически этнолингвистический подход к языковым фактам. Сохранение древнеславянской (церковнославянской) традиции, как пишет Н. И. Толстой, свойственно болгарскому языку в неполной мере. Ощутима близость болгарского языка к диалектной базе, связь с устным народным творчеством и языком фольклора [Толстой 1988, с. 18–20]. Эти типологические особенности литературного языка сказались на структуре и содержании "Словаря болгарского языка" Н. Герова (1895—1904 гг.), имеющего характерные общие черты с другими славян-

скими словарями ОМ. Элементы книжного языка[11], старославянизмы, соседствуют в нем с живой народной речью разных регионов. Причем географические пометы автором снимаются, что представляет собой уже типичный прием в славянских словарях общенационального масштаба. Этим приемом достигается главная цель и назначение словаря такого типа: объединить лексическое богатство э т н о с а как единого целого, народа, чей национальный язык переживает в данный момент сложный процесс становления. Словарь включает диалектные слова и ряд книжных с равным правом на их принадлежность к общеболгарскому языку, при унификации их фонетических и морфологических моделей. Он "задуман как богатый источник в поддержку живым процессам в развитии литературного языка" [Андрейчин 1975, с. XXIX$_I$]. При этом примеры словоупотребления (там, где они есть) отражают повседневную разговорную речь, включают произведения устного народного творчества во всем многообразии: песни, пословицы, поговорки, загадки. Автор использует различные способы толкования слов в зависимости от типа и особенностей соответствующей реалии. Как и для многих словарей периода становления литературного языка, здесь обязательны синонимический ряд при толковании заглавного слова, подробное описание предметов утвари, обрядов, обычаев и ритуалов, поверий и народных мифологических представлений. Отдавая дань роли русского языка в болгарской традиции, автор вводит русский перевод болгарских слов. Л. Стоичкова, отмечая в этом труде совмещение признаков многих типов словарей (толкового, диалектного, синонимического, специального этнографического и т.д.), оценивает его и как сборник фольклорного материала, расположенного по тематическим гнездам при соответствующих заглавных словах [Стоичкова 1954, с. 35].

---

[11] Н. Геров был сторонником сохранения архаических (книжных) особенностей при определении норм литературного языка, что в первую очередь отразилось на орфографии словаря.

Из лексики духовной культуры наиболее полно представлены термины, относящиеся к обрядности и обычаям. В качестве заголовков обширных словарных статей, как правило, выступают хрононимы, например: БАБИН ДЕНЬ, БЛАГОВѢЦЬ, БОГОВА БРАДА, БОГОѬВЛЕНИЕ, БЪДНЫЙ ВЕЧЕРЪ, БЫЛЕБЕРЪ. Эти и другие статьи, описывающие календарную, семейную обрядность, а также обычаи, связанные с сельскохозяйственными работами, представляют собой энциклопедические статьи этнографического содержания. В них обычно дается собирательный вариант обряда (аналогично RHSJ, где "идеальная структура" создается с помощью соответствующих цитат), иногда в текст статьи, наряду с общими сведениями об обряде, вводятся описания его региональных вариантов. Так, в статье БЪДНЫЙ ВЕЧЕРЪ, насыщенной этнолингвистическими подробностями, — прежде всего, терминологией святочной обрядности с конкретным определением обозначаемых реалий, — автор добавляет: "Это самые общие обычаи вечером в Сочельник, а есть и разные другие" [Геров 1895, т.1, с. 89–90]. Из текста данной статьи также следует, что описанные обычаи не являются общими для всей территории Болгарии, что подтверждается и наличием в статье фонетических вариантов, обрядовых терминов с различным "реальным" планом содержания: БОГУВИЦА "хлеб со свечой, поднимаемый хозяином и хозяйкой с пожеланиями здоровья и урожая в Сочельник" и БОГОВИЦА "хлеб с изображениями различных орудий труда, выпекаемый в канун Нового года". В этих и других случаях диалектную лексику и региональные варианты обряда следовало бы сопроводить географическими пометами, как это сделано, например, в статье БЫЛЕБЕРЪ, где дается подробное толкование слова с расшифровкой названия, общие сведения об обряде, а затем — локальный обычай: "Так некоторые называют праздник Рождества Св. Ивана Крестителя, 24 июня — Иванов день. Называется так потому, что в этот день собирают лекарственные травы и их сушат, и лечат ими болезни в течение года. Сбор трав происходит с особенными обрядами и пением песен; см. ЕНЕВЪ-ДЕНЬ. В с. Ороман (Ахиелско) девушки украшают маленькую девочку с

ног до головы цветами, покрывают красной сетью, и одна из них несет ее на плече; они обходят село, поют песни, а ребенок держит две веточки и играет ими. Перед каждым источником и колодцем останавливаются, спускают девочку на землю, танцуют вокруг нее "хоро" и поют разные песни. Это делают для того, чтобы год был благодатным" [Геров 1895, т.1, с. 93].

Демонологическая лексика интерпретируется в словаре в несколько меньшем объеме, чем обрядовая: отсутствует, как правило, описание внешнего вида мифологического персонажа, но имеются указания на место пребывания, функции, на календарную приуроченность его появления, см. БРОДНИКЪ, БРОДНИЦА, БУБА, БУГАНЕЦЬ, БѢЛОГОРКА и др. В словаре содержится и множество иных ценных сведений о болгарской народной духовной культуре. Так, из статьи БОЖИЙ ОГЪНЬ узнаем о значении и роли в народной культуре близнецов (через огонь, добываемый близнецами традиционным архаическим способом, прогоняют скот, чтобы защитить его от болезни), ср. статью БЛИЗНЕЦЫ в этнолингвистическом словаре "Славянские древности" [ЭССД, с. 191–193]. Словесные клише в статье БРАНТИѪ "запущенный виноградник" раскрывают бытующее в народе отрицательное отношение к безбрачию (старую деву называют *дрьта брантиѩ* "дряхлая лоза"), ср. этнолингвистические данные в статье БЕЗБРАЧИЕ [ЭССД, с. 147–148]. В статье БРАДВА "топор" отмечаются магические действия по прекращению града (вынос топора во двор и размещение острием вверх), ср. ГРАД [ЭССД, с. 535–537] и т.д.

1.3.4. *Словарь Н.И. Носовича*

Тесная связь литературного языка с диалектной базой и фольклорной традицией отмечается Н. И. Толстым для двух восточнославянских языков: украинского и белорусского [Толстой 1988, с.19–20].

Появление белорусского словаря ОМ связано с работой по собиранию и публикации специфических по отношению к корпусу русской литературной лексики белорусских слов. "Словарь бе-

лорусского наречия" (закончен в 1861 г., вышел в 1870 г.), созданный Н. И. Носовичем по заданию Академии наук в целях систематизации лексики живой народной речи белорусов для дальнейших лингвистических исследований, приобрел значение словаря ОМ. В подходе Академии к решению вопроса о белорусском словаре отразилось тогдашнее понимание белорусского языка как диалекта ("наречия") русского языка. В итоге "Словарь белорусского наречия" (СБН), подобно "Опыту областного великорусского словаря" 1852 г., стал дифференциальным по отношению к СЦСРЯ. При определении объема словника, принципов толкования и подборе иллюстраций Н. И. Носович опирался на теоретические установки русских областных словарей ("Опыта" с "Дополнением" см. 2.1.3.), а также учитывал методы разработки лексикографического аппарата, определившиеся вместе с выходом СЦСРЯ.

СБН охватывает преимущественно лексику северо-восточной Белоруссии, наиболее показательной и характерной зоны в смысле этноязыковых особенностей белорусов [Крывіцкі 1975, с. 23], и некоторую часть лексики западных губерний. С точки зрения задач диалектной лексикографии включение лексики западных областей внесло в словарь определенную непоследовательность и противоречивость, поскольку представлена она неполно, а главное — без регулярных географических помет. С другой стороны, унификация в словаре диалектной лексики формирующегося литературного языка — важная черта славянских словарей, сыгравших значительную роль в становлении национальных славянских языков.

Основная ориентация словаря на диалектную лексику, положительное влияние сводного русского областного словаря, интерес самого автора к фольклору и этнографии белорусов отразились на объяснительном и иллюстративном аппарате словаря. Помимо кратких определений, сделанных по примеру толкований слов в СЦСРЯ, в словаре Н. И. Носовича содержатся полные, достаточно подробные описания, особенно при интерпретации терминов народной культуры. Последнее представляется несомненным

достоинством, как в плане источника диалектной лексики, так и в культурологическом аспекте, не говоря уже о значении такого подхода для развития белорусского литературного языка в целом[12]. Словарь отразил специфику и особенности формирования литературного языка на фольклорно-диалектной базе. В качестве иллюстраций в СБН приводится богатый материал устного народного творчества: пословицы и поговорки, строфы из народных песен, загадки, приговоры и прибаутки. Таким образом, многие статьи словаря содержат ценные этнографические и фольклорные сведения, расширяющие представление о слове. Например, в статье БѢЛУНЪ толкование включает описание внешнего вида демонологического персонажа, связанные с ним поверья о нахождении дороги, приобретении богатства; дана соответствующая поговорка "Посябрився с белуном", т.е. разбогател. Построенное таким образом толкование полностью раскрывает семантику названия, совпадающую в данном случае с его внутренней формой (доминанта 'белый' характеризует не только внешний вид персонажа, но и благоприятные последствия встречи с ним человека). Обстоятельные описания народных верований и обычаев найдем также в в статьях БАБА-ЯГА, БАЛЬШАНКА "главная подруга невесты на свадьбе", БУГАН "дух-покровитель домашнего скота", КОЛОДКА "полено, которое привязывают неженатому парню на Масляницу", МУРОВЙНЫ "второй день после крещения ребенка" и др. А. А. Кривицкий, выделяя три этапа в белорусской диалектной лексикографии, связывает работу Н. И. Носовича с "этнолингвистическим этапом" [Крывіцкі 1975, с. 22–24], желая подчеркнуть как связь словаря с фольклорно-этнографической базой, так и применение научных принципов лексикографической обработки лингвистического материала.

---

[12] Иная точка зрения у Н. Ф. Гулицкого, критикующего словарь за "чрезмерно детализированные, приближенные к энциклопедическим, многословные толкования" [Гуліцкі 1978, с. 75].

1.3.5. *Украинская лексикографическая традиция*

Сравнительно недавно (1982 г.) был опубликован сохранившийся в рукописи украинский словарь Я. Ф. Головацкого "Материалы для словаря малороссийского наречия..." (1857—1859). В этом словаре, как и в "Словаре белорусского наречия" Н. И. Носовича, проведен дифференциальный принцип отбора заглавных слов (лексика районов Галиции, Буковины и Закарпатья) по отношению к лексике академических словарей русского языка (см. [Дзендзелівський 1989]). Я. Ф. Головацкий, этнограф, фольклорист и лексикограф, был одним из ярких деятелей эпохи становления славянских национальных языков. Его словарь, доведенный, к сожалению, только до буквы "З", содержит обширный фольклорно-этнографический материал, роль которого настолько велика, что исследователи называют словарь "диалектно-этнографическим" [Дзендзелівський 1989, с. 112].

Значительным явлением в истории развития литературного украинского языка стал "Малорусско-немецкий словарь" Е. Желеховского, поскольку это был первый достаточно обширный и доведенный до конца словарь, который включил лексику, записанную автором и его соратниками "непосредственно от народа", а также выбранную из этнографических источников и литературных произведений различных лет. Е. Желеховский подчеркивал, что "старался собрать и лексически обработать словесное богатство живого малорусского языка" [Е. Желеховский 1882. Запрошене до предплати]. По словам автора, это язык, на котором говорят "в Угорщине, Галиции, Буковине, в Западной и южной России" [Е. Желеховский 1882. Запрошене до предплати]. Однако географические пометы к диалектным словам и значениям не даются, что объясняется все той же устойчивой тенденцией подобных словарей к объединению всей известной лексики национального языка. Украинские слова переводятся или кратко объясняются по-немецки. Какие-либо подробные описания фрагментов народной жизни отсутствуют, но лексика традиционной культуры народа последовательно фиксируется. Из области календарной, семейной и сельскохозяйственной обрядности:

СПА́СОВА БОРОДА́ "оставшиеся при сборе урожая колосья"; БА́БИН ВЕ́ЧЕР "щедрый вечер, в который щедруют женщины"; БА́ЛЕЦЬ "свадебный каравай в доме невесты". Из области демонологии: БОСО́РКА, БОСОРКА́НЯ "колдунья, ведьма, предсказательница, упыриха"; БОСОРКУ́Н "упырь". Из области народных поверий: БЛАГОВІ́СТНИЙ "счастливый" и "рожденный накануне Благовещения, несчастный, уродливый". Многие из таких слов включены впоследствии в словарь Б. Д. Гринченко с указанием на Е. Желеховского как первоисточник.

"Малорусско-немецкий словарь" имел целый ряд недостатков: ошибки в объяснении малорусских слов, неизвестных галицким авторам из живой речи; некритическое отношение к источникам и нерегулярное на них указание, отсутствие примеров, бедность фразеологии [Гринченко 1925, с. 16]. Кроме того, в условиях гомогенного двуязычия переводной украинско-немецкий словарь не мог стать достоянием широких кругов общества. Задача создания словаря ОМ была выполнена только с появлением "Словаря украинского языка" Б. Д. Гринченко. Работа над этим словарем была начата еще в 1861—1864 гг., когда украинские литераторы и ученые во главе с П. И. Житецким начали собирать материал из этнографических сборников, художественных произведений, а главное — непосредственно от народа, используя также записи сельских корреспондентов (учителей, священников и др.). В 1897 г. словарь начал издаваться как приложение к журналу "Киевская старина", но печатание было затем приостановлено в связи с решением представить словарь в Академию наук на соискание премии Н. И. Костомарова. В начале 1902 г. редакцией "Киевской старины", все материалы были переданы Б. Д. Гринченко для окончательной обработки, причем материал старого книжного языка был выделен особо, как приложение к основному словарю живого языка [Шахматов 1906, с. 3; Гринченко 1925, с. 18–21].

Четырехтомный "Словарь украинского языка", удостоенный второй премии Н. И. Костомарова, вышел в 1907—1909 гг. (далее цитируется по изданию [Гринченко 1925]). К заглавным словам

украинского языка давались русские эквиваленты (часто в виде подборки синонимов), как правило, дополненные краткими и полными объяснениями и описаниями соответствующих реалий на русском языке. Основная установка словаря — отражение живого украинского языка, поэтому при работе с материалом предпочтение отдавалось диалектной и фольклорной лексике этнографических источников (дающих более полное представление о слове, чем отдельные записи), а также — изданным или рукописным собраниям слов "из уст народа" [Гринченко 1925, с. 24]. Что касается литературных произведений, то автор следовал решению редакции "Киевской старины" использовать работы украинских писателей XIX в., написанные не позже 1870 г., т.е. до перемещения центра развития малорусской письменности из Киева во Львов. Такое ограничение во многом противоречит принятой концепции данного словаря. В "Отчете о присуждении премии Н. И. Костомарова..." А. А. Шахматов писал: "...Словарь много проиграл от исключения из него последующей украинской литературы, так как вряд ли до 1870-го года самый письменный язык украинский мог окрепнуть в достаточной степени и ответить новым жизненным запросам малорусского общества" [Шахматов 1906, с. 21–22].

Принципы создания "Словаря украинского языка" близки тем, которые к тому времени были разработаны в русской лексикографии: в авторитетнейшем словаре В. И. Даля, в новейшем академическом "Словаре русского языка" со времени перехода его редакции к А. А. Шахматову [Горецький 1963, с. 137]. В "Отзыве..." А. А. Шахматова о "Словаре украинского языка" (см. [Шахматов 1906]) нашли отражение и многие лексикографические идеи самого Шахматова, в том числе — комплексный подход к изучению диалектологии, фольклора и этнографии. Большое внимание уделено вопросу географии диалектной лексики в словаре: "...Лучше всего представлены украинские, слабее галицкие и угорские говоры, весьма слабо — северно-малорусские говоры" [Шахматов 1906, с. 46]. В словаре преобладает лексика галицко-украинских говоров, но, по мнению А. А. Шахматова, следует

считаться с реальными фактами: "Словарь... не может вычеркивать из малорусской семьи те или иные говоры за то, что они подверглись влиянию соседних говоров, будь то белорусских или великорусских" [Шахматов 1906, с. 9]. В духе лингвогеографического подхода к фактам языка и культуры Шахматов высказывает предложение ставить географические пометы не только при словах, но и при каждой пословице, песне, сказке (очевидно — ее фрагменте), если такие указания есть в источниках [Шахматов 1906, с. 37].

В словаре Б. Д. Гринченко очень успешно реализованы многие из необходимых требований к словарю национального языка, выходящему уже в начале XX столетия. Это касается важного решения указывать уезд или губернию, когда "слово или ф р а з а [разрядка наша. — *А.П.*] записаны непосредственно от народа в отмеченной местности" [Гринченко 1925, с. 26]. Ощутимо и стремление автора показать все известные значения слова, подтверждая русский перевод и объяснения "примерами, обнаруживающими как значение слов, так и способы их употребления, причем примерам из народных произведений отдавалось предпочтение..." [Гринченко 1925, с. 30].

Богатство иллюстративного материала, связанного с народной духовной культурой, раскрывает традиционные мифологические представления о различных объектах действительности. Так, из сопоставления иллюстраций к различным вариантам названий бузины, вырисовывается определенный мифологический образ растения. Примеры из народной речи определяют бузину как место обитания нечистой силы, как растение, в обращении с которым строго регламентировано поведение человека, особенно при магических действиях:

«БОЗ "бузина" "Під бзом сидить нечистий" ЕЗ, V, 246» [с. 82].

«БУЗНИ́К "заросли бузины" "В бузнику чорт живе" Ном. № 316» [с. 107].

«БУ́ЗЯ "бузина", ласкат. "Прийде він до теї бузини, б'е макогоном [пестом] по їй і приказуе: "Добри вечір тобі, бузю, ті мій вірний друзю!" (Из заговора) Грин. П. 325» [с. 108].

«БУЗНИ́ЧНЫЙ "относящийся к зарослям бузины" "Добри вечір тобі, царю бузничный (у бузині сидить бо то царь)". Чуб. I 95» [с. 107].

При отсутствии иллюстраций к терминам традиционной духовной культуры даются толкования в форме краткого обобщения соответствующего места из этнографического источника: "БА́БА... 16) Пучок сена, который кладется на стол в Сочельник. ЕЗ. М. 91" [с. 13]; "БА́БСЬКІ ПРО́ВОДИ. Понедельник Фоминой недели, когда поминают усопших одни бабы. Чуб. III. 29" [с. 15]; "БОЛОТЯНИ́К. Черт, живущий в болоте. Чуб. I. 193" [с. 85].

Богато представленная в словаре фразеология сопровождается подробными объяснениями и иллюстрируется примерами из устного народного творчества там, где это возможно, как, например, в статье БАРВІНОК, включающей фразеологию с любовной символикой: "БАРВІНОК... Обычные эпитеты: барвінок зелени хрещатий, крячастий. Как ласкательное название для любимого мужчины: *Ой ти, козаче, зелений барвінку; прийди до мене хоть у недільку.* Мет. 43. ... Барві́нок рва́ти — означает часто идти на любовное свидание. Мал. Л. сб. 288. *Пусти ж мене, мати, барвінок рвати, а вже ж наші вороженьки полягали спати.* Мет. 288. Ночува́ти в барвінку. Переночевать с милым" [с. 29].

1.3.6. *Словенская и западнославянская лексикография*

Словенский литературный язык отличает близость к диалектной базе и, вместе с тем, — сохранность давней книжной традиции, что в совокупности с другими типологическими признаками позволяет отнести его к так называемому "среднему" типу славянских литературных языков [Толстой 1988, с. 18, 20, 25]. Составленный М. Плетершником "Словенско-немецкий словарь" (1894—1895 гг.) включает обширный фонд диалектной и старой книжной лексики. По мнению Ф. Безлая, автор с помощью большого объема диалектного материала стремился "документировать

словенскую народную индивидуальность" в противовес попыткам представителей других направлений, в частности Ф. Миклошича, акцентировать преемственность церковнославянской традиции в словенском языке [Bezlaj 1967, с. 76–77].

Многочисленная диалектная лексика в словаре М. Плетершника часто толкуется описательно, причем языком перевода может служить не только немецкий, но и словенский язык, что является характерным симптомом сложившегося молодого литературного языка. Интерпретация терминов славянской духовной культуры включает описание соответствующего обычая или поверья. Так, толкование названий ритуалов и обрядовых предметов содержит подробности, необходимые для понимания внутренней формы терминов, например:

"BÓŽIČ ... — 2) na sv. večer vzamejo z ognjišča železni zglavnik, ter na njega mesto polože panj, ki se božič imenuje, *Solkan-Erj (Torb.)*" [Pleteršnik, d.I, s. 47] (На Св. вечер убирают из очага железную решетку, а на ее место кладут колоду, которая называется "božič").

"BOŽÍČEVINA ... pred vsakim božičem tisti dan dajo živini od vsakega žita nekoliko v zobanje, to je božičevina, *Gor.*" [Pleteršnik, d.I, s. 47] (В день накануне Рождества скотине дают поесть немного от каждого хлеба, это — "božičevina").

"BOŽȋČNIK ... 1) Kruh, kie je na mizi od sv. večera do sv. treh kraljev... *Cig, Jan, C.*" [Pleteršnik, d.I, s. 47] (Хлеб, который стоит на столе от Сочельника до дня Трех королей).

Среди западнославянских языков близость к диалектной базе характерна для словацкого и двух лужицких литературных языков [Толстой 1988, с. 19]. Необходимость создания словаря на основе диалектных и фольклорно-этнографических данных особенно остро стояла для лужицкого языка в условиях немецкой государственности. "Словарь нижнелужицкого языка и его диалектов" А. Муки (1906 г.), вобравший реально употреблявшуюся в диалектах и письменности лексику, способствовал пробуждению этнического и национального самосознания лужичан (о процессах формирования литературных лужицких языков см. [Трофимович

1977, с. 204]). Словарь, как и фольклорные и этнографические труды автора, показал богатство и образность языка, акцентируя внимание на его славянском характере. Толкование слов дано на немецком и, как правило, на русском; к заглавному нижнелужицкому слову приведена параллель из старославянского, а затем даются верхнелужицкие, польские, чешские и полабские эквиваленты, в связи с чем словарь называют "сравнительным западнославянским" [Petr 1978, s. 90].

Работа А. Муки, как и другие славянские эмпирически-энтолингвистические словари ОМ, представляет собой своеобразную энциклопедию материальной и духовной жизни нижних лужичан. Словарь фиксирует терминологию и фразеологию верований, обрядности, суеверий. Под буквой "В" автором отмечены: BABA "булка", выпекаемая в Шпревальде на похороны"; MUDRA BABA "колдунья"; BAŁABNICA "вербное воскресенье"; BARANOWA SWAJŹBA "баранья свадьба" (шутливое название стрижки овец); BIŘE, BIRY, BIŘOWNICA, BIROWNICA, BIŘOWE SWETKI "Троица"; BŁYSKOWY KAḾEŃ "громовая стрела"; BÓŽAŁOSĆ "ночной призрак с жалобным голосом"; BROŚMA, BROŚNA (диал.) "праздник Божьего Тела"; BUBAK, BUBO "пугало, черный мужчина"; BUBAWA, BUBAWKA "женщина-привидение". В толкование многих нижнелужицких слов включены замечания о приметах, поверьях, правилах обрядового поведения, запретах и разнообразных народных обычаях, которыми мотивированы приведенные в тексте статей пословичные выражения, словесные клише, ритуальные формулы. В статье BOG подробно объясняется поговорка gaž Bog poẃeda, dej człoẃek ḿelcaś (когда говорит Бог, человек должен молчать), т.е. во время грозы полагается молчать; нельзя также употреблять в это время пищу, а набожные сербы берут в руки сборник псалмов и шепчут молитвы [Muka 1906, t.I, s. 56–57]. Другое поясняемое в статье BOG словесное клише Bog jo śi ṕerẃej (Бог тебя увидел раньше, чем я) связано с семейной обрядностью. Эти слова произносятся при первом посещении новорождунного, чтобы "его не обесславить" [Muka 1906, t.I, s. 56], т.е., возможно, с целью уберечь от сглаза. В статье BÓŚAN "аист"

дается поверье bóśany źiśetka nose (аисты приносят детей) [Muka 1906, t.I, s. 66]; в статье BUBAWKA в значении "маленькое белое облако" — примета о погоде [Muka 1906, t.I, s. 88].

Общие процессы, связанные с возможностью формирования нового литературного языка, затрагивают в XIX—XX вв. многие языковые группы, в том числе сегодняшние литературные микроязыки. Знаменательным событием явилась дискуссия вокруг кашубского диалекта польского языка, вызванная появлением "Словаря поморского или кашубского языка" С. Рамулта (1893 г.). Составленный "с расчетом на кодификацию лексики для кашубского литературного языка" [Дуличенко 1981, с. 194], словарь С. Рамулта содержал данные диалектов и опирался на широкую этнографическую базу, но не выдержал критики как словарь ОМ. Несостоятельным оказалось выделение среднекашубских говоров в качестве основы для нового литературного языка, как и сама концепция самостоятельного кашубского литературного языка.

Создание универсального кашубского словаря связано с именем Ф. Лорентца. Усилия Ф. Лорентца в конечном итоге также сводились к попытке стандартизации кашубского языка [Stone 1973, s. 526–527]. "Поморский словарь", начатый Ф. Лорентцем в 30-е годы XX в., после войны был продолжен Ф. Хинце. Словарь Лорентца—Хинце включает самый разнородный материал: слова живой народной речи, лексику предшествующих кашубских словарей и словариков, а также словесный фонд, выбранный из художественной литературы, где нередки и неологизмы [Breza 1974, s. 71]. Подробный анализ истории кашубской лексикографии, проведенный Э. Брезой, показывает, что концепция "универсального" словаря Лорентца—Хинца себя не оправдала. Во-первых, словарь не представил полной выборки лексики из всех предшествующих работ (собраний слов, словарей, литературных и публицистических произведений). Во-вторых, с появлением кашубского словаря Б. Сыхты, где досконально обработана народная лексика кашубов, словарь Лорентца—Хинце приобрел, прежде всего, ценность источника, отражающего труднодоступные материалы письменных памятников [Breza 1974, s. 82]. Исследователь

отмечает, что "универсальную" концепцию словаря следовало, во всяком случае, изменить со второго тома, так как с 1967 г. начал выходить словарь Б. Сыхты, отражающий живую, обиходную лексику крестьян и рыбаков. Б. Сыхта не фиксирует книжные слова, за исключением лексики местных театральных постановок, где, по его мнению, встречаются подлинные кашубские выражения; не использует и фонды предшествующих кашубских словарей. Он собирал лексику в довоенное и послевоенное время, в словаре же последовательно отмечал слова, уходящие из употребления и известные только отдельным лицам старшего поколения. Таким образом, словарь Лорентца—Хинце в части P'–Ź мог остаться историческим словарем, фиксирующим лексику редких лексикографических изданий, монографий, диалектных студий о кашубах; словарем "историко-книжным" и "современным книжным", охватывающим совокупность лексики кашубской художественой литературы. В такой форме словарь Лорентца—Хинце, с одной стороны, и словарь Б. Сыхты — с другой, дополняли бы друг друга взаимно, о чем упоминает сам Ф. Хинце в рецензии на словарь Б. Сыхты [Breza 1974, s. 71–72]. Э. Бреза выражает недоумение по поводу включения Ф. Хинце лексики из словаря Б. Сыхты "в широком объеме и без указания на это в заголовке или предисловии", тем более, что "полный" словарь кашубов в принципе невозможен, а дублирование неоправданно [Breza 1974, s. 72, 75]. Заметим, что этнодиалектный словарь Б. Сыхты, о котором речь пойдет в разделе о диалектной лексикографии, поднялся до уровня лучших славянских словарей ОМ благодаря неразрывной связи с этнокультурной основой кашубских говоров.

2.1. Истоки и возникновение славянской диалектной лексикографии. Русские "областные" словари

Как видим, для формирования каждой отдельной славянской лексикографической традиции большое значение имеет тип конкретного литературного языка. В первой главе было показано, что лингвистический словарь ОМ создает благодатную почву для целенаправленного сбора и лексикографического описания диалектной лексики. В ранних словарях ОМ "архаических" языков (польского, русского, чешского) фиксируются лишь отдельные диалектные слова (как правило, с кратким толкованием). Словари ОМ так называемых "новых" и "средних" языков обязательно включают диалектную лексику, что связано с типологическими особенностями этих литературных языков (близость к диалектной базе и фольклорной традиции)[13]. Возникновение славянской диа-

[13] Аналогичные выводы о зависимости лексикографической традиции от типа литературного языка сделаны М. Х. Партенадзе при исследовании современных словарей русского и грузинского языков: "Расхождения между словарями литературных языков обычно не в присутствии или отсутствии в них слов из диалектов, а в степени охвата этих последних, что в свою очередь обусловлено тем, что для одних литературных языков живые диалекты представляют собой один из важнейших источников пополнения литературной лексики, для других же они отходят на задний план, уступая место другим источникам. В этом плане, на наш взгляд, между русским и грузинским языками имеются существенные расхождения: грузинский язык по этому признаку можно зачислить в число языков первой группы, русский язык — в число второй. Основание такого разграничения мы видим в характере представленных словарями диалектизмов — в первый из них (Толковый словарь грузинского языка) большая часть интересующей нас лексики внесена в целях обогащения литературной лексики, во второй же

лектной лексикографии теоретически следовало, прежде всего, ожидать там, где диалектная лексика практически не была отражена в словаре (словарях) ОМ и требовала специального изучения и развития нового ответвления в лексикографии. САР–I, САР–II и СЦСРЯ включали местную лексику письменных источников. С. Линде также не исключал диалектных слов и хотел представить их полнее, для Й. Юнгмана они были составной частью лексики, обогащающей литературный язык (1.2.). Но "удельный вес" диалектной лексики в этих словарях неизмеримо мал, если сравнивать их со словарями "новых" и "средних" языков, прежде всего со словарем В. Караджича, созданным на основе восточногерцеговинских говоров штокавского диалекта сербскохорватского языка (1.3.). Таким образом, общие предпосылки сбора диалектных слов для их лексикографической обработки и публикаций в XIX в. намечаются именно в русской, а затем в польской и чешской культурно-языковых традициях.

2.1.1. *Первые собрания русской областной лексики*

О зарождении в середине XIX в. русской областной лексикографии много и подробно говорилось в работах Л. И. Балахоновой, Ф. П. Сороколетова, О. Д. Кузнецовой, О. И. Блиновой, Т. С. Коготковой и др. Исследователи отмечают, что появлению первого русского сводного областного словаря 1852 г. ("Опыт областного великорусского словаря") предшествовал длительный период сбора и накопления диалектного материала, в основном "любителями" русского народного слова [Сороколетов—Кузнецова 1987, с. 8–20; Блинова 1975, с. 5].

Предыстория русской областной лексикографии связана с изучением географических особенностей различных русских территорий. Путешественники, ученые-географы, описывая условия жизни и быта местного населения, отмечали новые названия незнакомых им предметов и явлений, а также слова, как-либо от-

---

(Словарь современного русского литературного языка) — в целях справочных" [Партенадзе 1984, с. 281].

личающиеся от общеизвестных [Сороколетов—Кузнецова 1987, с. 7–9]. Первые значительные собрания областных слов относятся к второй половине XVIII в.: "Словарь местных слов, употребляемых в городе Устюге Великом" (1754 г.) и "Слова и речи в Вятской провинции, особливо у простолюдинов употребляемые" (1772 г.), см. [Симони 1898]. Слова расположены в азбучном порядке и истолкованы в основном эквивалентным способом, что на этапе формирования русского литературного языка можно считать важной вехой в разграничении областных слов и литературного лексического фонда, используемого здесь в качестве языка перевода и толкования.

Большую роль в становлении русской областной лексикографии сыграли академические словари русского языка: САР–I и САР–II, СЦСРЯ (1.2.1., 1.3.1.). При их подготовке становилась "очевидной невозможность создания полного словаря без подготовительной словарной работы, в частности без создания самостоятельного словаря диалектных слов" [Балахонова 1961, с. 99]. Второе отделение Академии наук, начавшее планомерный сбор областных слов в 1845 году, уже тогда руководствовалось идеей о разграничении общенародной и диалектной лексики. Наметилась система лексикографической обработки лексики различных пластов: сводный областной словарь явился дифференциальным по отношению к СЦСРЯ. С другой стороны, значительное влияние в целом оказали общеевропейские тенденции обращения к народному творчеству и диалектному лексическому фонду — идеи романтизма. Почти одновременно с работой Академии наук к сбору фольклорно-этнографических и языковых данных приступило организованное в 1845 г. Русское географическое общество. Общественный интерес к "простонародному" слову, возникший еще в первой четверти XIX в., в конечном итоге отразился и в работе самой Академии наук: "...Основной причиной обращения Академии наук к диалектной лексике следует считать повышенный интерес русского общества к национальному прошлому, к устной народной поэзии, усиление движения за национальную самобытность русской культуры и русского языка, усиление внимания к

народным основам языка и общественной жизни" [Сороколетов—Кузнецова 1987, с. 21].

2.1.2. *Терминологический словарь В. Бурнашева*

На процессы формирования русской диалектной лексикографии XIX в. определенное влияние оказали собственно терминологические словари — собрания названий народных промыслов, ремесел, сельского хозяйства и многих других занятий жителей со всех концов России. Уже в 1843 г. вышел двухтомный "Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного". Его автор В. Бурнашев в Предисловии писал: "Жители северной, южной, средней, западной и восточной России найдут в этом собрании слов много таких, которые свойственны их местностям" [Бурнашев 1843, т.1, с. II]. Объясняя значения терминов, автор часто дает ссылки на губернию, где они были записаны. В отдельных случаях указывается фамилия информанта, а данные о местности его проживания указаны в Предисловии.

В конце каждого тома у В. Бурнашева имеется "систематическое оглавление", т.е. тематический индекс слов, представленных в словаре. Наряду с разными темами, касающимися промыслов и ремесел, В. Бурнашев отмечает "Обычаи", "Суеверия", "Игры народные, пляски и музыкальные инструменты", а в дополнительных разделах выделяет важную рубрику "Болезни и лекарства". В разделе "Суеверия" перечисляются названия, связанные с демонологией, "магией", поверьями. Индекс раздела "Обычаи" включает разнообразную лексику обычаев и обрядности. Значимость для изучения народной духовной культуры терминов, указанных в индексе, неравноценна, однако такие обрядовые термины, как горячий обед "обед в день похорон", зеленая неделя "неделя после Троицы", овсень "васильев вечер", окрутник "ряженый в святки", свечки "крещенский сочельник", могилы пахать "поминальный обряд" и многие другие заслуживают особого внимания этнологов и этнолингвистов.

Многие статьи словаря содержат "предметные" описания терминов, т.е. тот тип толкования, который впоследствии широко применялся в словарях В. И. Даля, А. О. Подвысоцкого, Г. И. Куликовского и др. Полноценные этнографические сведения включают толкования терминов в статьях КОСОРѢЦКИИ ПОРОСЕНОК "новогоднее жаркое" (интересными представляются приведенные в статье архаические элементы жертвоприношения в обряде); МОЛИТЬ КОРОВУ "обряд очищения коровы после отела" (в статье описывается своеобразное "крещение коровы"); КОСТРОМА "игра" (приводится ритуальный диалог, отражающий архаический сюжет смерти и воскрешения "костромы", подробно описываются действия играющих); ВЯЗЛА "амулеты"; КАПУСТКА "празднество рубки капусты" а также многочисленные статьи, относящиеся к свадебной обрядности (ДЕВИЧЬЯ КРАСА, ЗАПОЙ, КЛАДКА, КЛЕТНИК и др.).

Лексические и этнографические материалы словаря В. Бурнашева использовал В. И. Даль, но многие ценные материалы по народной духовной культуре не вошли в словарь Даля полностью; тем более не отмечены они в "Опыте" с "Дополнением" (ср., например, статью КОСТРОМА в этих словарях). Таким образом, первый русский терминологический словарь сохраняет свое значение первоисточника этнографических сведений.

2.1.3. *"Опыт" с "Дополнением"*

Появление в 1852 г. "Опыта" и в 1858 г. "Дополнения" к нему ознаменовало возникновение славянской диалектной лексикографии. В период своего формирования и раннего развития славянская диалектная лексикографическая традиция была тесно связана с этнографией. Эта связь особенно очевидна в русских областных словарях, как сводных, так и частных (включающих диалектную лексику только одной местности). В "Опыте" с "Дополнением" энциклопедические элементы этнографического характера в толковании традиционной лексики народной культуры зафиксированы собирателями-корреспондентами, присылавшими свои материалы для словаря из разных мест. Этнографиче-

ские подробности вносились составителями почти без изменений, поскольку именно в этом составителям виделось характерное отличие областного словаря от словаря общенародных слов [Балахонова 1979, с. 171]. Такой подход, получивший дальнейшую этнолингвистическую разработку в словаре ОМ Даля (1.3.2.), оказал благотворное влияние на все последующие русские областные словари XIX — начала XX в. Лучшие их образцы ставили своей целью "бытовое и этнографическое освещение" слов, о чем свидетельствуют уже сами названия словарей А. О. Подвысоцкого, Г. И. Куликовского, П. А. Дилакторского (последний сохранился в рукописи). Этнографический аспект словаря понимался широко, в соответствии с теоретическими установками лексикографии XIX в., поэтому в словарь обязательно включались фольклорные слова и произведения устного народного творчества (или их фрагменты). Принципы построения областных словарей были сформулированы И. И. Срезневским[14]; они сводятся к трем основным положениям: 1) использование этнографических данных в толковании диалектных слов; 2) привлечение произведений фольклора в качестве иллюстраций; 3) по возможности полный охват географических указаний бытования слова [Балахонова 1961, с. 111].

Осознание необходимости этнографических фрагментов при подаче диалектного слова в словаре связано, прежде всего, с идеей сохранения этнокультурного контекста живого слова. Словарь как источник таких сведений становится памятником традиционной культуры народа. С другой стороны, существенно повышается ценность диалектного словаря как лингвистического источника для различных областей лексикологии. Уже в Предисловии к первому русскому сводному диалектному словарю авторы-составители пишут о трех типах "речений", среди которых выделяются слова, "уцелевшие в народе вместе с заветною прародительскою песнью, сказкой, пословицею" [Опыт 1852, с. II], добавим —

---

[14] И. И. Срезневский, став одним из авторов-составителей сводного областного словаря, значительно расширил и развил его первоначальный план, разработанный А. Х. Востоковым.

обычаем, обрядом или поверьем, поскольку "Опыт" с "Дополнением" фиксирует не только собственно фольклорные слова, но и редкие, малопонятные термины традиционной духовной культуры народа, которые сопровождаются этнографическими описаниями. Например:

"ВЯ́ЗЛО Суеверные крестьяне, желая избавить скот свой, особенно мелкий, от нападения зверей, добывают от знахарей неизвестный состав, зашивают в сумку и навешивают на животное, которое ходит впереди стада и называется передовым. Они верят, что от запаха вязла всякий зверь бежит и не смеет коснуться стада. Т в е р. Каляз." [Опыт 1852, с.34].

"СУЛЁНИКИ Первая суббота после Дмитриевской. В некоторых деревнях Опочецкого уезда, прихода Афанасьевой слободы (на границе с Белоруссией) в этот день по суеверному обычаю носят масло, творог и т.п. в не известные никому из домашних, кроме хозяина, места как нечто отсуленое, вероятно, духам или душам умерших. П с к о в. Опоч." [Опыт 1852, с. 220].

"ОБО́РЫВАТЬ ... — *Оборывать деревню.* Это выражение означает обычай, соблюдаемый крестьянами во время мора и состоящий в том, что женщины в одной рубахе, с расплетенною косою обводят в полночь косулею [сохой. — *А.П.*] черту вокруг деревни. К о с т р. Нерех." [Опыт 1852, с. 134].

Аналогичным образом представлены лексемы ГОРДО́Й "свадебный ужин для родственников", О́ТПУСК "молитва пастуха во время выгона скота в поле", ПОЧЕ́СТКА "пир после свадьбы", ТУЖИ́ЛЬНИКИ "караваи для молодых". Из "Дополнения": БОГА́ТКА "цветок для гадания о богатстве", ЗА́ПЛАЧКА "вечер, когда плачет невеста", КОПОВШИ́НА "праздник великомученицы Параскевы", ОТНО́С "вещь больного, используемая для магии оздоровления" и др.

Как видно из многих приведенных примеров, этнографические данные, используемые в диалектном словаре, могут прояснить происхождение того или иного названия. Уже в XIX в. учеными привлекался широкий этнокультурный контекст для этимологических исследований; именно этот метод лингвистиче-

ского анализа используется в культурологических и языковых исследованиях А. А. Потебни [Толстой 1982, с. 404].

Диалектный словарь, в котором содержатся этнографические подробности, необходимые для толкования слова, помогает в решении многих лексикологических вопросов. При этом важную роль играют объяснения, которые раскрывают языковой механизм метафорических и метонимических переносов значения диалектных слов. Так, в "Опыте" находим:

"СТРЕ́ЛЫ Болезнь, резкое колотье в какой-либо части тела. Суеверы полагают, что стрелы напускаются (подчеркнуто нами. — *А.П.*) по ветру колдунами. А р х а н г." [Опыт 1852, с. 209].

"КУ́КЛЫ Колосья ржи или овса, особенным образом завязанные (подчеркнуто нами. — *А.П.*) с левой руки на правую; по народному поверью, они делаются колдунами на чью-либо голову, или на чей-либо скот или хлеб: кто снимет куклу, тот и умрет. О р л. Мцен." [Опыт 1852, с. 95].

Лингвистическая ценность сводного областного словаря во многом определяется способами подачи диалектных значений слова, отмеченного в различных местностях часто с разными фонетическими вариантами. В "Опыте", благодаря усилиям И. И. Срезневского, был принят принцип сохранения тождества диалектного слова [Сороколетов—Кузнецова 1987, с. 22–23]. В итоге представленное в словаре распределение значений слова по диалектам позволяет проследить, например, цепочку переходных значений в сфере демонологической лексики типа "персонаж" ⇒ "бранное слово" ⇒ "человек с отрицательными свойствами ума":

"ОБМЕ́Н и ОБМЕ́НЫШ 1) по народному поверью, детище лешего, обмененное на христианского младенца, еще некрещеного. Этот обменыш до четырнадцати лет живет с людьми, а потом уходит в лес к родителям своим и становится лешим. А р х а н г. Шенк. 2) Брань: подкидыш, незаконнорожденный. А р х а н г. Кем. 3) Глупец. П е р м. Соликам. Усол." [Опыт 1852, с. 133]. Отметим, что мотивация второго и третьего значения слова в данном случае невозможна без привлечения народного поверья о демоно-

логическом персонаже, которое в первом значении дается как этнографическое пояснение.

Собственно этнографическая ценность представленных в диалектном словаре сведений зависит от их полноты при толковании слов, а также от самого состава словника, включающего термины традиционной материальной и духовной культуры. К сожалению, в период подготовки "Опыта" в "Программе" Академии не указывалось на необходимость сбора этнографических сведений местными корреспондентами [Балахонова 1961, с. 112], поэтому впоследствии концепция диалектного словаря И. И. Срезневского не могла существенно изменить ситуацию. Углубление в сторону этнографизма в толковании слов происходит в словарях А. О. Подвысоцкого, Г. И. Куликовского, В. Н. Добровольского, где представлены различные этнографические и этолингвистические мини-статьи. Тем не менее в "Опыте" с "Дополнением" заложены основы подобного подхода к лексике.

Произведения устного народного творчества или отрывки из них встречаются в "Опыте" с "Дополнением" как иллюстрации употребления “фольклорной” лексики (слов, встречающихся исключительно или преимущественно в фольклорных текстах); например:

"БЕЗПЕЛЮ́ХА Неискусная в домашних работах. В свадебной песне:

К нам медведицу ведут,
Людоедицу ведут,
К нам не ткаху ведут,
К нам не пряху ведут,
Безпелюху ведут. А р х а н г. *Шенк.*" [Дополнение, с. 7].

Широкого распространения предложение И. И. Срезневского давать в диалектном словаре как можно больше иллюстраций из фольклорных произведений по ряду причин не могло быть поддержано Отделением (см. об этом [Балахонова 1961, с. 112]). Тем не менее в "Опыте" с "Дополнением" находим народные названия фольклорных жанров с объяснениями употребления, воз-

никновения терминов и привлечением кратких примеров из самих произведений:

"СКЛАСТЬ ... *Скласть сказку.* Сочинить сказку. Это говорится о сказках новейших, они иначе называются *плетеницами*, тогда как старинные сказки: Илья Муромец, Алеша Попович, Добрыня и подобные, называются *былинами*; ибо крестьяне верят в действительности в существование этих богатырей. А р х а н г. *Шенк.*" [Опыт 1852, с. 204].

"ПРИЧЁТЫ Рев, плач при похоронах, при свадьбах, при проводах в барский двор, в рекруты и т.д. с особенными припевами. В о л о г. *Кадник.*" [Дополнение, с. 216].

"РАЦЕ́ЙКИ Приветствия детей, когда они ходят славить Христа в первые три дня Рождественских праздников из дома в дом. Вот одна из таких рацеек: Встань хозяин, да покатись в подполье, да по пироги, по шаньги, по мягкой хлеб, да по деньги в зепь. И р к у т." [Опыт 1852, с. 190].

2.1.4. "*Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении*" *А. О. Подвысоцкого*

Важным событием русской диалектной лексикографии стал словарь А. О. Подвысоцкого (опубликован в 1885 г.). Уже само название указывало на профиль и задачу словаря. Широко привлечен этнографический и фольклорный материал. Словарь А. О. Подвысоцкого включает как краткие словарные статьи (содержащие перевод слова на литературный язык или его дефиницию), так и полные, в которых "предметная часть" толкования значительно расширена. В этих, по сути, энциклопедических статьях, даются подробные описания тех или иных сторон жизни северян. Большое внимание уделено устройству рыболовецких снастей, судов и лодок, охотничьих орудий, предметов быта: утвари, одежды, обуви и пищи. Столь же многочисленны описания объектов духовной культуры: верований, обычаев, обрядности. Опробованные А. О. Подвысоцким лексикографические способы представления лексики одного края использовались последующи-

ми авторами областных словарей (см. [Сороколетов—Кузнецова 1987, с. 49–50]). Еще до выхода словаря в свет, в 1881 г. ему была присуждена Ломоносовская премия.

Для словаря Подвысоцкого характерна такая внутренняя соотнесенность словарных единиц, которая способствует системной подаче лексики одного края (Архангельской губернии), что создает возможность для представления системы самой народной культуры Архангельской губернии XIX в.

Словник является одновременно указателем областных слов. Так, каждое областное слово или выражение, связанное с духовной культурой народа, выделяется разрядкой в тексте словарной статьи и занимает свое место в алфавитном порядке заглавных слов. Если даются синонимы (например, локальные варианты) к заглавному слову, то в алфавитном порядке они также отмечены с отсылками на статьи, где есть описание денотата. Литературные слова включаются в словарь только в том в случае, если они функционально значимы в контексте традиционной народной культуры Архангельского края (т.е. если с ними связано какое-либо поверье, обычай) или если в статье под таким заглавным словом можно поместить фольклорный материал [Васильева 1962, с. 100].

Скоординированная система отсылок на основе принципа "общее — частное" используется при подаче обрядовой терминологии. Так, основные компоненты свадебного обряда (представленного особенно полно) описываются в обширных статьях, объяснение отдельных ритуалов включается в состав основной статьи, а на соответствующем месте словника дается отсылка. Например: БИТЬ ПО РУКАМ см. Заручéнье. В статье ЗАРУЧÉНЬЕ подробно описывается обычай благословения молодых родителями невесты, где объясняется и выражение "бить по рукам": момент, когда "сват и отец невесты подают друг другу правую руку... причем сват захватывает полу или рукав своего кафтана..." [Подвысоцкий 1885, с. 53]. Таким же образом описываются другие свадебные обычаи: БИТЬСЯ ПО МÓДЕ см. Заплачка; БОЛЬШÓЕ РУКОБИ́ТЬЕ см. Рукоби́тье.

Рациональное соотношение "части" и "целого" прослеживается в способе подачи статей-дополнений к обобщающей статье, содержащей подробное описание какого-либо обряда. Под заглавным словом БОРОДА́ в значении "окончательная, при содействии помочи, уборка хлеба или сена" приводится терминология дожинального обряда ("сенная борода завить", "хлебная борода завить", "заколачивать на бороду", "звать на бороду"), описывается ритуал завивания "бороды" и обычаи, с ним связанные (пение песен, приход в дом хозяина, благодарность-угощение и др.). Далее следует: "ср. Отжин". Статья ОТЖИ́Н ("окончание жатвы и празднество по этому поводу, с угощением рабочих. Повсем." с. 113) указывает на существование выражения "отжинная каша". Кроме того, в ней имеется отсылка "см. Ка́ша". В статье КА́ША, наряду с описанием различных случаев приготовления обрядовой каши, отмечается ее приготовление по окончании жатвы: "В Онеж., Холм. и Пин. у. каша составляет главное угощение на празднествах по случаю окончания жатвы, особенно, если дело не обходится без п о м о ч и ; поэтому говорят, напр., *севодни у дяди Власа каша*, т.е. звали на помочь, а потом будут угощать кашей (это называется: отжинная каша — от слова О Т Ж И Н)" [с. 64]. "Ступенчатость" в этом описании обусловлена спецификой структуры самого обряда, а также существованием локальных вариантов слов и значений, отражающих его акциональную сторону. Такой способ представления лексики не препятствует быстрой ориентации в словаре, а наоборот — обеспечивает полноту и правильное расположение материала в соответствии с адекватным описанием плана содержания и плана выражения диалектной лексической единицы.

Этнографические мини-статьи БОРОДА́ (в значении 3); ВЫ́ВОДНО, ВЫ́ВОД; ВЕ́ТЕР (в значении 26); ЗА́ГОВОР, О́БЕРЕГ, ОТКА́З, СБЕ́РЕГ; ЗАРУЧЕ́НЬЕ; ИКО́ТА; КА́ША; ПЛАЧЕЯ́; ПРИВО́ДНО; СТО́РОЖ и др., можно считать обобщающими по той или иной теме; они содержат богатый этнодиалектный материал, ссылка на который имеется в соответствующих частных статьях.

Фольклорная лексика также включена в общую систему взаимодополняющих статей. При словах, входящих в текст ритуальных формул, т.е. маркированных в народной духовной культуре, возможна отсылка к статье, содержащей словесное клише и объяснение ситуации его употребления. Например, "БОГА́ЧЕСТВО, БОГАТЕ́СТВО... см. Хозяин 2."; "ХОЗЯИН ...2) хозя́ин, хозя́инушко, ДЕ́ДКА, ДЕ́ДКО — домовой. Повсем. В Пин. у. при переходе на жилье в новопостроенный дом, кланяются в старом доме на все четыре стороны, говоря при этом: *Хозяинушко, господин, пойдем в новый дом, на богатый двор, на житье-бытье, на богатество.*" [Подвысоцкий 1885, с. 184]. Кроме того, многие непонятные на первый взгляд слова и выражения, употребленные в заговорах, заклинаниях и имеющие магическую функцию оберега, также выносятся автором в словник, например, "БЕССО́НИЦА БЕЗУГОМОНИЦА см. Сон угомон". "СОН УГОМО́Н спокойный, безмятежный сон. В одном из заклинаний от полунощницы говорится: *Зоря зоряница, возьми бессоницу безугомонницу, а дай нам сон угомон.* Онеж. Холм." [Подвысоцкий 1885, с. 161].

Таким образом, комплементарный способ подачи сведений о традиционной духовной культуре — яркая черта словаря Подвысоцкого. В случае алфавитного (непредметного) расположения заглавных слов этот прием обеспечивает возможность представления всей картины традиционной народной культуры края. Аналогичным способом (с помощью скоординированного соотнесения "общих" и "частных" словарных статей) достигается представление о народной культуре в современном этнолингвистическом диалектном словаре Б. Сыхты (см. 2.3.4.) и в энциклопедических мифологических и фольклорных словарях (3.2.3.).

2.1.5. "*Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении*" *Г. И. Куликовского*

Словарь Г. И. Куликовского (1898 г.) продолжает традицию фольклорно-этнографического подхода к диалектной лексике. Во многом он напоминает словарь А. О. Подвысоцкого. Это обусловлено как самим объектом описания (традиционная лексика крестьян северных губерний XIX в.), так и использованием уже укоренившихся в русской лексикографии (ср. словари В. И. Даля, А. О. Подвысоцкого) способов представления диалектных слов. Словарь олонецкого наречия включает описания фрагментов материальной культуры края (рыболовство, охота, скотоводство, домашняя утварь) и духовной — из области верований, обрядности, мифологических образов и представлений. Помимо кратких словарных статей в нем также содержатся полные, энциклопедические. Энциклопедические ("предметные")[15] толкования в словаре Куликовского имеют свою характерную особенность: привнесение авторского, нередко оценочного, отношения к отмеченным в жизни крестьян явлениям.

Г. И. Куликовский, ученый-этнограф, дает толкование диалектных слов — особенно тех, которые представляются ему важными для понимания жизни крестьян, — в свободной форме. Возникает впечатление, что читатель вместе с автором путешествует по северным озерам и наблюдает происходящее. Словарь включает статьи, имеющие характер научно-этнографических, порой художественных, очерков. Вот один из них:

"КИСЕЛЕВ ДЕНЬ (Лп.) В четверг на Троицкой неделе ежегодно у часовни, стоящей в роще на возвышенном месте среди деревень, собираются крестьяне группы деревень, носящих общее название Роксы; все домохозяйки приносят из дому по кринке

---

[15] Структуру толкований, характерных для лингвистических и энциклопедических словарей, в отечественной лексикографии исследовал А. И. Киселевский, противопоставляя "семантические" и "предметные" описания слова в словарях [Киселевский 1977, Киселевский 1979, Киселевский 1980].

молока и чашке киселя, ставят их на несколько времени под иконы и едят все это сообща, поминая "панов". День этот и зовется Киселев день; относятся к нему крестьяне шутливо, бегают, возятся, обливают друг друга молоком, обмазывают киселем; както раз решили даже не праздновать его, но после этого случился неурожай овса. Неурожай объяснили мщением за игнорирование старинного праздника, и с тех пор празднуют ежегодно" [Куликовский 1898, с. 36].

В свободной форме научного-популярного изложения фольклорно-этнографических данных представлены и многие другие статьи: ЛЕСОВИК, ЛЕС "леший"; ОН, САМ, ХОЗЯИН, ОВСЯННИК, ЗВЕРЬ, ГРЯЗНО́Й "медведь"; ОТПУСК "рукопис-ный заговор пастуха от диких зверей"; ПАНЫ́ "мифические коренные жители края"; ПЕЧЕБИ́ТЬЕ "укладка печи в помощь хозяину"; ШЛЮ́ПКА "странствующий во время святок театр" и т.д.

В словаре Куликовского, к сожалению, редко встречаются отсылки к статьям, дополняющим друг друга по объему этнолингвистической информации. Так, этнографическая мини-статья ПАНЫ́ тесно связана с описанием праздника КИСЕЛЕВ ДЕНЬ. Из нее следует, что "Киселев день" — поминки по "панам", выступающим в народных представлениях как мифические коренные жители края. Обобщение сюжетов легенд и преданий, сделанное автором в статье ПАНЫ́, объясняет шутливый обычай обливания молоком и киселем, как и само название "Киселев день": "В большинстве рассказов, это (паны. — *А.П.*) небольшая горсть людей, которых истребляет одна баба, облив горячим киселем или кипятком, или один мужик топит лодку с ними в реке, в пороге, в водопаде; по другим рассказам, Чудь или Паны проваливались в болота, "закапывались" в землю и т.п." [Куликовский 1898, с. 78]. Очевидно, что полное описание представлений этого культурного пласта должно достигаться с помощью взаимных отсылок между данными словарными статьями. В статье ПАНЫ́ есть упоминание праздника "Киселев день" с одним лишь замечанием "описанный нами выше" [Куликовский 1898, с. 78]. В то же время многие диалектные названия, включенные в текст толко-

вания этнографических мини-статей, вынесены в словник и сопровождаются отсылками (например, "Чудь см. Паны́"; "Панки́ см. ПАНЫ́"; "Панские могилы см. ПАНЫ́").

Куликовский вносит в словарные статьи богатый материал устного народного творчества: анекдотические рассказы о жителях края, былички, предания, легенды и другие фольклорные тексты, часто раскрывающие смысл того или иного названия. Названия жителей различных местечек – ДЕВЯТЫ ЛЮДИ, КАМЗО́ЛЬНИКИ, НЕБЛАГОСЛОВЕННЫЕ – связаны с бытующими о них преданиями. Названия медведя "он, сам, хозяин, овсянник, зверь и реже грязной" (см. ОН...) объясняются через верования и былички в обширной этнолингвистической статье, которую можно озаглавить "Медведь в духовной культуре олончан". Название водяного ЩУ́КА, ШШУ́КА подтверждается привлечением рыбацких рассказов о потоплении огромной щукой лодки и человека, о появлении водяного ночью с просьбой к рыбакам вынуть из спины острогу [Куликовский 1898, с. 139]. Общее обозначение демонологических персонажей НЕВЕРНАЯ СИЛА получает толкование в легенде о происхождении демонов от Адама [Куликовский 1898, с. 64]. Этимологический аспект в областных словарях Подвысоцкого и Куликовского выражен гораздо сильнее, чем в "Опыте" с "Дополнением", что объясняется большей фольклорно-этнографической оснащенностью словарей северных "наречий".

В обоих словарях большое внимание уделено двум этнолингвистическим темам: свадебной обрядности и ее терминологии, а также описанию магических аспектов народной медицины, т.е. заговорам и их применению, способам нанесения порчи и излечения от нее, ритуальным действиям против персонифицированных болезней и т.д. Лексика "магии" и медицины особенно полно представлена у Г. И. Куликовского. Названия болезней, связанных с нарушением каких-либо запретов, обусловленных магическими действиями или влиянием "нечистой силы", объясняются соответствующим образом в толковании:

"СОБАЧЬЯ СТАРОСТЬ — бессоница и отсутствие аппетита у ребенка как следствие нарушения запрета беременной матерью

переступать через кошку или собаку" [Куликовский 1898, с. 110]; "ЩЕТИ́НЫ — кожная болезнь ребенка, наступающая якобы от собачьей слюны" [с. 140], "ПРИХО́Д — болезнь ребенка как следствие ругательства взрослых, раздражившего домового, лешего" [с. 93] и т.д. В статьях обязательно приводятся способы лечения (как правило, это сопровождаемые заговорами магические действия с использованием ритуальных предметов). В словаре также отмечены названия персонифицированных болезней и словесные клише, связанные с определенным стереотипом поведения (в том числе — речевым этикетом) во время эпидемий: "задабривание" болезни, запреты на употребление имени и др.

"ГО́СТЬЯ (Вт. Пд. Пт.) оспа, лихорадка; последнее значение однако реже. *Гостья ходит* (говорят об эпидемии), или *гостьица Ивановна ходит*" [Куликовский 1898, с. 17].

"О́СПИЦА, О́СПА ИВАНОВНА (Пт.), О́СПИЦЯ (Крг.) оспа натуральная, ветряная. При эпидемиях, в случае появления оспы в деревне, иногда пекут блины и идут в дом больного; здесь кланяются в ноги больному и просят *Оспу-матушку, Оспу Ивановну* смилостивиться ..." [Куликовский 1898, с. 73].

Подробные описания магических и ритуальных действий содержатся в статьях, посвященных предметам, с помощью которых совершаются "чары" (ПРИСУ́ШНАЯ ТРАВА́, СЛЕДО́ВАЯ ТРАВА́, РОДОВА́Я ПОСТЕ́ЛЬ, ЧЕТВЕРЕ́ЖНА СОЛЬ и др.), а также — собственно действиям (см., например, ВЕ́РГИ СТАВИТЬ, ПОДНИМА́ТЬ СЛА́ВУ, ОСТУ́ДА ... "*бросать остуду*", ЗАКЛЯ́СТЬ, ОББА́ЯТЬ, ОПРИЗО́РИТЬ и т.п.).

2.1.6. *"Смоленский областной словарь" В. Н. Добровольского*

"Смоленский областной словарь" В. Н. Добровольского (1914 г.) охватывает диалектную лексику юго-западной области России — Смоленщины. В. Н. Добровольский, этнограф и фольклорист, был учеником виднейшего представителя русской мифологической школы Ф. И. Буслаева и главы исторического направления в русской фольклористике В. Ф. Миллера. Их на-

ставничество сыграло огромную роль в научной ориентации Добровольского. Осознание роли языка в объяснении происхождения мифических представлений народа послужило теоретической основой при создании "Смоленского областного словаря". Лексикографическая работа Добровольского в области интерпретации областных слов стала успешной в результате обращения к собственным этнографическим наблюдениям, которые нашли отражение в "Смоленском этнографическом сборнике" — монументальном труде автора, предшествовавшем словарю.

По сравнению с лексикографическими трудами А. О. Подвысоцкого, Г. И. Куликовского, в словаре В. Н. Добровольского фольклорно-этнографический аспект еще более углублен. В предисловии автор пишет о своем подходе: "Особенно интересовался словами, относящимися к семейному быту, верованиям, психологии" [Добровольский 1914, с 1].

Привлечение к толкованию слов легенд, преданий, сказок, былин и лирических песен, народных поверий, примет, сведений об обычаях и обрядах делает словарь важным этнолингвистическим источником. Народная терминология обрядности сопровождается подробными описаниями зафиксированных в Смоленской губернии обрядовых действий, предметов, участвующих лиц (статья БО́ГОВА БОРОДА "последний несжатый сноп овса"; ВОЛОЧО́БНИКИ, ВОЛОЧО́БНЫЕ "колядующие во время пасхальной недели"; ЕГОРИЙ "Юрьев день, 23 апреля"; ЗАЖИН "обряд начала жатвы, 8 июля"; РА́ДАНИЦА "день поминовения усопших"; ХАМТУ́РЫ "похороны" и др.). Словарные статьи, трактующие демонологическую лексику, содержат сведения о лесных, полевых, речных и домашних демонах: как они выглядят, где обитают, что предпринимают по отношению к людям, причем в толкование включаются и целые былички об их встречах с человеком (см., например, ДАМА́ХА "жена домового", ДОМОВОЙ, ВОДЯНОЙ, ДЕВКА в значении "девка лесная", ПОЛЕВОЙ и др.). Кроме этого, автор включает в словарь общеупотребительные слова литературного языка (БАНЯ, ВОДА, ВОЛК, ВОРОБЕЙ, ВОРОН, ВЕНОК, ГЛАЗ, ГОРОХ, ГРОБ, ГРОМ,

ДОЖДЬ и т.д.), но описывает не сами реалии, а народные представления о них, функции в обрядности, их поэтические образы в фольклоре. Применительно к таким случаям можно говорить об описании в словаре "мифологем" воды, волка и т.д.

Фольклорно-этнографическая характеристика значимых в народной духовной культуре слов во многом предвосхищает принципы современного этнолингвистического словаря — см. (2.3.4., 3.2.). Для полноты раскрытия мифологем в словарные статьи введены специальные подзаголовки, а фрагменты народных представлений о различных аспектах окружающего мира нередко даются на языке диалекта как образцы живой крестьянской речи. В статье ГРОМ после подзаголовка "Гром первый" перечисляются приметы, связанные с первым громом, отмечается мифический образ "Илья́ на каляснíцы едить" и даются предписания ритуальных действий во время грома (следует кувыркаться, чтобы не болела спина; идти умываться к реке всем семейством; подмывать дойную корову). После подзаголовка "Громом убитый" дается поверье об отпущении двенадцати грехов человеку, убитому громом.

Тематическое членение фольклорно-этнографических и этнолингвистических сведений с использованием подзаголовков активно используется автором при подаче демонологической лексики. Так, статья ДОМОВОЙ включает 17 тем, обозначенных подзаголовками: "Домовые произошли"; "Домовой — іон (он); домовиха — ина, яна (она)". "Домовой не залюбил" (речь идет о "нелюбимой" скотине, которая начинает хворать, дохнуть); "Домовой не залюбил" (описание поверий о болезнях родственников вследствие неугодного домовому поведения: ссоры, крика, неаккуратности); "Домовой-чужак"; "Домовые принимают участие в драках"; "Домовые дерутся"; "Домовой похищает детей"; "Домовой в сновидениях"; "Домового спросить"; "Домового о судьбе спросить"; "Домовой — вестник смерти"; "Домовой видится к дележу"; "Домовой — к переселению, к смерти"; "Домовой является причиною свадьбы" (тему раскрывает фрагмент народной песни); "Домовой. Обращение к испугавшему неожиданно" (приводится соответствующий лексический материал); "Домовые.

Домовые в заговорах". (дается общая характеристика заговоров, в которых обращаются к домовым, и фрагмент "приворота") [Добровольский 1914, с. 178–180].

В словаре В. Н. Добровольского структура каждой статьи, объем толкования и иллюстраций полностью зависят от значимости соответствующего понятия или реалии народной культуры, преимущественно — духовной. Но системность в подаче сведений о традиционной духовной культуре данного региона практически отсутствует. Словарные статьи не связаны между собой с помощью отсылок, часто необоснованно и непредсказуемо помещение какой-либо информации в ту или иную статью, как, например, описание обычаев приготовления к Пасхе под заглавным словом БАБА "булка из пшеничной муки", обычаев в день Храмового праздника — в статье БУБЕНЧИК. Не очень убедительно, даже для диалектного этнолингвистического словаря, разъединение аспектов фольклорно-этнографической характеристики одного слова в разные словарные статьи. В результате находим четыре статьи с заглавным словом ДЕВКА, одиннадцать статей ЗМЕЙ, шесть — ЗМЕЯ, три — ЗМЕИ, шесть — ЗНАХАРЬ, три — ЗНАХАРКА, четыре статьи ИВАН (Купала) и т.д. Использование заголовков в одной статье в качестве способа членения фольклорно-этнографической информации о референте в этом словаре проведено более последовательно, впоследствии оно оказалось перспективным для лексикографической презентации значимых в традиционной народной культуре слов в словарях различных жанров (этнодиалектных, этнолингвистических, мифологических).

Как отмечают современные исследователи, перед автором "Смоленского областного словаря" стоял ряд новых, не решенных еще в русской диалектной лексикографии вопросов: о написании заглавных слов, о материальном тождестве диалектных лексических единиц и др. (см. [Сороколетов—Кузнецова 1987, с. 66–68]. Добровольский исходит из формы диалектного слова, выделяя фонетический или словообразовательный вариант как самостоятельную словарную единицу. Это приводит, во-первых, к повторению фольклорно-этнографических сведений, связанных с одним

и тем же словом: например, о приготовлении специфического блюда из картофеля в статьях ГАРОХ и ГОРОХ; о демонологическом персонаже и методах защиты от него в статьях ВИХРАВО́Й и ВИХРОВО́Й; о "смерти" демона в статьях ДАМАХА и ДОМАХА и т.п.[16] Во-вторых, отсутствие какой бы то ни было системы отсылок затрудняет ориентацию в лексике, относящейся к одной и той же реалии или явлению. Очевидно, например, что заглавные слова статей БАБО́ШКИ ("шарики, нечто круглое ...") и БАБУ́ШКИ ("круглые шарики из теста") — фонетические варианты одного слова: судя по дальнейшему обширному этнографическому материалу автора, у них один и тот же денотат 'круглая маленькая булочка', но существуют разные локальные варианты обрядового употребления этого типа хлебцев (различное календарное время выпечки и предназначение). Очевидно, что такие словарные статьи должны быть связаны каким-либо лексикографическим приемом (объединением обеих словарных статей или отсылкой).

2.1.7. "*Материалы для областного словаря Вятского говора*" *Н. М. Васнецова*

Не все русские областные словари ставили своей целью этнографическое описание народной жизни. Этнографическая ценность словаря Н. М. Васнецова "Материалы для областного словаря Вятского говора", по мнению выдающегося этнографа и диалектолога Д. К. Зеленина, гораздо ниже лингвистической. Рецензируя этот труд, Д. К. Зеленин называет его словарем "общего, разговорного языка" в отличие от "терминологических" словарей Подвысоцкого и Куликовского [Зеленин 1910, с.261]. В данном случае Зеленин очень точно отметил специфику первых русских областных словарей, ориентировавшихся на терминоло-

[16] Дословные повторения этнографического или фольклорного текста встречаются и в иных случаях: при подаче терминологических сочетаний (см., например, ВОЛОЧИТЬ [с. 82] и КОЛОДКА [с. 334], где толкуется обрядовый термин "волочить колодку"), в общих статьях, включающих частные, и др.

гию народного быта, хозяйства, промыслов и традиционной духовной культуры, но, с другой стороны, даже "строго лингвистический" подход к лексикографическому описанию диалектных слов предполагает фиксацию реально-содержательного аспекта лексических единиц, в том числе и тех, которые обозначают те или иные стороны материальной и духовной культуры края. Поэтому "не будучи словарем терминологическим, словарь Н. М. Васнецова не мог, однако же, не отразить в себе многих черт местного народного быта, и в этом отношении он заслуживает внимания этнографов" [Зеленин 1910, с. 261]. Рецензент отмечает ряд словарных статей, дающих материал для этнографии в области строительства, приготовления пищи, свадебной обрядности, мифологических представлений [Зеленин 1910, с. 261]. Среди них есть такие, которые включают описания фрагментов свадебной обрядности (БЕ́ШЕНЫЕ, ВЕЛИЧА́ТЬ, ГОРНЫ́Е, ДРУ́ЖКА, КАЛЫ́М, ОБДАРИ́ТЬ, ПОНО́СЫ), характеристику мифологических персонажей (БЕС, ВРАЖО́НОК, ЕГИ́БОБА, ЖИ́ХОРКО, КИКИ́МОРА, НЕЧИ́СТОЙ, О́БОРОТЕНЬ). Многие другие статьи из этого перечня содержат довольно скупые этнографические сведения, но имеют ценность лексического материала, отражающего те или иные стороны традиционной духовной культуры, например, мифологические представления (ДО́ЛГОЙ, КОКА́НКО, НЕКОШНО́Й, ПРИПУ́КА, ХИ́ТКА). Словник пополняют и другие, не отмеченные Д. К. Зелениным, но важные в системе обрядности и мифологии термины, представленные без подробных этнографических описаний: ОКРУТИ́ТЬ "обвенчать", ОБРУ́ЧНИЦА (ОБРУ́ШНИЦА) "обрученная девушка", ПО́РТИТЬ "наносить порчу", ОБОТТИ́ "околдовать", НАРЯ́ЖЕНЫЙ "ряженый на святки", ЛОМА́ТЬСЯ НА СВАДЬБЕ "быть званым гостем на свадьбе", ЛОМА́ТЬСЯ В КУМОВЬЯХ "принимать от купели", КУРОНО́САЯ "масленица", ЗАЛО́ЖНЫЙ "самоубийца", ГОДИ́НЫ "поминки через год", ПОМИНОВЕ́НЬЕ "поминки" и др.

Кроме того, многие значимые в народной духовной культуре диалектные слова представлены в словаре Васнецова традиционным для русской областной лексикографии способом: 1) подробно

описываются обычаи и обряды (см. СТО́ЛЬНИК, ТЫ́СЯЦКОЙ, СЫР, ПОЗВАТЕЛЬ, КУЛЕБА́КА, ГО́СТИ, БОРО́ДКА); 2) описывается внешний вид и действия демонологических персонажей, отмечаются магические действия-обереги от нечистой силы (см. ЧОРТ, ЛЕШАК, ЕРЕТНИ́К, ВОРОЖЁЦЬ, ШОПТУ́Н, ШОПТУ́НЬЯ); 3) к толкованию слов добавляются бытующие в народе архаические поверья (см. ВИ́ХАРЬ, ВИ́ХОРЬ, СЫР, ДУГА́, КОСМЫ, МЕДВЯ́НКА, НОВИЗНА); 4) описываются обрядовые и детские игры (ШЕСТЫ́, ВЕРШИ́ТЬ, ПРЯ́ТКИ); 5) название слова объясняется через описание обычая (см. ГОРА́); 6) фольклорные слова сопровождаются иллюстрациями из произведений устного народного творчества (песен, сказок, поговорок, анекдотов, детских прибауток, загадок) с соответствующими пометами о жанре фольклорного произведения.

К словарю Васнецова, как и к другим русским областным словарям, относятся слова А. Н. Афанасьева о том, что "областные словари сохраняют множество стародавних форм и выражений, которые столько же важны для исторической грамматики, как и для бытовой археологии; положительно можно сказать, что без тщательного изучения провинциальных особенностей языка многое в истории народных верований и обычаев останется темным и неразгаданным..." [Афанасьев 1865, с. 21].

2.1.8. *"Программа" и "Проект словаря русской этнографической диалектологии" С. А. Еремина*

Важность этнографического аспекта в словаре диалектных слов подчеркивалась многими русскими языковедами XIX—XX вв.: И. И. Срезневским, А. А. Шахматовым, С. А. Ереминым. Срезневский даже планировал создание этнографического словаря [Балахонова 1961, с. 112–113], а Еремин в 1926 г. предложил "Проект словаря русской этнографической диалектологии" и "Программу для собирания..." материала для этого словаря [Еремин 1926а; Еремин 1926б]. По замыслу С. А. Еремина, словарь русской этнографической диалектологии, "задуманный в порядке опыта при изучении терминологии, относящейся к предме-

там материальной культуры и бытовым названиям центральной и северо-западной областей Великороссии", поможет решить ряд задач в сфере этимологии и семантики слов в целом, более того, — позволит проследить пути этногенеза племен и народностей, населяющих данную территорию [Еремин 1926б, с. 21, 39–40]. Практически предусматривалось включение в словарь самых разнообразных этнографических сведений, способствующих воссозданию той атмосферы сельской жизни, в которой бытуют живые слова — термины материальной и духовной народной культуры. В Программе выделены соответствующие разделы лексики, в частности: "Названия кушаний и напитков в разные моменты жизни (повседневных, праздничных, при разных обрядах") (13); "Названия трав, с которыми связано какое-нибудь особенное представление" (25); "Термины народной медицины..."; "Средства народной медицины и слова, касающиеся знахарства, лечения, болезненных состояний" (33); "...слова и речения, указывающие на воззрения людей на природу, взгляд на судьбу, счастье и самих себя" (34); "Слова и речения из области народной метеорологии" (35); "Исчисление времени, образные выражения для обозначения времени" (38); "Слова и названия, употребляемые при обрядах..." (39); "Названия праздников и дней отдыха..." (47); "Названия духов, обитающих, по народным поверьям, в домах, банях, овинах, в воде, в лесах и пр." (48); "Слова и выражения, употребляемые вследствие суеверий"; "Слова, которые боятся или считают за грех произносить" (49) и многие другие. Словарь задумывался как предметно-понятийный, в пользу чего приводились очень веские аргументы, не утратившие актуальности и в настоящее время, поскольку тематическое расположение словарных единиц облегчает доступ читателей к нужной информации этнолингвистических словарей (диалектных и функционально-терминологических).

Выдвижение С. А. Ереминым "этнологической лингвистики" или "этнографической диалектологии" в качестве очередной задачи исследований в русском языкознании стало характерной

приметой продолжения и развития этнолингвистических традиций в русской лексикографии XIX в.

2.2. Западнославянская диалектная лексикография на рубеже веков

В предыдущем разделе было показано, что возникновение русской диалектной лексикографии было во многом обусловлено необходимостью решения вопроса о лексическом фонде русского литературного языка, точнее, о разграничении между общеупотребительной и областной лексикой. Первый русский областной словарь явился дифференциальным по отношению к СЦСРЯ. Иная ситуация развития литературных западнославянских языков диктовала иной путь формирования диалектной лексикографии. В словарях общенационального масштаба С. Линде, Й. Юнгмана, новом "варшавском" словаре не ставилась задача размежевания с диалектным лексическим фондом, наоборот, по разным причинам эта лексика в том или ином объеме включалась в важнейшие словари западнославянских языков (см. 1.2.). Возникновение западнославянской диалектной лексикографии обусловлено определенным этапом накопления фактического материала по мере развития польской и чешской диалектологии, тесно связанной с этнографией и фольклором. Так, К. Нич датирует третий этап изучения польских говоров 1901 годом, т.е. выходом в свет первого тома словаря Я. Карловича [Nitsch 1911, s. 196]. Западнославянские диалектные словари не ограничивались представлением чисто лингвистических явлений: широкий контекст традиционной народной культуры — характерная черта всей ранней славянской диалектной лексикографии.

2.2.1. *Польский диалектный словарь Я. Карловича*

К началу XIX в. в Польше активно развиваются такие смежные с диалектологией науки, как этнография и фольклор [Виноградова 1977]. Появляются фундаментальные труды фольклориста-этнографа О. Кольберга, выходят периодические издания

"Висла", "Люд", отражающие результаты изучения народного быта и культуры. Редактором этнографического журнала "Висла" был Я. Карлович, автор первого (и единственного доведенного до конца) сводного "Словаря польских говоров" (SGP–I). По мнению К. Нича, словарь Я. Карловича был адресован "прежде всего не языковедам", а, видимо, этнографам: его автор сам был этнографом и стремился собрать воедино "свод" польских диалектных слов для изучения явлений культуры, материальной и духовной [Nitsch 1911, s. 220]. Историко-этнографический подход при описании польского диалектного ареала, окончательно оформившийся в польской диалектологии и диалектографии лишь в наше время [Терновская 1975, с. 47–58], проявился уже в этом словаре, поскольку его автор учитывал сведения из самых разных областей знаний о языке (диалектах) и народной культуре в целом.

Как отмечалось в первой главе, новый польский словарь-тезаурус, так называемый "варшавский", главным инициатором создания которого был все тот же Я. Карлович, включает немалый фонд диалектных слов, перенесенных из SGP–I[17], но, безусловно, диалектная лексика в SGP–I представлена гораздо полнее и богаче. Словник SGP–I содержит лексику языка фольклора (слова с неопределенным значением из текста загадок, видоизмененные формы песенной лексики); разнообразнее лексика традиционной духовной культуры: включены хрононимы (например, BOGATY WIECZÓR, BŁAŻEJ, BENEDYK), названия демонологических персонажей, персонифицированных болезней и т.д. В то же время "варшавский" словарь, как и следовало ожидать, содержит различную по социальным и стилистическим характеристикам недиалектную лексику духовной культуры, которая в SGP–I отсутствует: BARANEK в значении "пасхальный барашек, выпеченная из теста фигурка", BABA (JĘDZA) "чаровница ведьма; колдунья", BITKA "пасхальное яйцо в игре", BELZEZUB "бес,

---

[17] Словари начали выходить параллельно с 1900 года. После смерти Я. Карловича (1903), SGP–I был закончен его сподвижниками в 1911 г., а "варшавский" — в 1927 г.

дьявол, черт" и т.д. Впрочем, в SGP–I из-за отсутствия четко обозначенных принципов отбора лексики также встречаются многие общепольские лексемы.

С точки зрения "правил" современной лексикографии словник SGP–I можно назвать нескоординированным индексом фонетических вариантов диалектных (и недиалектных) слов; в "варшавском" словаре, напротив, с успехом осуществлено объединение слов и словоформ, относящихся к одной реалии. Они даны в качестве синонимов к заглавному слову, в то время как его толкование предельно сжато, что в современной польской теории лексикографии характеризуется как "младограмматическое преобладание фонетики над семантикой" [Breza 1974, s. 80]. При трактовке терминов традиционной народной культуры отсутствие развернутого толкования заглавного слова особенно ощутимо, хотя богатство диалектного лексического материала и способы его подачи в этом словаре заслуживают признания. Так, в "варшавском" словаре статья BIEDRONKA (coccinela) "божья коровка" включает два литературных и десять диалектных названий божьей коровки: BIEDRZONKA, [KRÓWKA MATKI BOSKIEJ], BOŽA KRÓWKA, [BIEDRĄŻKA, TRUSLA, MATECZKA, BABINKA, BABKA, PATRONKA, KATANKA, JEDRONKA, JEDRZONKA][18] [SJP–I, t. I, s.148]. В текст аналогичной статьи (BIEDRONKA) SGP–I вошли только названия "jedronka, jedrzonka" (отмечены в цитате интерпретирующей части статьи) и ссылка на два других диалектных названия: "Por. B i e d r ą z k a, P a t r o n k a" [SGP–I, t.1, s. 79]. Вместе с тем, в статьях SGP-I BIEDRONKA и PATRONKA приведены цитаты из детского фольклора, значимые в данном случае для понимания мифологических представлений о божьей коровке (см., например, статью Вяч. Вс. Иванова и В. Н. Топорова БОЖЬЯ КОРОВКА в МНМ). Сопоставление этой и других словарных статей словаря Карловича и "варшавского" показывает, что описание терминов традиционной народной культуры может быть полным, если фиксируются все известные диа-

---

[18] Диалектные названия в этом словаре даются в квадратных скобках.

лектные лексемы (что ценно для последующего анализа их внутренней формы, значения и т.д.) и если дается их подробное толкование с привлечением фольклорного и этнографического контекстов. Второму требованию отвечает подача слов в SGP–I.[19]

При частичном или полном совпадении кратких толкований многих диалектных слов в обоих словарях, различие в интерпретации словарных единиц особенно заметно, когда трактуются термины традиционной духовной культуры, требующие пояснений и уточнений относительно соответствующих реалий (или "денотатов", по терминологии польских лингвистов). Лексикографическое истолкование этих диалектных слов в "варшавском" словаре строится как максимально сжатая информация на основе цитаты (или цитат) из этнографического источника, используемой в качестве толкования данных слов в SGP–I. При этом многие существенные для понимания духовной культуры детали опускаются (например, сведения о функции какой-либо реалии в обрядовых действиях), отсутствуют и отдельные значения слова, связанные с обрядностью, например, имеющееся в SGP–I значение BOCIAN ("аист") 'кукла, прикрепленная к саням во время веселья молодежи на масленицу'. Для словаря-тезауруса, цель которого — объединить как можно больший фонд лексики, такие пропуски неизбежны, но тем значительнее роль диалектного словаря, дополняющего первый в том числе и по объему информации о региональных вариантах традиционной культуры народа.

Для SGP–I характерны два типа лексикографической обработки словарных единиц. Первый тип осуществляется по схеме: заглавное слово + дефиниция (или краткое толкование) + цитата или цитаты, содержащие ценную информацию о традиционной народной культуре. Краткое толкование, включенное в систему

---

[19] К сожалению, толкования слов в SGP–I не всегда выдерживают критику: польский диалектолог К. Нич, оценивавший словарь Я. Карловича с позиции предстоящих задач в области польской диалектной лексикологии и лексикографии, в числе многих недостатков словаря обращает внимание на неточности в объяснении значения слов [Nitsch 1911, s. 220].

описания термина духовной культуры, носит самый общий характер, если заглавное слово относится к демонологической лексике. Более подробная характеристика внешнего вида, мест обитания, функций демонологического персонажа содержится в последующих цитатах из фольклорно-этнографических источников:

«BORUTA = duch (borowy, por. Borowiec. Borowy). "W borach i puszczach przesiadywał i dokazywał duch ich opiekuńczy, głośny u ludu 'Boruta'"..."Do złych (duchów) należy Boruta, któremu, dla ułagodzenia, wystawiają naczynia z potrawami"... "Najstraszniejszy jest djabeł leśny 'Boruta'...» [SGP–I, t.1, s. 107]. ("Боровец", "Боровый". "В лесах и пущах сидел и проказничал опекающий их дух, прозванный в народе *Борута*"... ... "К злым (духам) относится Борута, для умиротворения которого выставляется посуда с едой"... "Самый страшный — это лесной дьявол *Борута*"...).

"BOGINKA = istota mityczna..." (БОГИНКА — мифическое существо). Далее следуют цитаты из народных песен и этнографических описаний, содержащие сведения о местопребывании богинок в лесах, об их встречах и ссорах друг с другом, об основных вредоносных действиях по отношению к людям (подмена детей). В цитатах обнаруживаются и другие названия богинки: *bogina*, *mamuna*, *mamona* [SGP–I, t.1, s. 99]. Таким же образом представлены термины духовной культуры BŁĘDNIK "блуждающий огонек", BIEDA — олицетворение нищеты, мифологический персонаж, BABA и BABKA "огромный украшенный цветами сноп по окончании жатвы", BABIĆ "одевать чепец на невесту" и другие, значимые для духовной культуры названия растений, животных, а также атрибутика поверий, заговоров типа BŁOGI, BABSKI:

«BŁOGI = szczęśliwy: "Niebo (23 grudnia) otwiera się o północy; człowiek szczęśliwy ('błogi') może go (je) tylko widzieć"» [SGP–I, t.1, s. 92]. (BŁOGI = "счастливый" "Небо (23 декабря) открывается в полночь; только счастливый (*благой*) человек может его видеть").

«BABSKI = kobiecy, żeński. ..."Zegnám cię, urzeku (= uroku), Dziewięć razy do roku, Jeśliś chłopski urzek, Wliżze pod capkę: Jeśliś babski urzek, Wliżze pod smatę!"» [SGP–I, t.1, s. 31]. (BABSKI = бабий, женский. ..."Прогоняю тебя, сглаз, девять раз в году. Если мужской сглаз, влезешь под шапку, если бабий сглаз, влезешь под платье!").

Помимо краткого толкования в некоторых статьях встречаются дополнительные авторские пояснения к цитатам и ссылки на географическую фиксацию термина: «BOCIANOWANIE: (Na Litwie w dzień Zwiastowania) "naśladują powolny chód bociana i całą te uciechę wiosenną nazywają 'bocianowaniem'"...» [SGP–I, t.1, s. 95]. (Букв: АИСТОВАНИЕ: В Литве в день Благовещения "подражают неторопливой поступи аиста и всю эту весеннюю забаву называют *аистованием*").

«BORYKI = zapazy, biadki: "Pastuch nuż w boryki z kudłatym" (wilkołakiem)» [SGP–I, t.1, s. 108]. (BORYKI = борьба, состязание: "Пастух давай в драку с кудлатым" (волколаком)).

Другой тип лексикографического описания, принятый в SGP–I, характеризуется отсутствием традиционного авторского определения: после заглавного слова непосредственно следуют цитаты с указанием источников. Толкование значений диалектных слов реализуется через совокупность различных цитат из фольклорно-этнографических источников. В этих случаях интерпретационная часть словарных статей не унифицирована по форме, тем не менее можно выделить некоторые устойчивые тенденции в подаче этнокультурного контекста диалектных слов. В статьях, описывающих терминологию духовной культуры, используются своего рода "цитаты-определения", "цитаты-объяснения", "цитаты-описания". "Цитаты-определения" близки или тождественны краткому лексикографическому определению толковых словарей (с минимальным или расширенным набором признаков, раскрывающих значение). Термины обрядности и обычаев, как правило, сопровождаются "цитатами-описаниями" (с большим набором характеризующих признаков). Во многих случаях данный в цитате контекст употребления слова служит объяснением его значения,

мотивацией внутренней формы термина, т.е. используются своего рода "цитаты-объяснения". Контекст употребления обрядовых терминов часто дополняется фиксацией отдельных компонентов обряда, поэтому такие "цитаты-объяснения" сближаются по структуре с "цитатами-описаниями". И, наконец, многие цитаты выступают в своей традиционной функции: служат иллюстрациями употребления данных диалектных слов. Здесь широко представлены малые фольклорные жанры: загадки, заговоры, пословичные выражения, содержащие народные приметы, детские считалки и песенки, а также фрагменты лирических и колыбельных песен, небольшие былички и т.п.

"Цитаты-определения" с минимальным набором характеризующих признаков предельно лаконичны:

«BAŁABUCH = "mała bułka" ... "Bałabuszek = bułeczka do wróżb w przeddzień św. Jędrzeja"» [SGP–I, t.1, s. 41]. ("Маленькая булка" ... "Балабушек — булочка для гадания накануне дня св. Андрея").

«BAŻANT = "pieczony kapłon lub kogut na uczcie weselnej"...» [SGP–I, t.1, s. 57]. ("Жареный петух на свадебном столе". Это определение без изменений переносится в "варшавский" словарь, отличающийся чрезвычайной лаконичностью лексикографических дефиниций).

«BIESIADA = "przyjęcie gosci, zwłaszcza z powodu chrzcin"...» [SGP–I, t.1, s. 84]. ("Прием гостей, особенно на крестины").

«BOŻE PTAKI: "Bociana, skowronka, jaskółkę i słowika lud nazywa 'Bożemi ptákami'"...» [SGP–I, t.1, s. 110]. ("Аиста, жаворонка и соловья народ называет 'Божьими птицами'").

«BRÓDKA = "ostatnia garśc zboża, pozostała na pniu"...» [SGP–I, t.1, s. 121]. ("последняя горсть хлебных колосьев, оставленная на корню").

"Цитаты-определения" с расширенным набором характеризующих признаков содержат некоторые ценные сведения об обрядовых предметах и действиях, особенностях ряженья, свадебных обычаях, народных способах лечении болезней и т.п.:

«BARSZCZ: "Bászce (blp.), potrawa niezbędna na weselu w Sandeckiem: robi się z syrowatki z mąką"...» [SGP–I, t.1, s. 52]. ("Борщ, бел.-пол., необходимая еда на свадьбе в Сандецком; приготовляется из сыворотки с мукой").

«BARSZCZ: ..."Barsc, Prawy barsc = roślina, używana do leczenia kołtuna"...» [SGP–I, t.1, s. 52]. ("Борщевик — растение, употребляемое для лечения колтуна").

«BARTOSZEK = "chłopczyk, siędzący konno na karku drugiego, przebranego za osla, podczas zabaw w zapusty"» [SGP–I, t.1, s. 53]. ("Мальчик, сидящий верхом на шее другого, наряженного в осла во время забав на масленицу").

«BICZOWE: ..."Bicowe = oplata, którą furmani na weselu ściągają od dziewek, obiecując je dobrze wieźć"» [SGP–I, t.1, s. 76]. ("Плата, которую возницы на свадьбе взимают с девушек, обещая их хорошо везти").

"Цитаты-описания" не содержат формального определения значения заглавного слова: большой набор характеризующих реалию признаков не укладывается в рамки традиционной "семантической" части словарной статьи:

«BOBO ..."Na zgromadzeniach czarownic ... ma się znajdowacz 'Bobo'. Jest to maly dziwotworek kudłaty, wzrostu dziecka rocznego, a małej twarzy..."» [SGP–I, t.1, s. 94]. ("На сборищах ведьм... должен находиться *Бобо*. Это маленький лохматый уродец, ростом с годовалого ребенка и крошечным лицом ...").

Интерпретация обрядовой терминологии неизменно включает цитаты, описывающие обрядовые действия. Объяснения значения термина через описание ситуации его употребления (т.е. компонента обряда), столь распространенное в этнографических источниках, с успехом переносится в диалектный словарь. В "цитаты-объяснения", как правило, входят элементы описания обрядовых действий, обычаев, ритуалов:

«BICZOWE: "Przyjechawszy na granicę wsi kościoła parafialnego, woźnica, wiozący pannę młodą, staje i nie pierw się ruszy, dopóki nie dostanie od niej 'biczowego' dwa złote"» [SGP–I, t.1, s.76]. ("Приехав на границу сельского приходского костела, ку-

чер, везущий невесту, останавливается и не двигается с места, пока не получит с от нее два золотых *бичевого*").

«BOŻE RANY: "W wielki piątek chłopaki starają się zastac dziewczęta jeszcze w łożku ... ażeby im mogli zadac tak zwane 'boże rany'. Wówczas bowiem smagają je nielitościwie brzozową rózgą"» [SGP–I, t.1, s. 110]. ("На Великую пятницу хлопцы стараются застать девчат в постели ..., чтобы могли нанести им *божьи раны*. В это время они безжалостно стегают их березовыми розгами.").

«BOCZNICA: "Po ślubie, dwie szwachny ('bocznice') odprowadzą mlodą od ołtarza"» [SGP–I, t.1, s. 96]. ("После венчания свахи — *боковухи* — провожают молодую от алтаря.").

Нередко приводятся "цитаты-объяснения", включающие вербальный контекст употребления термина:

«BIELIĆ ...//Bilić się: "Gdy pannie młodej włożą na głowę 'chłopkę', wykrzykują: Oj bieli się!"» [SGP–I, t.1, s. 82]. ("Когда невесте одевают на голову чепец, выкрикивают: "Ой, белеется!"»).

«BORÓWKA: "Dzieci biorą na rękę biedronkę ('krówkę') i mówią: Krówko, borówko, gdzie twoje wesele?"» [SGP–I, t.1, s. 107]. ("Дети берут на руку божью коровку и произносят: "Коровка, коровка, где твоя свадьба?"»).

«BZOWSKI: "Rusin, przemówiwszy się z Mazurem, odsyła go do wszystkich djabłów, mianując ich wtedy: 'Pan Łoziński, Bzowski itd'"» [SGP-I, t.1, s. 156]. ("Русин, поговорив с жителем Мазовии, посылает его ко всяким дьяволам, называя их тогда: "Пан Лозинский, Бузинский и т.д."»).

Подобным объясняющим контекстом употребления слова может быть загадка (см. BYLICA, BIEŻELEC, BAŃBUREK), выражения и песенки в подражание голосу птицы (см. BLA!, BACZYCA) и другие малые фольклорные жанры и словесные клише.

Целостность информации о явлениях народной духовной культуры достигается сочетанием различных типов цитат. Так, статья BRODA в значении 'дожинальный обряд' содержит "цитату-определение" термина, "цитаты-описания" основной обрядовой реалии — "хлебной бороды", "цитату-иллюстрацию", содержа-

щую фрагмент дожинальной песни с употреблением термина "broda" [SGP–I, t.1, s. 119]. Цитаты фиксируют и различные локальные варианты компонентов обряда. К сожалению, их точный географический адрес можно установить только опосредованным путем: через указание на источники. Этот и другие недостатки SGP–I (неодинаковая степень презентации лексики разных польских регионов, неизбежные неточности в толковании значений с помощью цитирования, отсутствие четко обозначенных принципов отбора лексики, произвольная транскрипция и др., см. [Kania—Tokarski 1984, s. 223–224]) корректируются составителями современного польского диалектного словаря (SGP–II), причем в новом словаре прослеживается тенденция к сохранению преемственности этнолингвистического подхода к терминологии традиционной народной культуры 2.3.1.

2.2.2. "*Ходский словарь*" *Я. Ф. Грушки*

На рубеже XIX—XX вв. появляются важные лексикографические работы чешских диалектологов. Известная двухтомная "Моравская диалектология" Ф. Бартоша, законченная в 1895 г., была дополнена в 1906 г. словарем моравского диалекта — "Моравский диалектный словарь" Ф. Бартоша стал собранием ценнейшей местной лексики, отличной в каком-либо отношении от словарного фонда литературного языка. Почти одновременно вышел "Ходский словарь" Я. Ф. Грушки (1907 г.), над которым автор работал в течение семнадцати лет. В "Предисловии" (1904 г.) Грушка пишет, что его словарь, представляющий насколько возможно детальную и достоверную картину родной ему живой ходской речи, задуман как источник материала для диалектологических и языковедческих работ. Кроме того, данные о языке, которые предоставляет диалектный "Ходский словарь", могут быть использованы, по мысли автора, не только в языкознании, но и в других науках, особенно в фольклоре [Hruška 1907, s. 1].

Я. Ф. Грушка сознательно привлекает широкий фольклорно-этнографический материал, поскольку рассматривает словарь

как надежную основу для будущих исследований по этногенезу "ходов". Своеобразные черты жизни ходского племени в период создания словаря сохранялись в самых различных проявлених культуры: занятиях, одежде, обычаях, а также и в языке, поэтому многие слова следует "věcně vysvětlovati" ("толковать с точки зрения реалии, предмета"). Автор отмечает, что в данном случае умышленно идет дальше, чем это принято в работах по диалектологии: "обширнее" толкует слово и "вещь", вследствие чего его "словарь становится кратким научным справочником всех примечательных ходских культурных особенностей" [Hruška 1907, s. 1–4]. Действительно, словарь охватывает широкий пласт лексики материальной культуры (терминологию народной одежды, пищи, типов и частей жилища и т.п), а также духовной культуры: терминологию родственных и социальных отношений, обрядовую и мифологическую номенклатуру. Многочисленная лексика календарной и свадебной обрядности сопровождается описанием отдельных, наиболее значимых компонентов обряда:

"LUCKA, I. Maškara v hrachovině zavázaná, již, provází celá družina hochů všelijak maskovaných (koza, žide, vojáci, čerti aj.), chodí večer při sv. Lucii do přástek a domácností a provádějí vesele reje. 2. nazev celého zvyku" [Hruška 1907, s. 50]. (1. Ряженый, обвязанный гороховой соломой, его сопровождает целая группа парней, по разному наряженных (коза, евреи, солдаты, черти и др.), они обходят вечером на св. Луцию супрядки и дворы и водят веселые хороводы. 2. Название всего обычая).

"VOVAZOVAT ...ovazovat několika stébly slamy nebo nití na Štědry den rano. Konají zvyk děti vstávajíce na to už i o 5 hod. a vyvolávají: "Vovazujte se štípkové, ajt' vám nepomrznou kvítkové: zyjtra příde mráz, posekáme vás" atd." [Hruška 1907, s. 111]. ("...Обвязывать рано в Сочельник несколько стволов соломой или нитками. Исполняют обряд дети, которые встают для этого уже в 5 часов; они выкрикивают: "Обвязывайтесь, деревья, пусть у вас не замерзнут цветы: иначе завтра придет мороз, и мы вас срубим" и т.д.").

"MATKY ..."pani matky" nazývají se všecky vdané svatebčanky. Mívají hlavní slovo na svatbě. Peče se pro ně "Kolač pani matek" a když se odvází nevésta, mají i svój vůz, na němž se dávají vézti do nevéstina doma nového" [Hruška 1907, s. 52]. ("*Пани матки*" называются все замужние женщины на свадьбе. Для них выпекают *пирог пани маток*, а когда увозят невесту, то у них имеется своя повозка, на которой их везут до дома невесты).

Названия демонологических персонажей даются с кратким определением "мифическое существо", после чего приводятся некоторые их "свойства": кража детей после захода солнца (KLEKÁNÍČEK) и во время работы (DIVNÝ ŽÍNKY), поедание колосьев хлеба (PRAŽNEC), пугающие крики в лесу (HAJMON) и т.п.

В заголовки статей словаря выносятся также слова и выражения из детского и обрядового фольклора, пословичных выражений, вербальных формул, например: "DODLA, Dorota. Dodla, kráva tě bodla (Dětské říkadlo posm.)" [Hruška 1907, s. 22.]. ("Дорота. Додла, корова тебя бодала (детские насмешливые стишки)"). Использование фольклорного контекста в качестве иллюстраций характерно для многих статей словаря.

2.2.3. "*Моравский диалектный словарь*" *Ф. Бартоша*

В отличие от "Ходского словаря", "Моравский диалектный словарь" Ф. Бартоша [Bartoš 1906] теснее связан с задачами диалектологии в области фонетики, словообразования, такими проблемами лексикологии, как синонимия, полисемия, омонимия. Вместе с тем, автор использует описательные толкования терминов традиционной культуры, за счет чего значительно возрастает ценность словаря как источника комплексной информации о слове и его "реальном" содержании. Подробно описываются орудия труда, для многих из них даются рисунки-схемы. При интерпретации лексики духовной культуры автор использует богатый материал фольклорных и этнографических сборников, в том числе своих собственных (Moravský lid, 1892; Moravská svatba, 1892 и

др.). В результате словарь Ф. Бартоша отличается богатством синонимики и обилием словообразовательных вариантов демонологической и обрядовой лексики, наличием немалого числа словесных клише, а также привлечением материала народных поверий, обычаев и обрядов.

Многие заглавные слова — термины духовной культуры сопровождаются кратким толкованием — переводом на литературный язык или лаконичной дефиницией:

"VĚNCULA I. družička (ověnčená)..." [Bartoš 1906, s. 479]. (Подруга невесты (замужняя)...). Далее следует пример употребления в народной речи.

"DRUŽBA, svatební mládenec, někde starosvata, pořadatel svatebního veselí" [Bartoš 1906, s. 69]. (Дружка, кое-где распорядитель свадьбы).

"HOSPODAŘ SVADEBNÍ, starosvata, pořadatel svatebního veselí" [Bartoš 1906, s. 103]. (Распорядитель на свадьбе).

"HOJNA VEČEŘA je na Valaších večer před Štědrým dnem" [Bartoš 1906, s. 100]. (В Валахии вечер перед Сочельником).

"MAL'TAŠA, hrachový pokrm štědrovečerní (val.)" [Bartoš 1906, s. 192]. (Гороховое кушанье в сочельник (вал.)).

"MASOPUSTNIK, masopustní host..." [Bartoš 1906, s. 193]. (Гость на мясопуст). Далее следует пример употребления в народной речи.

"JAROŠEK, báječný had domáci, hospodářík, skřítek" [Bartoš 1906, s. 130]. (Мифический домовой, хозяйчик, гном).

Диалектные синонимы к заглавному слову отмечаются в толковании особо, например:

"VĚŠČE, nestvůrné dítě věščice, kterež ona ráda podvrhuje za ukradené dítě lidské, proto nazývá se též: proměnče, podvrženče" [Bartoš 1906, s. 480]. (Уродливый ребенок "дивожены", которого она любит подкидывать вместо украденного человеческого ребенка, поэтому тот называется также: "обменыш", "подкидыш").

Словообразовательные варианты терминов даются при заглавном слове словарной статьи или же распределяются между

разными статьями. Названия демонологических персонажей, образованные от однокоренного слова, объединяются:

"BOBAK = bubák, bobača, žena strašicí, bobačacko, bídné hloupe strašidlo (val.)" [Bartoš 1906, s. 20]. (BOBAK = бука, *bobača* — жена страшилища; *bobačacko* — убогое, глупое страшилище (вал.)).

"BOSORAK, fem. bosorka n. bosorkyňa, čarodějník — čarodějnice (podl., horň, val.)" [Bartoš 1906, s. 22]. (Колдун — колдунья (подл., горн., вал.)).

В отдельные статьи вынесены:

"BOSOROVAT, čarovati" [s. 22]. (Колдовать).

"BOSORSKÝ čarodějnický zlý..." [s. 22]. (Колдовской, злой). Далее следует пример употребления в народной речи.

Словарь Ф. Бартоша содержит большое число фразеологических оборотов и устойчивых словесных выражений: сравнения, пословицы, приветствия, благопожелания, обрядовые вербальные клише. Встречаются и указания на особые случаи употребления слов. Языковой материал такого типа, вместе с примерами-иллюстрациями фрагментов народной речи, может, по мысли автора, послужить обогащению синтаксического строя литературного языка [Bartoš 1906, s. 3]. Так, объемная статья DUŠA содержит в основном перечень фразеологизмов со словом "душа" и их объяснение на основе моравских народных представлений о человеке. Заключительная часть статьи посвящена образу души в народных песнях: она принимает облик птицы, чаще — голубя, вылетает и поет, усевшись неподалеку [Bartoš 1906, s. 72–73].

С этнолингвистической точки зрения не менее интересны замечания автора по поводу контекста употребления и ряда других слов, например:

«VINŠOVAT, sloveso do nedávna vůbec rozšířené uhnulo novější dobou domaćimu přati a udržuje se jenom ve starých formulích: "Vinšuju vam ščasne a veselé svátky" a p.» [Bartoš 1906, s. 483]. (Слово, до недавнего времени очень распространенное, уступило в последнее время местному "желать" и удерживается

только в старых формулах: "Желаю вам счастливого и веселого праздника").

"BOŽÍ: ... Boží jsou též doby časové: od božího rána, cely b. deò, rok. Zajimavo jest, že noci přivlastku toho nepřikláda" [Bartoš 1906, s. 22]. ("Божьи" также отрезки времени: "с божьего утра", "целый божий день, год"). Интересно, что к ночи это добавление неприменимо. По-видимому, ночь "принадлежит" дьяволу.

"JANEK I. Žertovný název zajíce: "Janek, janek!" volávají pasaci za vyplašeným v poli zajícem..." [Bartoš 1906, s. 129]. (Шутливое название зайца: "Янек, янек", — кричат пастухи вслед вспугнутому в поле зайцу...). Ср. этнолингвистическую интерпретацию имен зверей и птиц в работах А. В. Гуры [Гура 1978], Н. И. Толстого [Толстой 1984а].

Для объяснения многих терминов духовной культуры в толковании дается поверье. Это относится к названиям, мотивированным явлениями народной культуры, типа: "BLUD Lid se domnívá, že roste v lesích zelina, člověka tajemnou mocí s cesty svádějící. Kdo ji překročí, zabloudí. Zelinu tu nazývají bludnou travou nebo říkají, že ho b l u d podešel..." [Bartoš 1906, s. 19]. (В народе полагают, что в лесах растет трава, таинственная сила которой сбивает человека с дороги. Кто через нее переступит, тот заблудится. Это растение называется "блудной травой" или говорят, что человека "блуд" завел...).

Помимо толковательной функции, включенные в словарную статью народные поверья нередко несут дополнительную информацию о слове как термине народной духовной культуры. Это сведения о способах народного лечения, магических свойствах растений (см. JORDÁNKA, VEŠKY, VDAJNÁ), указания на "счастливые" приметы (см. VL'K), сообщения о правилах поведения в лесу и наказании за их нарушение (см. MATOHA) и т.д.

Обстоятельные этнографические описания используются автором в основном при подаче обрядовой лексики: BABKOVÁNI "колядование на масляницу", BÝK "святочная маска" (дается описание внешности и действий ряженых), KRÁSNY "задушницы" (дается описание обычая), KUROVÉ "свадебный сбор денег",

MAŘENA "соломенная кукла, которую с обрядовыми песнями выносили из села и топили" POBABA "бесплатная помощь соседу", "угощение за помощь, праздник по окончании какой-либо совместной работы" и т.п.

2.2.4. *Роль С. Цамбеля в словацкой региональной лексикографии*

Среди работ, которые значительно повлияли на возникновение и развитие диалектной лексикографии западнославянских языков, следует отметить книгу известного словацкого лингвиста С. Цамбеля "Словацкий язык и его место в кругу родственных славянских языков". Первая опубликованная ее часть посвящена восточнословацким диалектам и включает не только разделы по фонетике и грамматике, но и диалектный словарь [Czambel 1906, s. 481–624]. По мнению современных ученых (Л. Н. Смирнов и другие), С. Цамбеля можно считать основоположником словацкой диалектной (региональной) лексикографии. О новейших достижениях словацких лексикографов свидетельствует, прежде всего, создание сводного "Словаря словацких говоров" (SSN), принципы и концепция которого представлены И. Рипкой [Рипка 1981], см. также 2.3.3.

2.3 Лексика традиционной народной культуры в современной славянской лексикографии

2.3.1. *Общие принципы лексикографической презентации диалектной лексики в региональном словаре*

В современной славянской диалектной лексикографии используются различные подходы к представлению и интерпретации региональной лексики в словаре. Традиционным способом расположения материала является алфавитный. Ему противопос-

тавлен идеографический (тематический)[20] способ подачи словарных единиц в диалектном словаре. Другое деление касается объема включения лексики в словник. Особого внимания заслуживает стремление лексикографов к созданию полного словаря, но в большинстве работ представлена лексика, которая в каком-либо отношении отличается от литературной, т.е. дифференциальная. В свете этнолингвистических задач важно, что в каждом конкретном случае понимается под термином "полный" словарь, другими словами, насколько полно представлена традиционная лексика материальной и духовной культуры какого-либо диалекта или говора.

Презентацию традиционной лексики народной культуры в полном и дифференциальном диалектных словарях целесообразно рассматривать в двух аспектах: во-первых, в плане включения такой лексики в словник, а во-вторых, с точки зрения ее интерпретации, т.е. способов описания (включая толкование, иллюстрации, комментарии и т.п.).

Квалифицированное лексикографическое описание говора или диалекта обязательно включает основные тематические группы лексики традиционной народной культуры, в том числе — духовной. Вместе с тем, наличие в диалектном словаре терминов, связанных с верованиями и обрядностью, во многом зависит не только от интенций лексикографа, но и от этносоциальных факторов, действующих в данном регионе: степени сохранности древних обычаев и уклада жизни, замкнутости или "открытости" села (или сел) по отношению к явлениям современного ("городского") быта.[21] При ориентации диалектного словаря на традиционную

---

[20] Здесь и далее термины "идеографический словарь" и "тематический словарь" употребляются как синонимы.

[21] Так, например, выходящие в течение последнего десятилетия диалектные словари сербских и черногорских говоров [Живковић 1987, Динић 1988–1992, Стиjовић 1990, Вуjичић 1995, Златановић 1998 и др.] последовательно включают лексику семейной и календарной обрядности, мифологическую и иную лексику традиционной народной культуры, поскольку в самых различных регионах Сербии и Черного-

лексику "крестьянского" быта и культуры достигается "разграничение традиционного и современного пластов, привычное для этнографии", что способствует восприятию языка в широком и исторически определенном контексте, в его глубоких связях с конкретными формами быта, хозяйства и духовной культуры [Толстая 1985б, с. 304]. Соотнесение термина "традиционная лексика" с понятием "традиционная культура" делает обоснованным включение в интерпретационную часть диалектного словаря широких толкований с элементами этнографического описания, фольклорных произведений или их фрагментов, а также привлечение экстралингвистического материала, объясняющего значение и функции многих терминов и устойчивых словесных клише.

При известных теоретических разногласиях, касающихся типа и возможностей диалектного словаря (вспомним дискуссию по поводу "полного" словаря между "филинцами" и "ларинцами" в 60—70-х гг.), лексикографы в основном признают необходимость включения в него широких пластов традиционной лексики народной ("крестьянской") культуры.

Особое внимание фиксации явлений народного быта и их выражению через языковые единицы словаря уделяется в польской диалектной лексикографической традиции. Характерным является единое отношение к проблеме лексического состава словника авторов диалектных словарей и словарей литературного языка. Критерием включения лексической единицы в словарь становится значимость соответствующей реалии в традиционной народной культуре. Определяя концепцию нового "Словаря польских говоров", М. Карась писал: "В словарь войдет вся терминологическая лексика, связанная с материальной и духовной культурой народа, например, *stodoła* "овин"... названия частей плуга, воза, народная терминология врачевания, астрономия, терминология религиозных культов и верований, хотя многие из этих

рии до сих пор сохраняются (а иногда и заново воссоздаются) черты и особенности старинного уклада жизни.

слов принадлежат к литературному языку. Включение этой лексики в диалектный словарь имеет свои основания хотя бы потому, что она составляет главный пласт народного словарного запаса, игнорировать который было бы совсем нерационально" [Карась 1963, с. 92]. С другой стороны, не менее важное "встречное" решение принято при создании общего словаря польского языка: в предисловии к "Словарю польского языка" под редакцией В. Дорошевского отмечается, что помимо диалектной лексики, известной в общелитературном языке, в словарь включены названия некоторых сельских реалий, не имеющих эквивалентов в общелитературном языке (например, *oczepiny*, *bjiak* и т.п.), что обусловлено важностью обозначаемых реалий с точки зрения культуры народа [SJP, s. XLI].

Во многих современных польских диалектных словарях при отборе лексики для словника устанавливается принцип отражения типичных черт традиционной лексики. Х. Гурнович организует словник "Словаря мальборского диалекта" с учетом названий наиболее важных реалий в жизни селянина и ремесленника, а также названий, используемых ими в типичных ситуациях общения [Górnowicz 1973, s. VII]. Словарь острудско-вармийско-мазурских говоров (SGOWM) задуман как словарь полного типа, но из словника исключается лексика, связанная с какими-либо новшествами быта и культуры: исходным является материал, записанный от людей старшего поколения [SGOWM, I, s. 37]. Помощью информаторов старшего поколения старался пользоваться В. Бжезиньский, автор словаря одного из говоров злотувского края, хотя и в этом словаре ставится цель — собрать полную лексику говора [Brzeziński, I, s. XLII]. Подобные диалектные словари отражают языковые явления в тесной взаимосвязи с традиционной народной культурой, чему служат и соответствующие способы интерпретации словарных единиц.

Именно в Польше был создан первый славянский "полный" диалектный словарь одного села, в котором его автор, М. Шимчак, попытался представить максимально возможный объем лексики говора села Доманевек Ленчицкого повета [Szymczak 1962—

1970]. Словарь обладает "универсальными" признаками в том смысле, что составлен без каких-либо ограничений при отборе слов в словник; но вместе с тем — и "без учета их места в лексической системе данного говора" [Górnowicz 1973, s. V]. Все же подобные решения можно считать удачными, поскольку фронтальный охват лексики одного села исключает искусственные пробелы в составе словника, какие обозначились, например, в русском диалектном словаре одного села [ССРНГ Деулино, 1969], что было вызвано ориентацией на дифференциальной принцип прензентации диалектной лексики (в его "смягченном" варианте).

Материал словаря М. Шимчака расположен в алфавитном порядке, хотя первоначально планировалось расположить материал по предметно-алфавитному принципу [Szymczak 1962, s. 7]. Думается, что тематическое расположение диалектной лексики также необходимо, в частности для более доступного изучения ее этнографами, фольклористами, специалистами в области истории культуры (см. 2.3.4.). Такой принцип презентации лексики систематизирует ее с точки зрения семантических категорий (что понимал, например, В. И. Даль, планируя систему взаимодополняющих словарей русского языка).

Во второй половине XX в. было создано много словарей лексики русских говоров (см. обзор Т. С. Коготковой [Коготкова 1988]). Традиционной формой описания русской диалектной лексики стал дифференциальный словарь, в который включаются специфические для определенной местности названия предметов, действий и явлений, отсутствующие в общенародном языке, а также архаичные слова и выражения, отмеченные в фольклоре или в речи старшего поколения [Сороколетов 1984, с. 70]. Такие теоретические установки постепенно складывались при определении состава словника сводного "Словаря русских народных говоров" (см. Введение [СРНГ, вып. 1, с. 5–7]) и словников большинства областных русских словарей 60—80-х годов. Этот несколько формальный подход к отбору диалектной лексики отрицательно сказался на систематическом словарном описании языковых единиц, обозначающих реалии традиционной народной культуры

края (региона). Вопрос о лексике традиционной материальной и духовной культуры сводился к более узкой проблеме "этнографизмов" и способов их подачи в современных русских диалектных словарях (см. [Этерлей 1976]). По мнению Ф. П. Филина, терминология, которая обозначает специфические особенности местной жизни и не имеет изоглосс, т.е. распространена на всей территории языка, — объект тематических терминологических словарей [Филин 1963, с. 343–345]. Однако при таком подходе в диалектном словаре не учитываются существенные местные различия между самими денотатами, т.е. содержательный план языковой единицы, который обладает своей динамикой и варьируется в диалектах точно так же, как и формальный (ср. различия на фонетическом, словообразовательном, морфологическом уровнях)[22].

В последнее время не раз ставился вопрос о необходимости изучения не только изоглосс славянского диалектного слова (изолекс), но и изопрагм и изодокс[23] [Толстой 1977; Толстой 1983]. Комплексный подход к описанию слова осуществлен в польских диалектных словарях серии "Лексика Вармии и Мазур" SWM, в некоторых этнографических исследованиях (см. карты К. Мошиньского, посвященные географии этнографических явлений и слов [Moszyński 1967—1969; Atlas KLP]), а также принят в

---

[22] Лингвистические исследования, объектом которых являются слова как знаки, символы различных культурных феноменов, представляются исключительно перспективными во многих отношениях. Так, важность культурных значений слова для процессов коммуникации показала Л. Т. Микулина на основе изучения изменений референта ("культурного значения слова") в рамках одного языка в процессе исторического развития национальной культуры. Подобный анализ возможен, только если исходить из того, что описание культуры — неотъемлемая часть лингвистического описания, а это позволяет также поставить вопрос о включении кратких описаний фрагментов культуры в толковые словари [Микулина 1981, с. 68–69].

[23] Изопрагмы и изодоксы отражают картину распространения явлений, относящихся соответственно к материальной и духовной народной культуре.

современных славянских атласах [Atlas JKW], в том числе — проектируемых (см., например, материалы к полесскому этнолингвистическому атласу [Виноградова 1985, Гура 1985, Толстая 1985а, Плотникова 1985; Толстая 1986а, Толстая 1986б, Толстой 1986; СБФ 1995]; программу "Малого диалектологического атласа балканских языков", включающую этнолингвистическое обследование, в частности, балканославянских территориальных диалектов [Домосилецкая—Плотникова—Соболев 1998]).

При обсуждении Проекта Словаря польских говоров А. Заремба предлагал включать в словарь словарные статьи, объединяющие разные локальные названия одного и того же явления культуры (см. [Zaręba 1965, s. 287]), ср. аналогичные решения в SJP–I (2.2.1.). В вышедших выпусках SGP даются сведения о географическом распространении сходных, но не одинаковых явлений традиционной народной культуры, обозначаемых одной лексемой. Так, в рамках описания значения слова осуществляется сопоставление различных типов референта в соответствии с их этнографическими характеристиками, что достигается включением в словарную статью "подзначений" значения: BARĆ ("борть") в значении "место, где живут пчелы" имеет подзначения: "a. 'дупло или искусственно сделаное людьми отверстие в растущем дереве' и b. 'улей из выделанного пня'" [SGP, t. I, z.3, s. 388]. BARSZCZ в значении "суп на закваске" включает: "a. 'на закваске из муки'; b. 'на свекольной закваске'; c. 'на закваске из разных других овощей и фруктов', где α. 'из овощей' и β. 'из плодов'; δ. 'кислый суп из ячменной каши, гусиного мяса, грибов и овощей'" [SGP, t. 1, z. 3, s. 405–406]. Так же оформлены некоторые термины духовной культуры, например, в статье BOROWIEC под пятым значением дается общее определение "по народным верованиям" и далее: "a. 'дух-покровитель леса' и b. 'в прошлом землевладелец, чаще чужого происхождения, продавшийся дьяволу при жизни, а после смерти пугающий людей в лесах, когда-то ему принадлежавших'" [SGP, t. 2, z. 3, s. 384–385]. Градация на более узкие "подзначения", соответствующие различным экстралингвисти-

ческим характеристикам референта,[24] снабжена географической документацией, что открывает возможности для этнографического картографирования материала. См. также словарные статьи: BĄK в значении "детская игрушка разной формы и конструкции"; BIEDKA в значении "двуколка"; BLECHOWAĆ "белить полотно, лен"; BRAJKA в значении "жидкое кушанье" (в соответствии с подзначениями *a* и *b* точнее можно было бы определить как "жидкая каша"); BINOKLE "очки" и др.

Перспективный подход к презентации диалектной лексики в региональной русской лексикографии последних десятилетий обозначился при составлении Псковского областного словаря [ПОС, 1967]. ПОС создавался как словарь полного типа с историческими данными, который, по словам Б. А. Ларина "содержит не только исключительные слова и выражения псковских говоров, а по в о з м о ж н о с т и весь их активный словарный запас" [Ларин 1962, с. 252]. Ларин осознавал, насколько ценной представляется народная лексика Псковщины с точки зрения многовековых культурных связей между русским населением и прибалтийскими народами, с одной стороны, и белорусами, — с другой. Состав словника Псковского областного словаря формируется на основе традиционной лексики: "В наш словарь должно быть включено все, что прочно вошло в речевой обиход коренного ядра крестьянского населения Псковщины" [Ларин 1962, с. 252].

На принципы составления полного словаря, разработанные Лариным, ориентировались создатели Словаря брянских говоров (СБГ), включившего лексику восточной Брянщины. При подготовке материала для этого словаря был предложен неформальный и глубоко содержательный подход к лексике, обозначающей реа-

---

[24] Прием включения подзначений [a,b...] применяется в SGP не только в случае фиксации различных этнографических характеристик референта, но и для обозначения употребления данного слова по отношению к разным сферам действительности, например, 'о человеке', 'о животных', 'о растениях' и т.п., что предусмотрено в проекте [Zeszyt próbny, s. 24].

лии традиционной культуры: "...Мы поставили перед собой задачу — зафиксировать с возможной полнотой областную лексику, отражающую все стороны жизни человека и окружающей его природы. Нами не включены в картотеку слова литературного языка, не имеющие диалектных синонимов ни в одном из русских говоров, такие как: *человек, звезда, вода, камень, белый, черный* и т.п.[25] Но слова, служащие обозначением предметов обихода, орудий производства, средств передвижения и т.п., например, *ухват, горшок, соха, сани* и др., которые не имеют диалектных синонимов в изучаемом нами говоре, но могут иметь их в других говорах, являются предметом наших наблюдений в такой же степени, как и любое областное слово" [Чагишева 1962, с. 277].

В результате отказа от дифференциального принципа при отборе лексики в словник полного словаря попадают многие (отсутствующие в СРНГ) слова, с которыми связаны какие-либо поверья, гадания, способы магического лечения, ритуальные запреты, фрагменты обычаев и обрядов, отраженные в иллюстрациях народной речи: см. статьи БОРОДАВКА, ВЕНИК, ВЕНОК, ГОЛОД, ГОЛЫЙ, ГОРБАТЫЙ, ДОЖИНАТЬ, ЖЕНИТЬСЯ (СБГ); ВЕНИК, ВЕНОК, ВЕСЕЛО, ВОЛОС, ГОРОХ и др. (ПОС).

В ПОС и СБГ находим термины духовной культуры, общие с литературным языком, но имеющие конкретное, "местное" семантическое наполнение, например, характерные обычаи и приметы в день Благовещения:

"БЛАГОВЕ́ЩЕНЬЕ *Праздник православной церкви 25 марта — 7 апреля.* ... Через няде́лю апя́ть жэ блаʏаве́шченье, е́та каʏда Маре́я, мать Ису́са Христа́, лежа́ла у куте́ и была́ мертва́ и аджыла́ — блага́я весть. *Нев. Мисники.* Если на благаве́шченье на кры́шах снек — будет урожа́й ячменя. *Гд. Чорно.* Е́сли на блага-

[25] На практике авторы словаря пошли еще дальше по пути снятия ограничений для словника: слова *белый, вода* включены в первые выпуски СБГ на общих основаниях со всеми другими употребляемыми носителями диалекта словами.

ве́шшанье зажжо́ш аго́нь, то пшани́ца бу́дя з гълавней. *Пск. Сельцо.* В блъгавешшэнье пти́чка гнязда́ ня вье́. *Он. Макушино*" [ПОС, вып. 2, с. 25].

"БЛАГОВЕ'ЩЕНИЕ *Один из весенних христианских праздников, приходившийся на 25 марта по старому стилю.* Багародица в благавещиния панисла Христа, а у раштво радился. Дубр. Снопоть. Ета бальшой праздник, на блъгавешчиня къраrоды вадили, скакали, играли и песни пели. Дубр. Снопоть. Чирнагус прилитал на блъгавешчиня. Пог. Чаусы" [СБГ, вып.1, с. 56][26].

Очевидно, что этнокультурный контекст этих "общенародных" слов существенно различается, что в полной мере может показать этнолингвистический диалектный словарь. См. также другие термины народной духовной культуры: БОГАТЫРЬ, ВЕДЬМА, ГАДАНЬЕ, ГАДАТЬ, [ПОС]; ВЕДЬМА, ГАДАТЬ, ГОСТЬ [СБГ] и т.п.

Больших успехов в последние десятилетия достигла белорусская диалектная лексикография (см. обзор белорусской диалектной лексикографии, сделанный С. М. Толстой, в частности и с точки зрения территориального "охвата" лексикографическим описанием белорусской диалектной зоны [Толстая 1985б]). Последовательное и систематическое изучение белорусской лексики осуществляется и благодаря публикациям ранее созданных рукописных словарей и словарных материалов таких авторов, как И. К. Белькевич, П. А. Расторгуев [Бялькевіч 1970; Расторгуев 1973]. Словарь Белькевича — словарь полного типа, в нем местная диалектная лексика особенно широко представлена семантическими группами слов, обозначающих одежду, обувь, еду, орудия и предметы труда. Среди новейших белорусских региональных словарей особо следует отметить Туровский словарь [ТС 1982—1987]. При его составлении проведен научно и практически обоснованный отбор неоднородной лексики небольшого, но ценного в этнолингвистическом отношении славянского архаического региона — Туровщины. Во вступлении, включающем поми-

---

[26] К сожалению, в СБГ не дается ударение в примерах народной речи.

мо обязательной части историко-этнографические сведения об исследуемой территории, авторы пишут, что они "остановились на полном словаре так называемой традиционной лексики" [ТС, т.1, с. 16]. В основе этого решения лежит стремление показать местный словарный запас как систему, создать базу для последующего изучения восточнополесской лексики в сравнении с лексикой ее древнейшего региона[27].

Известные исследования в области лексического значения [Weinreich 1980, p. 305–306] показывают, что минимальная характеристика денотата, такая, без которой невозможна идентификация лексической единицы, соответствует лексикографическому определению, принятому в стандартных толковых словарях. Внесение в определение дополнительных признаков (уточняющих, объясняющих и пр.) ведет к энциклопедическому толкованию слова. В этом же плане трактует энциклопедическое определение Л. Згуста [Zgusta 1971, p. 252–257]. Метаязыку энциклопедий и толковых словарей посвящены работы А. И. Киселевского [Киселевский 1977; Киселевский 1979 и др.], в которых подробно анализируется структура энциклопедического толкования и, так сказать, "узакониваются" права энциклопедического толкования в лексикографии. Сами составители многих современных диалектных словарей объясняют необходимость включения в определение дополнительных признаков, характеризующих предмет или явление, прибегая к терминам "энциклопедизм", "энциклопедические элементы" и т.д. В последнее время речь идет о том, чтобы "в диалектной лексикографии наметить к л а с с ы с л о в [разрядка наша. — *А.П.*], толкование которых необходимо предполагает приведение энциклопедических сведений" [Сороколетов 1984, с. 75]. Перечисляя эти классы слов применительно к "Словарю русских народных говоров" и региональ-

---

[27] О преимуществах словаря малого региона по сравнению с полидиалектным словарем, охватывающим лексику нескольких диалектов, каким является, например, Словарь северо-западной Белоруссии, см. статью С. М. Толстой [Толстая 1985б, с. 299-303].

ной лексикографии, Ф. П. Сороколетов называет ремесленно-промысловую терминологию, "слова и термины, обозначающие понятия, связанные с особенностями быта, обычаями, обрядами, поверьями, играми и т.п., т.е. этнографизмы в самом широком смысле", а также — названия одежды, обуви, кушаний, напитков, предметов утвари, сельскохозяйственных орудий, орудий рыбной ловли, частей дома и двора [Сороколетов 1984, с.75], ср. [Сороколетов 1985]. Следует заметить, что в последнее время авторы-составители филологических словарей иных жанров (в частности исторических) также приходят к выводу о необходимости отражения специфических черт материальной культуры, реалий, обрядов в описательном толковании, хотя, как показывает в своем исследовании Г. А. Богатова, "характер и объем их в историческом и диалектном словарях имеет... определенное своеобразие" [Богатова 1984, с. 114].

Подробное (энциклопедическое) толкование, включающее не только "семантическую" часть, но и "предметную" (по терминологии А. И. Киселевского) используется в ряде славянских диалектных словарей для интерпретации лексики традиционной народной культуры. В современной русской диалектной лексикографии подробное толкование характерно прежде всего для словарей полного типа — ПОС и СБГ. Оно используется также в сводном СРНГ (особенно в первых выпусках), где цитаты из этнографических источников графически и структурно "продолжают" толкование; в некоторых дифференциальных словарях [Опыт 1972, ЯОС, ССГ].

Польские ученые считают, что своеобразие и специфика народной культуры, большая разнородность и разнообразие реалий и связанных с ними подробностей создают значительные трудности для полного и правильного определения диалектных слов. И хотя диалектный словарь не может приравниваться к этнографической работе, вопрос адекватного истолкования явлений народной культуры требует особого внимания [Zaręba 1965, с. 289]. Необходимость для определенных категорий слов "подробных, описательных, нередко энциклопедического типа" толкований

специально оговаривается в SGP (в Пробном выпуске и Предисловии) [Zeszyt próbny, s. 24; SGP, t. I, z.1, s. XLII—XLIII]. Более того, некоторые лексикографы в своих трудах стремятся дать подробное толкование лексем даже в случае их полного совпадения со словами литературного языка: см., например, статью BRONA в словаре Х. Гурновича: "ciągnione przez konia narzędzie rolnicze kiedyś drewniane, dziś metalowe, składające się z kraty i zębow, służące do spulchniania i oczyszczania roli oraz przykrywania siewu" [Górnowicz 1973, t. II, s. 24]. ("Влекомое конем сельскохозяйственное орудие, когда-то деревянное, сейчас металлическое, состоящее из решетки и зубьев, служащее для разрыхления и очистки земли или прикрытия посеянного"). Указывается форма, состав материала, способ использования, назначение орудия труда. Подобный метод словарной презентации диалектной лексики обусловлен осознанием "зыбкости" границ между значениями диалектных и общепольских слов [Górnowicz 1973, s. XIV—XV]. Такой подход адресует исследователей диалектной лексики к возможным различиям между референтами (денотатами), и в этом случае любой релевантный признак (отличный от тех, которые составляют совокупность "типа") самого референта должен быть отражен в ряду "подзначений" лексемы. Построенный по такому принципу диалектный словарь приобрел бы черты "семасиологического словаря", что не лишило бы его, однако, лингвистической основы и не привело к "слиянию" с энциклопедическим словарем, хотя необходимые и даже детальные сведения о традиционной жизни и культуре села (или компактного региона) читатель смог бы получить.

Стремление дать в словаре подробные объясняющие сведения о жизни, быте, культуре того или иного региона ставит составителей перед необходимостью предельно расширять энциклопедическое толкование или прибегать к иным формам, например вводить этнографический комментарий. Черты этнографического комментария, который по сути является частью расширенного энциклопедического толкования, можно наблюдать во многих современных словарях, авторы которых стремятся отразить в своих

трудах черты традиционной народной культуры (см. [SGOWM; Dulčić 1985; Расторгуев 1973; Онишкевич 1984; Опыт 1972; ЯОС; ПОС и др.]). В последнее время в диалектных словарях появляются графически и структурно выделенные этнографические комментарии, цель и назначение которых указывается составителями в предисловии. В АОС такой комментарий помещается в конце страницы в виде сноски с целью дать подробное описание незнакомого для читателя предмета, материалов его изготовления, применения и другие, по мнению авторов, существенные элементы энциклопедической характеристики, относящиеся, к сожалению, только к "материальным" реалиям крестьянского быта и ремесел (см. БАБА 4, БОЧКА, БУРАК, ВАЧЕГИ, ВЁРША и др.). Составители Туровского словаря, наоборот, предпочтение отдают комментированию фрагментов духовной культуры, что имеет исключительную ценность для этнолингвинистических исследований. В Предисловии говорится, что краткие этнографические сведения необходимы как для более глубокого понимания семантики слова, так и для некоторого знакомства с теми традициями и обычаями, которые стоят за этим словом [ТС, т.1, с. 20].

Этнографический комментарий в Туровском словаре часто представляет собой объяснение какого-либо фрагмента духовной культуры, запечатленного в иллюстрации народной речи, например, заглавное слово ПО́ЎДЗЕ́НЬ в значении "середина дня" иллюстрируется, в частности, следующим текстом: *"А то е, шо у поβдзень пужае. Вускочыло, такая пара коней сівых, хорошых, погуляло, да под облакі. І не зналі, дзе дзелосо."* Комментарий к этой словарной статье содержит объяснение, что, "по поверью, в полдень бывает опасная, неблагоприятная пора, когда в поле появляются призраки в виде пары коней и пугают людей" [ТС, т.4, с. 200]. См. также многие другие комментарии, относящиеся непосредственно к приведенным в статье текстам: БАБУ́СЯ, ВО́РОН, МОРЫ́ЦЬ, ПРЭ́СЛЕНКА, ПЕРУ́Н, ПРАМІНО́ЎВАЦЬ, ПРЫ́СТАВОК, РЭ́ГАЦЬ. Особенно ценны этнолингвинистические замечания, касающиеся сакрального употребления термина духовной культуры, которое закреплено традиционным отношением

человека к окружающему миру, например, статья УМЕ́РЦІ включает значение "погибнуть, вымереть (о пчелах)" и иллюстрацию "*Умерлі пчолы, вулей пусты*", которую поясняет комментарий: "В соответствии с традицией, только о человеке и о пчелах можно сказать, что они *умéрлі*, все остальное живое *здыхáе*" [ТС, т.5, с. 197]. См. также ВОН, ВОНА, НЕДО́БРЫ, ОКОШЫ́ЦЦА. В этом словаре сам комментарий, как правило включает краткие и полные диалектные тексты, описывающие фрагменты духовной культуры. В пятом томе такие комментарии разрастаются в целые повествования, имеющие ценность самостоятельных этнолингвистических мини-статей (см. ХАТА и ХЛЕБ).

Этнографический комментарий Туровского словаря посвящен самым различным сторонам духовной культуры:[28] обычаям, обрядам и отдельным ритуалам (БА́БА, ВЕСНА́, ВОДОПО́СЦЬЕ, ГОЛОВОСЕ́К, ЖЭНІ́ЦЬ, КУПА́ЙЛО, ПОДВУ́ШВАЦЬ, ПРАМІНО́ЎВАЦЬ, ТРАМ, ХАТА, ХЛЕЎ, ШО́ЎКО́ВУ), народным поверьям (БЛУДЗІ́ЦЬ, ЗУБ, ЛА́СТОЎКА, НІТ, ПО́ЛЫМ'Е, ПУСТОЦВЕ́Т, РОГ, СПІЦЬ, УРЕ́М'Е), способам магической и практической медицины (БОЛЕ́ЦЬ, ЛЕН, МОРЫ́ЦЬ, О́ГНІК, ПРЭ́СЛЕНКА, РОМО́НОК, УДА́Р, ХЛЕБ), приметам и гаданиям (БА́БОЧКА, ЗІМА, ХВОСТ, ХЛЕБ); представлениям о мифологических персонажах (БЕС[29]; РУСА́ЛКА, ПЕРУ́Н), детским и обрядовым играм, танцам (БАБУ́СЯ, ВО́РОН, ЛУ́СТА, ПРО́СО) и, наконец, топонимам (ПОЛЕ́СЬЕ).

Достаточно распространенным приемом при подаче в диалектном словаре сведений, касающихся этнографических реалий, стало введение таких иллюстраций народной речи, которые отражают те или иные стороны традиционной культуры. В этом случае, как правило, краткое толкование и иллюстрации к нему представлены как взаимодополняющие информативные части сло-

---

[28] Ряд сведений о предметах материальной культуры также содержится в словаре, см. ПОЛЕ́СКІ, ПО́ПЛАЎ, ПРУГЛО́, РУБЕ́ЛЬ и др.

[29] В данной статье комментарий о перевоплощениях беса в народных сказках графически не выделен.

варной статьи. Такие решения утвердились в русской региональной лексикографии уже в 60—70-х годах (например, в "Словаре говоров Подмосковья" А. Ф. Ивановой [Иванова 1969] и др., см. [Сороколетов—Кузнецова 1987, с. 213–214]) и все более успешно применяются в современной практике составления славянских диалектных словарей (см. [Плотникова 1995, с. 166].

2.3.2. *Этнокультурный контекст белорусского "Туровского словаря*

Анализируя характер иллюстраций к традиционной лексике в современных славянских диалектных словарях, следует отметить несколько основных их типов: 1) фрагменты записей устных сообщений при полевом сборе материала; 2) цитаты из этнографических источников, описывающие какой-либо предмет или явление; 3) отрывки из произведений устного народного творчества и малые фольклорные жанры (пословицы, загадки, считалки и пр.), записанные от информаторов или взятые из печатных источников. Используются также иллюстративные материалы предшествующих словарей, если таковые существуют. Указанные типы иллюстраций различаются, в первую очередь, структурой текста, а с содержательной точки зрения каждый из них может представлять собой своеобразный "этнолингвистический фрагмент", раскрывающий как этнокультурный контекст функционирования трактуемой лексемы, так и лингвистические особенности ее употребления, сочетаемости и т.п. Характеристики этнокультурного контекста должны рассматриваться в зависимости от принадлежности заглавного слова к тому или иному разряду традиционной лексики.

Сам термин "контекст" все чаще появляется в качестве названия иллюстративной части словарной статьи в предисловиях к диалектным словарям. В. Бжезиньский, определяя контекст как иллюстрацию значения и употребления слова, так объясняет причины включения в словарь широких по объему информации записей устных сообщений: информаторы описывают используемые с давних лет орудия труда, рассказывают о старом образе жизни и

ведении хозяйства. Все это признается автором существенными чертами той среды, которой служил и до сих пор служит представленный в словаре говор [Brzeziński, t. I, s. XLVI—XLVII]. Традиционная лексика выступает в этих описаниях в своем естественном окружении и употреблении. Составители "Словаря острудско-вармийско-мазурских говоров" подчеркивают свое стремление представить такие иллюстрации к заглавным словам, которые бы имели черты свободного повествования, тем более, что ставится особая задача отразить исчезающую ныне исконную речь поляков данной территории [SGOWM, t. 1, s. 61]. Х. Гурнович определяет самый "длинный" тип цитирования в Мальборском словаре как "диалектный текст". Пятьдесят восемь текстов словаря "иллюстрируют названия важнейших *десигнатов* в рамках материальной и духовной культуры" [Górnowicz 1973, s. XVII]. К названиям мифологических персонажей даются былички (см. DUCH "вампир"; LATANIEC "пугающий ночной светящийся дух"); обрядовая терминология и хрононимы сопровождаются текстами с описанием календарных и семейных обрядов и обычаев (см. POGRZEB, WESELE, WIELGANOC, WILIJA и др.).

Обилие и самобытность примеров живой речи в диалектном словаре свидетельствует не только об особенностях какого-либо говора, но и о способе мышления, материальной и духовной культуре жителей определенного региона. Заметим, что "Материалы к полесскому этнолингвистическому атласу" в "Полесском этнолингвистическом сборнике" под общей редакцией Н. И. Толстого представляют собой хрестоматию аутентичных текстов, имеющих одновременно и диалектологическую, и этнографическую ценность, а "сами эти тексты как бы приобретают статус "памятников" народной культуры (наряду с памятниками фольклора)" [ПЭС, с. 14]. Понятно, что огромное значение имеют развернутые иллюстрации народной речи для характеристики традиционной лексики в диалектных словарях, где контексту уделяется особое внимание: это словари Б. Сыхты, Туровский словарь [ТС], Словарь польских говоров [SGP] и Словарь русских народных говоров [СРНГ], Архангельский, Ярославский областные словари [АОС,

ЯОС], Псковский областной словарь [ПОС] и Словарь брянских говоров [СБГ], Словарь северо-западной Белоруссии [СПЗБ] и Лоевский словарь [Янкова 1982], Гемерский словарь Й. Орловского [Orlovský 1982] и многие другие, в том числе — с предметно-тематическим расположением материала (см. 2.3.3.).

Туровский словарь, типологически наиболее близкий этнолингвинистическому диалектному словарю, каким может считаться кашубский словарь Б. Сыхты (см. 2.4.), — об их сопоставлении см. [Толстая 1985б, с. 304–305]) — помимо ценных этнолингвинистических комментариев содержит множество иллюстраций народной речи, отражающих различные аспекты духовной культуры туровских сел.

Этнокультурный контекст в иллюстрации часто дает ключ к пониманию внутренней формы диалектного слова, например: "ВЕСЕЛЕ́Ц (журавль) *Весною весельцэ́ лецяць, а восенью журайлі, бо журацца.* Запясочча. *Мы кажэм: "Журайле́ лецяць", — а воны нас клянуць: "Шоб вы журыліс ца́льны год," — то мы зовом іх весельцэ́, так воны люб'яць.* Талмачава" [ТС, т.1, с.117]. См. также иллюстрации к словам: КОРОГО́Д, РОСШЧЭПУ́ШКІ, РОСШЧЭПУ́ШЭЧКІ и др.

К названиям местных обычаев, обрядов, ритуалов привлекается иллюстративный материал с их полным или частичным описанием: "РА́ДОЎНІЦА (радуница) [поминальный день. — *А.П.*] — *На ра́доўніцу то́пяць хату, вараць я́йца і роб'яць ране́й вечэру, помінаюць мертвых.* В. Малешава" [ТС, т.4, с. 280]. "ДОЖЫ́НКІ (праздник окончания жатвы) — *На дожынкі робілі бороду.* Луткі. *Булі людзі колішніе, шо к дожынкам пейня рэзалі.* В. Малешава" [ТС, т. 2, с. 27]. "ВОРОБЕ́Й... В о р о б' і з а м о ў л я ц ь (заговаривать просо от птиц). *Мой дзед умей вороб'і замоўляць. Бувало, то вон на стрэценье казаў, шо не вуўмай кашы, покуль не прыйдзем з цэрквы. А тогды як прыйдзем, то казаў: "Стаў на стол з горшком" — то вон тую кашу берэ, посушыць і ховае. А потом посыпле кругом поля і скажэ: "Шугі на вугі вороб'і з поля!"* Хачэнь" [ТС, т.1, с. 140–141].

Иллюстрации к названиям обрядовой пищи включают сведения о сроках и способах ее приготовления, описание формы (например, хлебных изделий), а также обрядовые функции пищи, в частности, предназначение какому-либо лицу (мифологическому персонажу): см. БЕДНЫ (Бедная куцья), БОРОНА, МЕ́СЕЦ, ШЫ́ШКА в значении "изделие из хлеба", КОРОВА́Й, КОРОГО́Д. Примечательно, что иллюстрации к названиям повседневной пищи содержат информацию о ее обрядовом употреблении. Так, в статье ПІРО́Г "пирог, хлеб из пшеничной муки" первая иллюстрация описывает один из способов приготовления хлеба, а вторая и третья включают сведения о календарной приуроченности блюда: "*У тыждзень после веселья зовуць на пірогі.* Альпень. *На варвары пірог з маком пастуху давалі.* Сямшгосцічы" [ТС, т.4, с. 52]. Аналогичным образом представлены заглавные слова ВЕРЭ́НІК, КА́ША, КУЦЬЯ́, МЕД, ВЕЧЭ́РА, СТРА́ВА.

Маркированность того или иного слова по отношению к широкой области народных верований отмечается в иллюстрациях к целому ряду лексико-семантических категорий слов.

I. Название утвари, объектов домашнего хозяйства и быта, одежды и обуви.

"НОЖ. Нож. *На ножа́ цэділі молоко́, шоб ве́дьма не отбіра́ла ў коро́ву.* Альпень" [ТС, т.3, с. 211].

"ВУ́ЛЕЙ (улей) ...*Бацько дзеліць вулье́ на куцью* (умоўна паміж дзецьмі, звычай)[30] М. Малешава" [ТС, т.1, с. 164].

"ША́ПКА 1. Галаўны ўбор. ...*Мой бацько казаў: не кладзі шапку на столе, бо век будзе голова ў клопоці* [31] (павер'е). Луткі" [ТС, т. 5, с. 320]. См. также: ДЗЕРКА́Ч, КО́МІН, ЛО́ЖКА, ОСТО́ПОК, ПЕЧ, ПЕЧЫ́НА, СКРЫ́НЯ, ХАМУ́Т.

II. Названия диких и домашних животных, птиц, насекомых.

---

[30] Условно между детьми, обычай.

[31] *Ў клопоці* — в заботах, в хлопотах.

"КОРО́ВА 1. Карова. ...*Як весною первы раз кожушку*[32] *поймаюць, отсекаюць голову, вешаюць у комін, і як первы раз выгоняюць корову, вона должна перэйці черэз голову.* Старажоўцы" [ТС, т.2, с. 219]. См. словарные статьи БУ́СЬКО́ (где представлено 18 текстов-иллюстраций, из которых 13 связаны с верованиями и поверьями, а два из них — детские весенние песенки при встрече с аистом), ЖАБА, ЗОЎЗУ́ЛЯ в значениях "кукушка" и "божья коровка",[33] КОМА́Р, КОТ, КУ́РА, ЗА́ЙЧЫК, ПЕ́ВЕНЬ, ПЕРЭПЕ́ЛКА, ПТА́ШКА, СОБА́КА, СОРО́КА.

III. Названия растений (культурных, лесных, полевых и др.)

"МАК 1. Мак. ...*У колодзезь мак сыпалі, шоб буў дождж* (павер'е). Старажоўцы" [ТС, т.3, с. 61].

"ПА́ПОРОЦЬ (папоротник) ...*Папороць цвіце у мінуту — о тут цвіце і одпаў.* Луткі. ...*Там, дзе папороць, усе зверэ́ збіраюцца на купальнего Івана.* Пагост. *Говораць, шчоб з папороці цвет зорваў, то усе б знаў, што куры сокочуць.* Луткі" [ТС, т.4, с. 13]. См. также: БАРВЕ́НОК, ВЕ́РБА, ГРЫБ, ДУБ, ПОДРЫЎНІК, ПРОКІ́ВА, ПРО́СО, РЭ́ПА.

IV. Названия явлений природы.

"ГРОМ. Гром. ...*Як загрэміць перши раз гром, бежыш шуло*[34] *подпіраеш спіной, коб не болела.* Луткі" [ТС, т.1, с. 227–228].

"ПОМЧА́ Бура, ураган. ...*Як схопіцца*[35] *помча, то кажуць: нехто помёр.* Луткі" [ТС, т.1, с. 156]. См. также: БЛІ́СКОВІ́ЦА, ВІХО́Р, ВЕСЕ́ЛЬЕ (Чо́ртово весе́лье), МОРО́З, НЕГО́ДА, ОГО́НЬ, ПО́ЛЫМ'Е, ПОМЯ́Г, РОСА́, СО́НЦЭ.

V. Названия локусов.

БОЛО́ТО; ВОДА́ в значении "водоем", ПОРО́Г. Например: "ВОДА́... 3. Вадаем; водная прастора. ...*До спаса чорт на яблуні*

---

[32] Щуку.

[33] Заметим, что две ценные иллюстрации к значению "кукушка" ошибочно помещены в разделе "божья коровка" [ТС, т.2, с.165–166].

[34] Столб.

[35] Поднимется.

седзіць, казалі, а як посвецяць яблука, то чорт у воду пошоў, после спаса ужэ не купаліса. Хачэнь" [ТС, т.1, с. 130].

Иллюстрации в Туровском словаре отражают и большое количество поверий, связанных с демонологическими персонажами (см. ВЕ́ДЗЬМА, РОСА́ЎКА, САТАНА, ЦМОК и др.) и магическим действиями, включая представления о происхождении и лечении болезней (см. ЗА́ВІТКА, ЗУРО́ЧЫЦЬ, ПОДЗІ́Ў, ЛІШАЙ, РАБОЦЕ́НЬЕ, УДА́Р и др.).

Представляется, что в случае прямого соотнесения между знаком и значением по типу "обрядовый термин — обряд (или его часть: лицо, предмет, действие)", "название мифологического персонажа — мифологический персонаж" описание референта любым способом (через подробное толкование, комментарий или иллюстрации) в диалектном словаре подразумевается — оно необходимо. Во всех других случаях (см. пункты I—V), где имеет место "код" (растительный, животный)[36] или опосредованное отношение слова к терминологии духовной культуры, указание на существование функций референта в сфере духовной культуры (корректирующее и влияющее на восприятие знака в целом) не может считаться обязательным, но с точки зрения этнолингвинистических исследований очень желательно. Наиболее полно и последовательно такой подход воплощен в словарях Б. Сыхты (2.3.4.).

При анализе иллюстраций в диалектном словаре возникает вопрос о случайном или неслучайном появлении этнокультурного контекста и, соответственно, о прогнозировании поиска его в рамках словаря. Слабо прогнозируемое, непредсказуемое появление этнокультурного контекста чаще связано с презентацией неноминативных групп лексики, в частности глаголов, наречий. Вот несколько примеров "случайного", непредсказуемого этнокультурного контекста в Туровском словаре:

"КІ́ДАЦЬ незак. Кідаць. *У нову хату перш кідае кота; а то пеўня прынесе.* Дварэц" [ТС, т.2, с. 190].

---

[36] О терминологии духовной культуры см. [Толстая 1989, с. 215–228].

"ЛІЦЬ незак. 1. Ліць, выліваць. ...*Во́ду шо небожчыка муюць, льюць, дзе не ходзяць.* Хачэнь" [ТС, т.3, с. 35].

"ОДНО́, ОННО́ прысл. Толькі... *На по́мінкі кану́ даюць, кажна́ душа по тры ра́за чэрпне, як одно*[37] *почынаюць обедаць.* Кароцічы" [ТС, т.3, с. 246].

С другой стороны, вряд ли можно считать появление этнокультурного контекста случайным в статьях ОБЛІВА́ЦЦА, РОЗБІ́ЦЬ, СВІСТА́ЦЬ и даже ПОДНЯ́ЦЬ (имеются в виду зафиксированные в словаре поверья об обливании водой с целью вызвать дождь, обычай разбивать горшок с кашей на крестинах, запрет свистеть в доме, иначе наползут ужи, прилетят черти, поднимется буря, а также поверье, приведенное в статье под заглавным словом ПОДНЯЦЬ: если женщина на улице поднимет свое грудное дитя выше соседского, то ее ребенок будет поправляться, а соседский — кричать и хворать):

"ОБЛІВА́ЦЦА незак. Абліваца. *У колодзесь насыпаць маку да обліваца водою, то пойдзе дождж* (павер'е). Хачэнь" [ТС, т.3, с. 227].

"РОЗБІ́ЦЬ зак. Разбіць, пабіць. *Як вараць кашу на збо́рыны*[38]*, то на кашу кладуць грошы; которы вушэй дасць, той горшка разоб'е.* Сямігосцічы" [ТС, т.4, с. 297].

"СВІСТА́ЦЬ незак. Свістаць, утвараць гук. ...*Не можна свістаць у хаці, бо вужэ*[39] *заведуцца под подлогою або чорт прылеціць* (павер'е). Луткі. *Не свішчы ў хаці, бо будзе буран, усходзіцца вецёр* (павер'е). Аздамічы" [ТС, т.5, с. 21].

"ПОДНЯ́ЦЬ зак. Падняць, прыпадняць. ...*Як вунесеш на ву́ліцу дзіця́ до го́ду, і друга́ так ву́несе, то стара́ліса, коб вона́ не подняла́ ву́шэй, свое дзіця́ за твое, ато бу́дзе твое крыча́ць да хворэ́ць, а ее́ попраўля́цца* (повер'е). Старажоўцы" [ТС, т.4, с. 100].

---

[37] *Як одно* — как только.
[38] Крестины.
[39] Ужи.

Обозначения соответствующих культурных концептов и действий (ОБЛИВАНИЕ, БИТЬЕ, СВИСТ, а также ВЕРХ — НИЗ) включены в словник этнолингвистического словаря "Славянские древности". Таким образом, и в этих случаях возможна ориентация (которая, между прочим, полезна и для самих составителей диалектных словарей) на уже установленный перечень понятий, атрибутов, качественных характеристик, выявляемых в результате эксцерпции данных о традиционной народной культуре из максимально возможного круга славянских этнографических, лингвистических и этнолингвистических источников.

Очевидно и то, что наличие этнокультурного контекста в словарной статье диалектного словаря зависит от типа лексико-семантической группы, к которой принадлежит то или иное слово.

2.3.3. *Тематический диалектный словарь*

Изучение диалектной лексики неизбежно приводит исследователей к членению ее на группы или темы, соответствующие классам логически выделяемых реалий. На первых этапах сбора диалектной лексики часто создаются тематические вопросники, а окончательная презентация собранной региональной лексики может осуществляться в форме тематического словаря. Тематические словари имеют особое значение для этнолингвистического изучения лексики.

Построение словаря по тематическому признаку способствует восприятию материала в этнокультурном аспекте. Выбор тем, их расстановка и членение сразу определяют направленность лексикографической работы на те или иные стороны традиционной народной культуры. В идеографическом (тематическом) диалектном словаре легко ориентироваться этнографу, историку культуры, фольклористу, этнолингвисту, поскольку во главу угла ставится содержание языкового материала, "реальный" план лексемы, а не формальный, как при алфавитном порядке. Уже само "предварительное" членение реальности на "темы", общие и частные "понятия" предполагает пристальное внимание к существующим материальным и духовным ценностям традиционной на-

родной культуры. Но вопрос полноты охвата тем, понятий и обозначающих их лексических единиц решается в каждом диалектном словаре по-своему.

Принципы создания идеографического словаря активно разрабатывались в западноевропейских традициях, прежде всего в немецкой. Первые славянские идеографические диалектные словари появились в 50-х годах XX в. в Польше [Zaręba 1954, Kucała 1957]. Но идея понятийно-тематического членения исследуемой диалектной лексики оформилась здесь значительно раньше, во время работы над вопросниками по сбору региональной лексики М. Малэцкого, К. Нича (1933 г.)[40].

Примечательно, что исходной схемой тематического членения в диалектном словаре было этнографическое деление славянской культуры К. Мошиньского. Применение его схемы к конкретному материалу вело к уточнению и модификации ее в соответствии с региональными особенностями жизни народа, а главное — с учетом степени отражения тех или иных сторон окружающего мира в языке [Kucała 1957, s. 8–9].

В идеографическом диалектном словаре особенно заметна тесная связь этнографии и языка. А. Заремба в предисловии к словарю "Лексика Неполомиц", опубликованном в 1954 г. в журнале "Этнографические работы и материалы" (Prace i materiały etnograficzne), пишет, что это в равной мере языковая и этнографическая работа. Такое определение применимо к любому диалектному словарю, охватывающему лексику традиционной народной культуры: "Языковая потому, что материал собран и представлен с помощью лингвистических, диалектологических методов; этнографическая потому, что содержание и толкование тесно связаны с народной культурой" [Zaręba 1954, s. 126].

Словарь А. Зарембы предваряется не только описанием лингвистических особенностей говора (фонетика, словообразование,

---

[40] Еще раньше, в 1926 г., вышел общепольский "Словарь близких по значению слов и синонимов для практического пользования" Р. Завилиньского.

морфология), но и списком текстов: "Свадьба", "Похороны", "Верования в демонов", "Колдовство, порча, отведение порчи", "Колядование", "Обходы в Вербное воскресенье", "Обход с пильщиком". По свидетельству автора, эти тексты, записанные от жителей, компенсируют пробелы, образовавшиеся вследствие исключения из словаря данных категорий слов [Zaręba 1954, s. 127]. Таким образом, раздел "Обряды. Обычаи. Верования" относительно невелик, но в нем имеются соответствующие ссылки на тексты, например:

"SCODROCEK ... 'Kołacz pieczony na Nowy Rok', p. Wybór tekstów: 5. Chodzenie po szczodrakach" [Zaręba 1954, s. 215]. ('Хлеб, испеченный на Новый год', см. Избранные тексты: 5. Колядование).

"POGRŽEB'INY pl. t. ...'stypa', p. Wybor tekstów: 2. Pogrzeb" [Zaręba 1954, s. 215]. ('Поминки', см. Избранные тексты: 2. Похороны).

В случае отсутствия предваряющего текста автор дает в словаре развернутое этнографическое описание обычая, включая в него вербальные клише, заклинательные формулы:

"JAROXY pl. t. ... 1. 'zwyczaj polegający na tym, że w czasie sadzenia ziemniaków ludzie się wywracają na ziemię i wołają: *jarochy, takie duże jarochy*. W ten sposób wyrażają życzenie, aby ziemniaki urosły duże'" [Zaręba, 1954, s. 215]. (...1. 'обычай, заключающийся в том, что во время посадки картофеля люди катаются по земле и выкрикивают: "*Ярохи*, такие большие *ярохи*". Тем самым выражают пожелание, чтобы картофелины уродились большими').

В русле подобного идеографического подхода к лексикографическому описанию региональной лексики с опорой на развернутый этнографический текст выполнена работа П. Бонка "Лексика говора окрестностей Крамска на фоне народной культуры" (1960). Основное место в монографии отведено авторским статьям, включающим подробный этнокультурный контекст употребления лексики той или иной тематической группы. Собственно словарь, названный słowniczek ("словарик"), находится в конце моногра-

фии и играет немаловажную роль, так как упорядочивает и суммирует встречающиеся в статьях термины народной культуры. Например:

"VIL'IJO — wigila, wieczór poprzedzający uroczystość, 2. vil'ijo — łacińskie śpjewy żałobne w kościele przy trumnie ze zmarłym, 3. vil'ijo — kolędnicy chodzący w wieczór wigilijny po wsi w maskach i białych koszulach z Kozą, Koniem, Diabłem, Aniołem itd." [Bąk 1960, s. 127]. (Канун, вечер, предшествующий празднеству; 2. ...траурные католические пения в костеле у гроба с покойником; 3. ...совершающие обход села вечером в Сочельник колядующие в масках и белых рубашках с Козой, Конем, Дьяволом, Ангелом и т.д.).

В статье "Обычаи" можно найти подробное описание святочного обряда и контекст употребления слова в значениях (1) и (3), а в статье "Жизнь семьи, общества" — описание похорон с упоминанием слова в значении (2). Но заметим, что последовательное представление региональной лексики таким способом требует обязательных ссылок на страницы тематических статей, т.е. совмещения в "словарике" функций словаря и индекса.

Тематический принцип членения диалектной лексики присущ серии работ под общим названием "Лексика Вармии и Мазур" (SWM). Две последние монографии этой серии вышли в конце 70-х годов (С. Дубиш "Названия растений в острудско-вармийско-мазурских говорах" [Dubisz 1977]; Д. Барска-Антось "Одежда" [Barska-Antoś 1980]). Весь труд, включающий двенадцать монографий разных авторов, издавался, начиная с 1958 г., под редакцией В. Дорошевского, а затем М. Шимчака. SWM занимает особое место в польской диалектографии, региональной лексикографии и картографии. Работы SWM отличает систематически проведенный принцип описания лексики в развернутых лингвистических статьях, имеющих все признаки словарных статей: заглавное слово, определение значения (с описанием неизвестной реалии), иллюстративный материал, географическую документацию. В статью включаются также статистические данные о частотности распространения слова на данной территории, све-

дения о заимствованиях, устаревших и новых лексемах, их отношении к общепольскому языку, обоснования этимологического характера.

В целом серия SWM может рассматриваться как словарь одного диалекта, близкий жанру идеографического словаря с членением на различных уровнях: глобальные аспекты или темы, которым посвящены монографии ("Строительство", "Транспорт и коммуникации", "Скотоводство", "Ткачество", "Родственные связи. Общественная жизнь и профессии", "Народная астрономия, меры времени и метеорология", "Верования и обряды", "Земледелие", "Рыболовство", "Флора", "Одежда"), разделы или подтемы внутри монографий (в книге "Верования и обряды" четыре раздела: "Верования", "Обряды и народные празднества", "Богослужение и церковные праздники", "Литургическая терминология", где раздел, посвященный обрядам имеет внутренее деление по характеру обрядов), словарные статьи. Для всей серии монографий SWM прослеживается приблизительно общий принцип построения самих словарных статей:

1) каждая статья посвящена какому-либо "десигнату" (понятию, реалии) или нескольким близким по содержанию (или принципам номинации) "десигнатам" (например, "кум и кума" в подразделе "крестинные обряды", "теленок, ягненок, поросенок, козленок" — тема "скотоводство", раздел "Размножение и названия молодняка домашних животных" и т.п.);

2) в заголовок словарной статьи выносится наиболее общее (литературное или широко распространенное в диалекте) слово или выражение для обозначения "десигната", что с точки зрения "членения реальности" является поступком условным, хотя и немаловажным при ориентации читателя в материале;

3) в словарной статье анализируются различные диалектные названия "десигната" при этом в монографии, посвященной верованиям и обычаям, дается не только лингвистический анализ, но и многочисленные фольклорно-этнографические сведения, часто с фрагментами быличек и описаний обряда на языке диалекта (см. ZMORA, KŁOBUK, UPIÓR, SWAT, ŚLUB, WESELE... и др. [Bień-

Bielska 1959]. К интерпретации названий большинства "десигнатов" в исследованиях приложены карты. Картографирование слов и значений слов является одной из главных задач серии SWM.

Такой подход обеспечивает достаточно полный обзор традиционной лексики исследуемого ареала. Учитываются варианты названий, создается реальная возможность для подробного толкования их значений, адекватного описания соответствующих реалий и понятий, не исключая значимых этнолингвистических подробностей. Все это подготовило надежную основу для создания многотомного SGOWM по азбучному порядку.

Важная попытка совмещения идеографического подхода с сопоставительным анализом диалектной лексики близлежащих регионов предпринята в "Сравнительном словаре трех малопольских сел" М. Куцалы (1957 г.). Словарь ставит целью отразить живую региональную лексику во всей ее полноте. Сравнительный аспект этой работы открывает возможности для широкого описания междиалектных синонимов и точного их картографирования. В рамках тематического представления лексики особую этнолингвистическую ценность приобретает объединение междиалектных синонимов в одной словарной статье:

"PODŁAZNIK 'drzewko na Boże Narodzenie': p^{u}odu̯aźńik. ~ S.: *iedl'icka//p^{u}odu̯aźńik*. ~ F.: *ǯzefko*" [Kucała 1957, s. 284]. ('Рождественское деревце', где "S" — село Подкарпатья, "F" -- село Краковской низменности).

"PŁANETNIK 'istota kierująca chmurami, sprowadzająca grad itp': *pu̯anetnik*. ~ S.: *pu̯amytńik*. ~ F. *u̯ob^{u}uocńik*" [Kucała 1957, s. 282]. ('Существо, управляющее тучами, приводящее град и т.п.').

В словаре М. Куцалы терминология духовной культуры сосредоточена в нескольких подтемах раздела "Общественная жизнь": "Игры", "Религия", "Верования", "Обычаи", "Язык", "Проклятия и прозвища". В словарных статьях встречается контекст употребления слова, включающий этнографические подробности о внешнем виде демонологического персонажа (см. TOPIELEC, BOGINKA), компонентах обрядовых действий, и вер-

бальные клише и формулы (см. PODSYPKA "осыпание зерном у соседей утром на Новый год", DRUŻBIARKA "опровождение на свадьбе" и др.[41]

Практика составления тематических региональных словарей получает развитие и в словацкой диалектной лексикографии.[42] Тематический словарь И. Рипки (1981 г.) представляет собой дифференциальный областной словарь нижнетренчанских диалектов. По свидетельству автора, "в нем обработана в первую очередь конкретная лексика, отражающая материальную и духовную культуру области, причем большее внимание уделяется отживающим и менее известным названиям различных видов деятельности" [Ripka 1981, с. 298]. Тем не менее региональные черты духовной культуры народа прослеживаются в этом словаре очень слабо. Характеризующая ее лексика сосредоточена в двух подразделах: "Игры, развлечения, музыка" [s. 290–292]; "Религия, культурные обычаи и обряды, верования" [s. 292–296]. При этом в таких подразделах, как "Кушания" [s. 162–171], "Напитки" [s. 171–173] нет указаний на календарные и обрядовые условия приготовления тех или иных блюд. Более ранний опыт словаря такого типа — "Лексика Новограда" Я. Матейчика (1975 г.) охватывает большее число лексических единиц, связанных с понятиями духовной культуры. В нем представлено более дробное деление подразделов: "Развлечения", "Обычаи", "Религия", "Верования". В подраздел "Обычаи" включены названия обрядовых кушаний и соответствующих обрядов (например, KAŠA), в подраздел "Развлечения" — названия детских и молодежных игр. В тех случаях, когда реалии материальной культуры имеют отношение к обрядности, календарной или семейной, в толковании

[41] Более поздний сравнительно-тематический "Хелминско-добржиньский словарь" Й. Мачеевского (1969 г.) характеризуется сходными принципами подачи материала.

[42] Ориентация на идеографический словарь во многом подготовлена созданием трехтомного толкового "Чешского тематического и синонимического словаря" (1969—1977) [ČSVS].

или примере-иллюстрации эти данные последовательно отражаются. Так, в разделе "Приготовление и виды блюд" даются словарные статьи:

"RADOSŃIK — 1. svadobný koláč; 2. pozvanie na svadby a krstenie spojené s pohostením" [Matejčík 1975, s. 197]. (1. свадебный пирог; 2. прилашение на свадьбу и крестины, связанное с угощением).

"BABOV — závin z kysnutého cesta: na Krivu sredu bábove roznášal'i po d'ed'ine" [Matejčík 1975, s. 197]. (Слоеный пирог из дрожжевого теста: на "Кривую среду" их разносили по селу).

"OBLÁTKA — oblátka: oblátke sa nosele na Kračun po d'ed'ine" [Matejčík 1975, s. 197]. (Облатка: облатки носили по селу на Рождество).

Кроме того, в подраздел "Верования" включены небольшие тексты-поверья, связанные в основном с календарем. Они помещаются под заглавными словами BABONE NA DOHVÉZDNE VEČER ("поверья в Сочельник") BABONE NA LUCIJU ("поверья на св. Люцию"), BABONE NA VEL'KI PEITOK ("поверья на страстную пятницу") и т. д. Эти и другие достоинства данного регионального словаря подтверждают мысль автора о том, что "помимо языковых целей при изучении диалектного словарного состава выявляется общий характер края, его экономические и социальные отношения, материальная и духовная культура" [Matejčík 1975, s. 16].

В восточнославянской и южнославянской лексикографических традициях практически нет идеографических словарей, системно описывающих лексику какого-либо диалекта.[43] Существует проект (и богатые архивные материалы) общеболгарского "Идеографического диалектного словаря" (см. [Стойков—Младенов 1969]), в котором наибольшие трудности обозначились при опре-

---

[43] В этом плане интересен опыт сербского тематического фразеологического словаря, созданного Д. Златковичем на материале лексики говора пиротских сел "Фразеология страха и надежды в пиротском говоре" [Златковић 1989]. В центре внимания автора — этнокультурный аспект диалектной фразеологии.

делении принципов составления "сememника": в качестве заглавных слов словаря предлагаются "литературные лексемы", что вызывает наибольшие сомнения у критиков (см. [Григорян 1971, с. 474–475]). Кроме того, в 1981 г. в периодическом издании "Българска диалектология"[44] был опубликован "Сравнительный тематический словарь трех болгарских сел Молдавии" Э. И. Зелениной. Словарь выполнен в Институте славяноведения и балканистики АН СССР с учетом основных требований к исследованию этнолингвистического характера. Он содержит 15 разделов, посвященных лексике материальной культуры: "Двор", "Дом", "Утварь", "Пища", "Одежда", "Строительство дома", "Земледелие", "Виноделие", "Животноводство и птицеводство", "Обработка железа. Кузнечное ремесло", "Транспорт" и др. При общей ориентации словаря на презентацию лексики материальной культуры болгарских сел Молдавии, тем не менее в разделах "Дом", "Пища", "Одежда" есть указания на обрядовое применение реалий, например:

"КУКЛА *ку̀кла* ж. Тв., *ку̀кличка* Кирс. обрядовый плетеный хлеб, который носят на могилу умершей девушки или девочки" [Зеленина 1981, с. 33]. См. также в разделе "Пища" словарные статьи: БОГОВА, КРАВАЙ, КРАВАЙЧЕ, КУРБАН, КУЧА, ОРИЗ ПИТА; в разделе "Одежда" — ВРАТНИК, ИГЛА II, КИТКА, ЛАВИЦА, МЕНДИЛКА, МУСКА, ПЕРО.

Идея создания тематического словаря на материале диалектной лексики была ранее опробована коллективом авторов Института в сборнике "Лексика Полесья" под редакцией Н. И. Толстого. "Лексика Полесья" открывает целый ряд последующих лексикографических работ учеников и сподвижников Н. И. Толстого. Эти иследования имеют большое значение для этнолин-

---

[44] В выпусках "Българска диалектология" [БД] на протяжении многих лет публиковались болгарские диалектные словари (или лексические дополнения к описанию говоров), составившие основной фонд болгарской диалектной лексикографии. Наиболее обширен "Родопски речник" Т. Стойчева [БД кн. 2; 5], включа́ющий значительное число терминов из народной обрядности.

гвистического изучения различных районов Славии. К их числу относятся как опубликованные материалы к терминологическим и этнодиалектным словарям [Гура 1977, Гура 1984—1995, Терновская 1977, Толстая 1984—1995], так и большое число кандидатских диссертаций и дипломных работ, содержащих этнолингвистические словари. Как правило, их авторы опираются на диалектный материал славянских языков, причем в качестве источников используются и этнографические труды, и диалектные материалы (полевые записи, архивные данные), а также уже существующие диалектные и мифологические словари.

Во вступительной статье к сборнику "Лексика Полесья" Н. И. Толстой отмечает, что в основе данного словаря (resp. словарей) лежит "принцип изучения лексики по отдельным тематическим группам, тесно связанным с этнографическими особенностями и реалиями..." [ЛП, с. 10]. Особо подчеркивается роль этнокультурного фона исследуемой лексики: даны ссылки на этнографические статьи и монографии, посвященные рассматриваемым темам и, соответственно, дополняющие описание лексики в сборнике, хотя представленная в книге терминология относится к сфере материальной культуры Полесья (земледелие, строительство, транспорт, ткачество, одежда и обувь, пчеловодство, пища, флора, фауна).

Этнодиалектные тематические словари, созданные в рамках школы Н. И. Толстого в 70—90-е годы, в основном описывают лексику духовной культуры славян. Лингвистический и этнографический аспекты в этих работах совмещаются. В качестве заглавных слов, как правило, выступают обрядовые и мифологические термины, зафиксированые в той или иной местности. В словарных статьях рассматриваются не только значения слов, но и функции реалий в обрядах (см. [Гура 1977]). В некоторых случаях место заглавных слов занимают не диалектные названия, а термины метаязыка научного описания. Такая словарная статья становится предметной (энциклопедической): она направлена на этнографическое описание реалии. Словарь, включающий оба типа заглавных слов, "строится на сочетании лингвистического и

энциклопедического толкования" и имеет черты мифологического словаря [Терновская 1977].

Полесский этнический ареал как одна из наиболее архаических славянских зон находится в центре внимания исследователей. На основе собранной в Полесье многолетними экспедициями этнолингвистической картотеки — Полесского архива, хранящегося в Институте славяноведения РАН, стало возможным составление специальных тематических этнодиалектных словарей по различным разделам традиционной народной духовной культуры Полесья [Толстая 1984—995, Гура 1984—1995]. Отличительной чертой этих работ является привлечение фрагментов полевых записей (диалектных текстов) в качестве информационно насыщенных иллюстраций. Такие тексты дополняют толкование, а иногда полностью заменяют его. Большинство статей словаря С. М. Толстой, посвященного народному календарю [Толстая 1984—1995], строятся по принципу: краткая дефиниция + развернутая иллюстрация или ряд иллюстраций, описывающих компоненты обрядов, праздников, значимых в народной культуре дней недели и т.д., например:

"ИВАН КУПАЛА. Рождество Иоанна Крестителя, 24.VI/ 7.VII. Это на Ивана Купалу собирають зилля. — Г.Ллч. Стодоличи. На Купала Ивана ў кого остатки ўсе зносились, то ў ворох и запаливали. — Г.Ллч. Замошье, С.Н. Железнова. Венки на Ивана Купала несли на капусту: Ивана Купала шоб капуста не прапала, а харошая раслаю. — Ч.Рпк. Яриловичи. На Ивана Купала дивкы и хлопци сабиралися; возьмуть ворота у любого; принесли до костра и спалють на вогни. Ч.Грд. Макишин, И.А.Морозов" [Толстая 1984—1995, буквы Д–И, с. 125]. Многие словарные статьи включают ценный этнографический и этнолингвистический материал аналитического характера: подробные (см. ДЕДЫ, ДЕНЬ НЕДЕЛИ, ДНИ ЗЛЫЕ и др.) и краткие (см. ГОСТИ, ДЕДОВАЯ ПЯТНИЦА, ДЕДОВАЯ СУББОТА, ДЕВЯТНИК, ДЕСЯТУХА, ЕГОРИЙ, ЗДВИЖЕНЬЕ и др.) объяснения совершаемых обычаев и ритуалов, приближающие этнодиалектный словарь к энциклопедии народной культуры. Общие замечания,

касающиеся также и ареальных различий в этой сфере номенклатуры, сделаны в Предисловии [Толстая 1984—1995, буквы А–Г, с.178–183], что дает возможность решить задачу "комплексного лингвоэтнографического описания материала, включающего: языковую (диалектную) характеристику соответствующией лексики (и по возможности фразеологии), характеристику этнокультурных реалий, с которыми связано каждое название, и географическую характеристику обоих элементов, т.е. терминологии и соответствующих обрядовых и мифологических явлений". [Толстая 1984—1995, буквы А–Г, с.183].

Работа над тематическими и терминологическими словарями, описывающими традиционную народную духовную культуру отдельных славянских традиций, стала важным этапом в создании этнолингвистического словаря "Славянские древности" под редакцией Н. И. Толстого (см. Главу 3).

2.3.4. *Вклад Б. Сыхты в современную славянскую этно диалектную лексикографию*

Образцом современного этнолингвистического диалектного словаря с полным правом может быть назван шеститомный "Словарь кашубских говоров на фоне народной культуры" (1967—1976) Б. Сыхты (SGK). Он совмещает черты диалектного и мифологического словарей, представляя лексику кашубщины во всем ее содержательном богатстве и разнообразии.

Кашубская этнодиалектная зона рассматривается учеными как одна из архаических славянских зон, наряду с полесской, севернорусской, западноболгарской, центральной и северо-восточной сербской, карпатской и некоторыми другими [Толстой 1989, с. 15]. Кашубия давно привлекала внимание лексикологов и лексикографов (см. 1.3.6.), в настоящее время эта область Польши представлена такими ценными лексическими диалектологическими исследованиями, как "Языковой атлас кашубщины" З. Штибера и Х. Поповской-Таборской, словари Лорентца—Хинца и Б. Сыхты (см. [Карась 1968, с. 6–9]). Словарь Ф. Лорентца вызвал впоследствии много упреков, прежде всего, по причине "младо-

грамматического преобладания фонетики над семантикой" (см., например, [Breza 1974, с. 82]), чего полностью избежал в своей работе Б. Сыхта, ориентируясь на реально-содержательный план лексики. В этом сказалось влияние методов современной польской лексикографической школы (подробнее о методике современной польской лексикографии см. 2.3.1.), в частности основополагающих теоретических установок "Словаря польского языка" под редакцией Дорошевского: перевес развернутых и "предметных" толкований над синонимическими, выделение определенной последовательности значений, подача иллюстраций к каждому значению, широкое применение хронологических, географических, стилистических и специальных помет и др. [Breza 1974, s. 80].

Особенно удачно в SGK разработаны способы фольклорно-этнографической интерпретации диалектной лексики. В Предисловии Б. Сыхта выражает мысль о том, что в сущности каждый диалектный словарь обслуживает фольклор и этнографию в целом. При этом автор подчеркивает, что народная культура кашубов относится к т е м е его работы, о чем свидетельствует название словаря [SGK, t.I, s. XXI]. Сознательное "вторжение" в область фольклора и этнографии во многом обусловлено и тем, что Б. Сыхта был доктором этнографии, досконально знал материальную и духовную культуру Поморья. В его работе совместились взаимодополняющие планы одного целого: освещение этнографического и лингвистического аспектов культурных явлений.

Объясняя способ толкования заглавных слов в словаре, Б. Сыхта, как и авторы многих славянских диалектных словарей (см. 2.3.1.), отмечает определенные категории лексем, требующих включения этнографических сведений в различной форме: "Более подробных комментариев и примеров употребления с точки зрения этнографии... требовали названия, обозначающие различных демонических или полудемонических персонажей, названия обрядов, обычаев, народного права, пищи, одежды, инструментов, строительства и т.п." [SGK, t. I, s. XX]. Однако заглавные слова в SGK и последующем "Словаре Кочевья на фоне народной культу-

ры" [Sychta 1980—1985] рассматриваются не только как лексемы, входящие в определенную систему, но и как обозначения маркированных в народной духовной культуре понятий, образов, представлений.

Новым приемом в интерпретации диалектной лексики является введение в словарную статью функционального и жанрового членения (рубрикации) фольклорно-этнографического материала. Лексико-сематические группы заглавных слов, имеющих фольклорно-этнографическую характеристику, в основном соответствуют классификации ЛСГ, сделанной нами на материале белорусского Туровского словаря (см. 2.3.2.), но их фольклорно-этнографическая и этнолингвистическая обработка значительно глубже и сопровождает гораздо большее число лексем, обозначающих естественные реалии и объекты материльной культуры. Сюда входят названия диких и домашних животных (см. KRET "крот", LIS "лисица", V́ILK "волк", ZAJC "заяц", KOŃ "конь", KOT "кот", ṔES "собака" и др.), пресмыкающихся (ŽABA "лягушка", ŽŃIJA "змея" и др.), насекомых (BŘḾÅL "шмель", PŠČOŁA "пчела" и др.), диких и домашних птиц (GAPA "ворона", BOCȮN "аист", JASK'ULËCA "ласточка", KURA "курица", KAČKA "утка" и др.), деревьев и растений (OSKA "осина", BŘȮZKA "береза", BES "сирень", BËLËC "полынь", GŘIB "гриб", LEN "лен", BȮB и др.), природных и метеорологических явлений (KAM "камень", OǴIN "огонь", VODA "вода", ZEḾA "земля", SLȮŃCE "солнце", MRȮZ "мороз", V́ATER "ветер" и др.), времен года, суток, дней недели (NOC "ночь", ʒËŃ "день", ŃEʒĘLA "воскресенье" и др.), локусов (GRAŃCA "граница", MOŘE "море"), частей тела человека (NOGA "нога", OKO "глаз", UXO "ухо", VŁOS "волос", ZǪB "зуб" и др.), болезней (RȮŽA "рожа", KAŁTȮN "колтун", XOLËRA "холера"), состояний человека (например, SEN "сон"), занятий и профессий (KSǪʒ "священник", GUSLÅŘ, GROTA "гусляр", ŽÅŁNËŘ "солдат" и др.), национальной и социальной принадлежности (KAŠËBA "кашуб", ŽID "еврей", ŠLAXCËC "шляхтич" и др.), определений цвета (например, заглавные слова с семантической доминантой "белый",

"черный"), названия одежды и обуви (KOŠELA "рубашка", BUKSË "штаны", BÓT "ботинок"), пищи (MLĖKO "молоко", JAJE "яйцо" и др.), хозяйственных орудий и утвари (GRABLE "грабли", PŁUG "плуг", ḾOTŁA "веник", K'OPÓNKA — вид посуды и др.), частей дома (ṔEC "печь", OKNO и др.).

Для каждого из указанных разрядов лексики существуют общие или типологически сходные рубрики, хотя об их полном единообразии говорить нельзя, поскольку рубрикация зависит от конкретных "мифологем" (комплекса определенных народных представлений о реалии; о термине "мифологема" см. также 2.1.6.). Словарные статьи, посвященные названиям и мифологемам животных, птиц, пресмыкающихся, помимо рубрик "Верования", "Суеверия", "Магия", традиционных для всех отмеченных нами разрядов лексики, могут включать такие разделы, как "Культ..." ("культ пчелы", "культ ласточки", "культ собаки", "культ коня", см. PŠČOŁA, JASK'ULËCA, ṔES, KOŃ) или "Следы тотемизма" (см. ŽABA), "Подражание голосу" (см. ṔES, GAPA, JASK'ULËCA) или "Голос..." (см. KURA, ŽABA), "Народ-ные познания", где описываются фантастические свойства зверей (ŽŃIJA), необычайное происхождение (KRET, V́ILK), "Народная ветеринария", "Народная медицина" (об использовании в народной медицине животных или их частей, а также о способах лечения от укусов этих животных см., например, ŽŃIJA, ṔES). Многие рубрики указывают на фольклорные жанры произведений, в которых используется описываемое слово и образ, например, статья ZAJC включает рубрики: "Сравнения и обороты", "Колыбельная", "Стишок", "Загадка", "Сказка".

Мифологемы растений чаще интерпретируются с помощью разделов "Верования", "Народная медицина", иногда — "Роль в обрядах" (LEN). Широко привлекается рубрика "Opowieść", включающая повествовательные фольклорные жанры разного типа: анекдотические (например, о наивности соседей в статье B'UKV́ITA "гречка"), этиологические (о происхождении "шва" на зерне боба, см. BÓB) и даже сказки (например, о "вершках" и "корешках" в статье BULV́IČË "ботва картофеля").

Распространенной в интерпретации мифологем природных явлений становится рубрика "Культ..." ("культ солнца", "культ огня", "культ воды", "культ земли"; см. SŁOŃCE, OǴIN, VODA, ZEḾA). Интересны фольклорно-этнографические сведения о происхождении объектов природы, обозначенные как "Народная геология" (см. BURŠTIN, GÓRA, JEZORO, MOŘE) и "Народная астрономия" (см. ZEḾA).

Словарные статьи, относящиеся к названиям частей тела человека[45], помимо ожидаемой рубрики "Народная медицина", включают и более узкие: "Народная стоматология" (ZǪB), "Народная косметика" (NOGA). Многочисленны и традиционные разделы: "Верования и суеверия", "Суеверия", "Гадания".

Рубрики статей к названиям болезней в основном сводятся по тематике к двум общим: "Причины" и "Способы лечения". В разделах "Верования", "Суеверия" описывается внешний облик персонифицированной болезни, предохранительные магические действия и т. п.

В качестве типичных рубрик словарных статей к названиям занятий и профессий человека, национальной и социальной принадлежности выступают те, которые указывают на виды фольклорных жанров: "Анекдот", "Юмореска", "Быличка", "Сказка". Реже встречаются "Суеверия и верования" (например, KSǪƷ).

Рубрики словарных статей, описывающих культурные функции одежды, обуви, утвари, хозяйственных орудий, достаточно разнообразны. Здесь встречаем широкий функциональный спектр: "Загадки", "Верования", "Обычаи", "Гадания", "Повествование" (обычно — своеобразное "житие" вещи).

Статьи, посвященные названиям дома и частей дома, наряду с рубриками, относящимися к духовной культуре, включают раздел "Строительство", представленный с точки зрения народной материальной культуры (см. OKNO, JIZBA).

---

[45] Статьи этого типа могут быть очень обширны засчет рубрики "Сравнения, обороты, пословицы."

SGK содержит огромный корпус собственно обрядовой и мифологической (демонологической) лексики. По объему информации многие статьи не уступают этнографическим описаниям: GV́ÅZDKA в значениях "Сочельник", "Рождество", V́ESELĖ "свадьба", DRUŻBA "староста на свадьбе", POGŘĖB "похороны", SḾERC "смерть", TRUP "покойник", TRËMA "гроб", BĄKS в значении "последний сноп", DJABEL "дьявол", Ć'AROVŃIC "ведьма", ČARNOKSĄŽŃIK "ведьмарь, живущий в городе", OṔI "вампир", V́EŠČI "вампир", MORA "душа человека, принимающая различный облик", DĖŠA NA POKUCE "бродячий покойник", BOROVI (Borova Cotka) "лесной (лесная тетка)", BOR'ȮVC "лесной демон", RED'UNICA "русалка", SMOK "змей". Насыщенность этих статей языковым и фольклорным материалом позволяет говорить об их ярко выраженном этнолингвистическом характере. В них также применяется прием рубрикации, служащей для обозначения последовательности обрядовых действий (см. статьи POGŘĖB V́ESELĖ), для указания на верования и суеверия (связанные с обрядовыми реалиями), для выделения фольклорных жанров и устойчивых словесных клише.

Рубрикация отдельных статей, посвященных демонологическим персонажам, охватывает наиболее значительные пункты характеристики демонологического персонажа, что дает представление о подходе к интерпретации словарных единиц такого типа в толково-функциональном этнолингвистическом словаре, каким, например, является этнолингвистический словарь "Славянские древности" [ЭССД Т.1]. Так, объемная статья MORA включает разделы: "Вредные действия *зморы*", "Способы передвижения *зморы*", "Способ глумления *зморы* над людьми", "Происхождение *зморы*", "Обереги от *зморы*", "Быличка" (о применении ножа в качестве оберега), "Браки со *зморами*", "Способы распознавания *зморы*", "Быличка" (о распознавании ее на следующий день после нанесения вредоносных действий ночью), "Проклятие", "Устойчивый оборот" (*mora rob'i maslo* 'солнце во время дождя').

Аналогичные способы представления диалектных слов применяются Б. Сыхтой в "Словаре Кочевья..." [Sychta 1980—1985].

Фольклорно-этнографическая характеристика заглавных слов, реализуемая с помощью рубрикации, сопровождает не только обрядовую и демонологическую терминологию (например, ADVAŃT "адвент", BESTIJA "злой дух, дьявол"), но и такие слова, как ABĖCADŁO "алфавит", AGLEV́E "опавшая хвоя", AGŃĖŠKA (женское имя), ALEKS (мужское имя), BAŃA "тыква", BARAN "баран", BAS (музыкальный инструмент), BAT "кнут", BIK "бык", BOĆȮN "аист", BȮR "большой густой лес", BOSO "босиком", BRAT "брат" и т.д. К сожалению, Б. Сыхта смог довести подготовку словаря к печати только до буквы "Š", и после кончины автора (1982 г.) материал третьего тома (1985 г.) обрабатывался научным редактором Х. Поповской-Таборской.

Особого внимания в словарях Б. Сыхты заслуживает вопрос соотношения "общих" и "частных" статей в словаре. Обобщающие статьи в SGK, такие, как ZV́EŘA "звери", RĖBA "рыба", XOVA "домашний скот и птица", DŘEVO "дерево", KWIAT "цветок", XOROBA "болезнь", а также POGŘĖB, V́ESELĖ, GV́ÅZDKA, являются опорными для ряда статей, посвященных мифологемам отдельных зверей, птиц, деревьев, болезней или описанию обрядовых референтов. В опорных статьях сосредоточена общая и достаточно подробная информация о месте данного круга мифологем (или обрядовых референтов) в системе духовной культуры народа.

Статья ZV́EŘA состоит из одного большого раздела "Культ зверей", который помещается после диалектных названий-оппозиций домашних и диких зверей. Общее вступительное замечание раздела касается сохранения следов старого культа животных в сказках, преданиях и верованиях, во многом объясняющего причины, вследствие которых многие животные, наряду с птицами, занимают видное место в кашубских обрядах и магии [SGK, t.VI, s. 258]. В последующем тексте статьи содержатся существенные для понимания роли животных в духовной культуре кашубов те-

мы: 1)[46] речь зверей (домашних — в ночь на Рождество, диких — в ночь перед св. Яном); 2) попытки людей услышать в криках зверей осмысленные звуковые комплексы; 3) роль домашних животных в семейных обрядах, верованиях, символике снов; 4) чудесная сила животных при отвращении несчастий (с примерами); 5) навлечение болезни животными; 6) животные — предвестники смерти (с примерами); 7) "хлебные" и другие демоны в облике животных; 8) обрядовое ряжение молодежи в животных и его значение; 9) лекарственные средства животного происхождения; 10) обычаи, связанные со скотоводством; 11) взаимоотношения между домашними животными и членами семьи (в качестве примера приводится анекдот). Почти все выделенные нами темы текста статьи сопровождаются ссылками на словарные статьи, посвященные отдельным животным или функциональным сферам активизации мифологемы (обряды, состояния, демонологические персонажи и т.п.): к 1) — *gvåzdka* в знач. "сочельник", *žńija* "змея"; к 2) — *hija* "конь", *mrȯz* "мороз", *ṕes* в знач. "собака", *gąs* в знач. "гусь", *gǫser* в знач. "гусак", *guła* в знач. "индюшка", *kłos* в знач. "колос", *kur* в знач. "петух", *kura* в знач. "курица", *ʒąʒeł* "дятел"; к 3) — *kȯń, ṕes, sen* в знач. "сновидения"; к 4) — *kot, kret* "крот"; к 5) — *xoroba* "болезнь"; к 6) — *sḿërc* "смерть"; к 7) — *ȯvsni kȯń* "хлебный демон в виде коня" под заглавным словом KOŃ, *buła* в знач. "хлебный демон в виде быка"; *morskå panna* под заглавным словом MORSḰI "морской", *red'uńica* "русалка"; к 8) — *z'apustë* в знач. "масленица", *v́eselė* свадьба", *gvåzdka* в знач. "святочная колядующая процессия" к 11) — *B'ëlåce* (название жителей определенной местности), *xova* в знач. "домашние животные" [SGK, t. 6, s. 258–259]. Как справедливо отмечается в рецензиях на SGK, многочисленные отсылки в словаре относятся не только к словам и выражениям, но и к информации о "десигнатах" или связанным с ними фактам народной культуры (см., например, [Treder 1979, s. 225]).

---

[46] Нумерация тем наша. Текст статьи представляет собой нерасчлененное повествование со ссылками на частные статьи.

Очевидно, что такая статья, как ZV́EŘA (и ряд сходных, представляющих собой тексты этнографического содержания),[47] выходят далеко за рамки "жанра" традиционного диалектного словаря, приближаясь к энциклопедическим статьям мифологических словарей. Так, например, статья ЖИВОТНЫЕ в энциклопедии "Мифы народов мира" играет роль научного "ключа" к описанию частных мифологем. Но, в отличие от SGK, в "Мифах народов мира" раскрывается собственно архаический смысл использования образов животных в фольклоре, обрядах, суевериях, приметах, бытовых сферах и т.д. Если в SGK на первое место выдвигается описательная задача накопления материала по данному региону, что ставит этот словарь в ряд ценнейших источников для лингвистов, этнографов и фольклористов, то в статьях В. Н. Топорова и Вяч. Вс. Иванова в "Мифах народов мира" осуществляется реконструкция мифологемы (на более широком славянском и индоевропейском материале) (см. 3.1., 3.2.1., 3.2.2.).

В отличие от мифологических словарей, диалектный этнолингвистический словарь дает возможность охватить и наглядно представить совокупность относящихся к ряду мифологем значений одного слова, вследствие чего оно становится маркированным в системе знаков традиционной народной культуры. Поскольку "животный" код играет особую роль в способах номинации терминологии духовной культуры [Толстая 1989, с. 227] и мифопоэтическом народном сознании в целом [Топоров 1980, с. 440–441], то можно ожидать, что широкий спектр значений диалектного слова представлен в тех словарных статьях SGK, которые относятся к отдельным животным. Так, в статье V́ILK "волк" отмечено 15 значений соответствующей лексемы в диалекте, и многие из них могут служить ключом к народным мифологическим представлениям о природе: "1. 'волк', Canis lupus; 2. 'продольная балка' (в строительстве); 3. 'атмосферный демон как олицетворение

---

[47] См. также KAŠËBA "кашуб", KAŠËBË "кашубы", ṔESŃÅ "песня" TȮNC"танец", T'AGODKA "загадка", ČARNOKSĄŽŃIK "чернокнижник", DËŠA ṄA POKUCE "бродячий покойник", OṔI "вампир" и др.

светящего солнца и одновременно падающего дождя'; 4. 'роговой нарост под конским копытом'; 5. 'хлебный демон'; 6. 'дикое плодовое дерево, дичок'; 7. мед. 'прострел, люмбаго'; 8. мед. 'воспаление между ягодицами'; 9. 'дикий побег у деревьев и кустов'; 10. бот. 'спорынья', Secale cornutum'; 11. бот. 'омела', Viscum album; 12. зоол. 'пескарь', Gobio fluvialis; 13. астрон. 'скопление звезд в созвездии Быка: Плеяды'; 14. 'игра' ("волк и дикая гусыня"); 15. обычно множ. 'большие черные дождевые тучи'" [SGK, t.6, s. 153–155]. См. также статьи: LĚS "лисица", KOZA, KOZEŁ "козел", KOŃ "конь", ZAJC "заяц", ŽABA и др.

Полифункциональность диалектных слов как терминов (или составных частей терминологических сочетаний) традиционной народной культуры отражена в статьях, посвященных субъектам родственных отношений, типа BABA, ʒÅD "дед", COTKA "тетка". Комплексы значений слова часто показывают различные соотношения, касающиеся мифопоэтического понимания природы и места в ней человека. Так, значения в словарной статье COTKA раскрывают семантику оппозиции "свой — чужой", чему способствуют и многочисленные фрагменты фольклорных текстов, в основном быличек, а также отражение механизма номинации природных метеорологических явлений и демонологических персонажей: COTKA в знач. 5) 'дождевая туча'; в знач. 9) 'ветер'; в знач. 10) 'лесной дух' [SGK, t.1, с. 139–140].

В отличие от мифологических словарей, мифологема в диалектном этнолингвинистическом словаре может быть описана посредством многих словарных статей, связанных между собой через словообразовательные отношения заглавных слов (о способах описания мифологемы в мифологических словарях посредством многих статей, связанных между собой системно-иерархическими связями, см. 3.2.3.). Так, небольшие статьи, относящиеся к кукушке (KUKU! KUKUK! "ку-ку"; KUK'AV́ICA, K'UKÅVKA, K'UKȮVKA, K'UKUČKA "кукушка"; KUKAC "куковать"), охватывают целый круг народных представлений о кукушке (мифологему кукушки). Сюда входят поверья о превращениях кукушки (K'UKÅVKA, K'UKȮVKA), о ее зимовании под водой в море

(K'UKUČKA), о приобретении богатства человеком, услышавшем первую кукушку (KUKAC), об исчезновении пауков из хаты при крике кукушки (KUK'AV́ICA), легенда о происхождении кукушки от женщины (K'UKȮVKA), использование подражания крику кукушки в играх (KUKU! KUKUK!) и др.

SGK представляет собой достаточно полное описание традиционной народной культуры кашубского края, сделанное на богатом языковом материале. Многочисленные сравнения, обороты, пословичные выражения и другие языковые клише, оформленные как материал постоянных рубрик —"Сравнения, обороты, пословицы", "Сравнения", "Обороты" и т.п., имеют особую ценность. Они существенно дополняют этнографический и фольклорный материал, а с другой стороны, сами могут стать объектом интерпретации в этнофольклорном контексте. Это богатый языковый материал для исследования процессов метафоризации, образности живой народной речи, процессов, опирающихся на мифопоэтические представления народа, см., например, такие выражения, как *ożenić są z b'åłǫ* "умереть" (букв.: "пожениться со смертью") под заглавным словом B'ÅŁÅ "смерть"; *ḿec bǫčka* или *nosëc bǫčka (v keseńi)* "быть счастливым" (букв.: "иметь мушку" или "носить мушку в кармане") под заглавным словом BǪČK в значении "талисман в облике насекомого" (ср. языковой и фольклорно-этнографический материал в статьях BǪK "насекомое" и *čarni bǫk* "насекомое, обладающее волшебной силой" и "злой дух, напускаемый ведьмой" под заглавным словом ČÅRNI), *ona są grou̯xu 'obżarła* или *grou̯x jǫ pąči* "забеременела вне брака" (букв.: "она объелась гороху", "горох ее раздувает") под заглавным словом GROX "горох"; *čar'ovńica są śḿeje* "солнце после дождя" (букв.: "ведьма смеется"); *djöbeł vëpröv ö zöpustë* "дождь со снегом" (букв.: "дьявол правит масленицу") под заглавным словом DJABEŁ "дьявол" и т.п. Подобный материал успешно используется при реконструкции архаических элементов народной духовной культуры, тем более, что в слове, фразеологизме, паремии закрепляются те ее фрагменты, которые в реальности, возможно, давно исчезли. В плане интерпретации мифологемы (или обрядового

объекта) презентация устойчивых словесных клише играет практически такую же важную роль, как и включение в словарную статью собственно фольклорных текстов и этнографических описаний. Взаимосвязь всех трех элементов (языкового, этнографического и фольклорного) — характерная черта словаря Б. Сыхты.

Глава 3. СЛАВЯНСКИЕ МИФОЛОГИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ

3.1. Типы мифологических словарей

Задача описания или интерпретации явлений славянской традиционной народной духовной культуры ставится в специальных словарях энциклопедического типа. Нередко такие словари называются мифологическими, хотя сам термин "мифологический словарь" может трактоваться по-разному. В отечественной лексикографии он использовался для словарей и энциклопедий, посвященных мифологии древних греков и римлян, т.е. классической мифологии (см., например, [Ботвинник и др. 1965]). Узкая трактовка термина "мифологический словарь" в настоящее время уступает более широкой, так, например, вышедший в 1990 г. "Мифологический словарь" освещает славянскую, восточнороманскую и другие национальные традиции, что связано, в частности, с восприятием мифотворчества как явления, отраженного не только в национальном эпосе (греческом, скандинавском и т.д.), но и в отдельных, дошедших до наших дней верованиях, поверьях, обрядности, разных жанрах фольклора, как это отмечается у славян.

Существуют мифологические словари энциклопедического типа, описывающие какие-либо локальные мифологические системы, например, "Сербский мифологический словарь" 1970 г. (СМР), "Болгарская мифология. Энциклопедический словарь" 1994 г. (БМЕР), и мифологические словари, объединяющие сведения о многих традициях, какой является, например, энциклопедия "Мифы народов мира" (МНМ). СМР, БМЕР и новый этнолингвистический словарь "Славянские древности" (ЭССД) под редакцией Н. И. Толстого (первый том вышел в 1995 г.), дают представление о архаической системе славянского народного мировоззрения или ее отдельных формах и компонентах, которые

сохранились до настоящего времени. Некоторые фрагменты традиционной духовной культуры славян описываются и комментируются МНМ; вместе с тем, в этом словаре-энциклопедии географические рамки исследования неизбежно расширяются, когда речь идет о реконструкции древних форм мифопоэтического сознания славян: авторы привлекают материал индоевропейских языков и традиций. Сведения о славянских народных верованиях и остатках древней мифологии славян можно найти в западноевропейских мифологических словарях, описывающих народную культуру; особенно интересен в этом отношении "Handwörterbuch des deutschen Aberglaubens" 1927—1942 гг. ("Настольный словарь немецких суеверий") (HDA), привлекающий обширный материал многих европейских регионов с целью его сопоставления с немецким и выявления соответствующих аналогий.

Славянские энциклопедические словари, включающие информацию о народных верованиях и их истоках, очень различны по типам и жанровой специфике.[48] Сводным словарем архаических славянских народных представлений стал этнолингвистический словарь "Славянские древности", задача которого — "не просто собрать воедино и истолковать эти реликты прошлого, но по возможности воссоздать на их основе целостную традиционную "картину мира", мировоззрение древних славян, их космологические, мифологические, естественные представления и верования, выявить содержательные категории средневековой славянской народной культуры, отраженные в ней ментальные, моральные,

[48] В главе "Славянские мифологические словари" нами рассматриваются также словари фольклора, словари символов и народных стереотипов, — т.е. славянские лексикографические труды самых разных жанров, включающие информацию о традиционной народной духовной культуре и способах ее отражения в языке. Термин "мифологический словарь" толкуется нами в широком смысле, поскольку те или иные фрагменты архаической картины мира и народной мифологии сохраняются в поверьях и обрядности до наших дней, о чем свидетельствуют данные современных полевых исследований, проводимых по этнолингвистическим вопросникам (см., например, [ПЭС; Плотникова 1998а, Плотникова 1998б]).

социальные стереотипы и ценности, ее символическую систему" [ЭССД с. 5]. Заметим, что до выхода в свет ЭССД лексикографическое представление "славянских древностей" имело несколько иной смысл. Широко известный польский "Словарь славянских древностей" 1961—1982 гг. (SSS) тематически охватывает десять дисциплин: антропологию, этнографию, археологию, историю, право, языкознание, письменность, общественную экономику, искусство и верования [Kowalenko 1956, s. 188]. Собственно народная традиционная духовная культура (или ее фрагменты) представлена в этом словаре как один из разделов, поэтому сведения о ней носят общий характер и задача исследования конкретных ее форм в SSS не ставится.

Более близким к ЭССД по целям, задачам и непосредственному объекту описания является польский "Słownik stereotypów i symboli ludowych" (SSSL) — "Словарь народных стереотипов и символов" (1996 г. — выход первого тома), проект которого под названием "Słownik ludowych stereotypów językowych" (SLSJ) — "Словарь языковых народных стереотипов" — широко обсуждался в течение последних двух десятилетий (см. [SLSJ 1980; Толстая 1993]). Словарь создается под руководством проф. Е. Бартминьского, основателя польской этнолингвистической школы в Люблине, где с 1988 г. выходит ежегодный журнал "Этнолингвистика" (см. [Толстая 1993; Толстая 1997; Юдин 1998]). По первоначальному замыслу создателей словаря, объектом лексико-графического описания были выбраны язык, поэтика и символика польских произведений устного народного творчества, как и связанный с ними комплекс архаических народных представлений о мире. Языковой материал предполагалось рассматривать в словаре с точки зрения ментальных стереотипов (устойчивых народных представлений об окружающем мире), без боязни перешагнуть границу лингвистического описания значений слов к энциклопедическому описанию "действительности" [Bartmińki 1986, s. 21–22]. Факты языка (в том числе языка фольклора), репрезентирующие различные стороны народного мировосприятия, остаются в центре внимания создателей

"Словаря народных стереотипов и символов", что находит выражение в самых разных частях словарной статьи. В целом же концепция словаря углубляется: его цель определяется как "попытка реконструкции традиционного образа мира и человека методами этнолингвистики и фольклористики" [SSSL, s. 9], что, вероятно, связано с быстрым развитием (своего рода новым "прорывом") в области пока еще новой науки — славянской этнолингвистики. Как отмечает С. М. Толстая, "с выходом в свет люблинского тома и первого тома московского словаря "Славянские древности"... этнолингвистическая лексикография становится самостоятельным направлением славистики, репрезентирующим интегральный подход к языку и культуре" [Толстая 1997, с. 53].

"Словарь народных стереотипов и символов" построен по тематическому принципу (в соответствии с библейским порядком "творения мира": от природы до человека и его культурных ценностей [SSSL, s. 12]). Первый том посвящен теме "Космос", второй предполагается посвятить теме "Растения", третий — "Животные", четвертый — "Человек", пятый — "Общество", шестой — "Религия, демонология", седьмой — "Время, пространство, измерение, цвет". В рамках каждой темы проводится более дробное членение ее на подтемы или разделы. Так, в вышедшем в 1996 г. первом томе "Космос" выделены следующие разделы: "Небо и небесные светила", "Огонь", "Камни".[49] Тематический принцип построения мифологических, этнолингвистических и подобных словарей представляется наиболее удобной и целесообразной формой представления материала (ср. аналогичные принципы презентации этнодиалектного материала в лингвистических словарях 2.3.3.), значительно облегчающей и сам процесс его обработки при составлении словаря.

Польская традиция словаря славянской народной культуры в различных ее ипостасях имеет давнюю традицию и занимает в

---

[49] Тема "Космос" в полном объеме будет представлена по выходе из печати второй части этого тома, включающей такие важные разделы, как "Вода", "Воздух", "Ветер" и др.

славянской лексикографии особое место по многообразию замыслов и способам их реализации. Традиционные энциклопедические словари, созданные польскими учеными, как правило, описывают не только объект изучения (например, народную духовную культуру), но и способы изучения объекта, т.е. единицы метаязыка науки. Уже упомянутый "Словарь славянских древностей", "Малый словарь культуры древних славян" 1972 г. (MSKDS), "Словарь польского фольклора" 1965 г. (SFP), "Словарь мифов и культурных традиций" 1985 г. (SMTK) характеризуются именно совмещением тематически различных аспектов содержания. Особенно выразителен в этом отношении SSS, сводная энциклопедия по славянским древностям и многим отраслям знаний, относящимся к славистике в широком смысле. Общую направленность SSS можно определить как стремление отразить результаты исследований славянских древностей с особым акцентом на историко-археологическое изучение материальной культуры славян. Хронологические границы словаря уходят в глубь начальных этапов развития славянских народов и ограничиваются условной, но четко обозначенной авторами датой — 1200 годом. Как видим, размах словаря огромен, его значение для историков культуры трудно переоценить. Более компактным словарем аналогичного типа является "Малый словарь культуры древних славян", цель которого — обеспечить доступность научных результатов широкому кругу лиц, интересующихся возникновением польской и славянской культуры [MSKDS, s. 6]. Словарь имеет историко-археологический уклон, причем материальная культура древних славян, как и в SSS, представлена значительно шире и подробнее, чем традиционная духовная культура, что объясняется, в частности, степенью научного знания о ней, опирающегося на письменные источники.

Различные аспекты народной культуры и ее изучения охватывает "Словарь польского фольклора" (SFP) под редакцией Ю. Кшижановского. В SFP вошли три группы явлений: 1) фольклорные произведения, "в которых особую роль играет слово", и те игры, верования и обряды, "в которых используются

словесные формулы" [SFP, s. 5]; 2) общая информация о рамках и содержании фольклористики и связанных с ней науках; 3) биографии деятелей польской фольклористики и этнографии. Выделение первой группы явлений предвосхищает многие принципы создания SSSL и ЭССД.

Традиция словаря смешанного типа (объект фольклористики, этнографии и лингвистики + способы его изучения) отразилась в построении "Словаря мифов и культурных традиций", который включает самые различные темы, связанные с мифологией и культурой. Исходная установка автора — объяснение специальных выражений польского языка, требующих обращения к культурному наследию разных народов. При этом обозначенная в Предисловии тематика словаря представляется максимально широкой и характеризуется совмещением книжного, фольклорного и реально-исторического пластов. В SMTK, как и в других польских мифологических словарях, описывается не только комплекс историко-культурных и мифологических представлений народа, но и способы их изучения (см. информацию в статьях ETYMOLOGIA, KOMEDIA, KRONIKA, ENCYKLOPEDIA и др.), жизнь и творчество деятелей культуры, ученых-фольклористов и этнографов. С точки зрения географии культурных традиций преобладает славянский (и особенно польский) материал, которому посвящаются многие отдельные статьи (см. DOŻYNKI, DYNGUS-ŠMIGUS) или подстатьи в случаях, когда заглавное слово имеет значение общекультурного знака (например, kogutek 'пасхальный обычай' в статье KOGUT "петух"; dziady 'поминки' в статье DZIAD "дед").

Идея создания SMTK (а отчасти и SFP), основанная на стремлении дать ряду слов и выражений языка этнографический, литературный и иной историко-культурный или этнокультурный комментарий, близка к задачам этнолингвистического словаря. В ЭССД взаимосвязь слова с мотивирующими его экстралингвистическими факторами — один из основных аспектов презентации материала. В SSSL слово также рассматривается и исследуется как знак (символ) комплекса связанных с ним народных пред-

материала. В SSSL слово также рассматривается и исследуется как знак (символ) комплекса связанных с ним народных представлений, при этом авторы расширяют рамки исследования, включая в лекикографическое описание данные лингвистических словарей польского языка и широкий материал обрядов, верований, суеверий (раздел "экспликация"), как и результаты текстуального анализа собственно фольклорных произведений (раздел "документация"). Заметим, что привлечение этнокультурного контекста к интерпретации паремии широко используется в "Новой книге польских пословиц и пословичных выражений" [Nowa księga][50], где заглавные слова (опорные слова паремий и фразеологизмов) сигнализируют об определенном круге устойчивых народных представлений о данном предмете, животном, локусе, вымышленном существе и т. п. (см. [Плотникова 1988]). В славянской лексикографической традиции жанр фольклорно-мифологического словаря, ориентированного на описание народных обрядов, верований, суеверных представлений и их архаических истоков[51], имеет свою предысторию. Наиболее ярким воплощением идеи словаря славянской народной духовной культуры в первой половине XX в. можно считать проект "Настольного словаря славянских народных верований и обычаев", выдвинутый на 1-м Международном съезде славистов Э. Шнеевайсом [Проект ЭССД, с. 6]. Проект остался неосуществленным, хотя многие известные ученые откликнулись на идею его составления, в том числе — Д. К. Зеленин, Х. Вакарелский. Так, Д. К. Зеленин обратился к русским краеведам за помощью в сборе сведений, "касающихся народных поверий о всех решительно растениях", предложив

---

[50] Это переработанное издание собрания пословиц С. Адальберга, который впервые в польской паремиографии применил наиболее перспективный метод расположения материала по опорным словам.

[51] Как правило, содержание такого словаря составляет духовная культура народа, бытовавшая на селе в течение последних двух веков и сохранившая многие элементы язычества древних славян (о реконструкции модели древнеславянской духовной культуры по лингво- и этнографическим данным см. [Толстые 1978]).

фическим задачам лингвистический "Проект словаря русской этнографической диалектологии" С. А. Еремина (см. 2.1.8.).

Славянская традиция лексикографического описания архаических явлений народной духовной культуры имеет глубокие корни в прошлом — XVIII—XX вв. Одним из первых мифологических словарей энциклопедического типа был "Словарь русских суеверий" М. Д. Чулкова 1782 года [Чулков 1782] и "Абевега русских суеверий, идолопоклоннических жертвоприношений, свадебных простонародных обрядов, колдовства, шаманства и проч." 1786 г. [Чулков 1786], расширенное и дополненное переиздание "Словаря русских суеверий". Менее известны справочные издания более широкого профиля: "Мифологический словарь, или краткое толкование о богах и прочих предметах древнего баснословия, по азбучному порядку расположенное; извлеченный и составленный из лучших и новейших сочинений" неизвестного автора (1834 г.), где встречаются фрагменты славянской мифологии (см. БАБА-ЯГА, ВОЛХВ, ВЕДЬМЫ, ДУБЫНЯ, КАЩЕЙ, КИКИМОРА, СИВКА-БУРКА), и словарь С. М. Любецкого, не доведенный до конца, но содержащий некоторые редкие сведения о славянских верованиях и поверьях в статьях БАБИЧ, БУКА, БУГ, ВОДЯНЫЕ ДУХИ, ВОВКУЛАКА, ВИХРИ, ВЕДЬМЫ и др. [Любецкий 1875]. К этим ранним русским мифологическим словарям близок польский "Мифологический словарь" А. Осиньского (1809–1812), в котором народное мифопоэтическое восприятие мира описывается через призму греко-латинской и отчасти арабской традиций (таковы статьи, интерпретирующие мифологемы кота, волка, коня, сосны, огня и т.д.). Изредка в словаре встречаются статьи, посвященные славянским мифопоэтическим образам и персонажам: PEROUN, BELBOG, DAGEBOG, SWETOWID, MARTZANA, POLKAN, в чем, впрочем, находят отражение и попытки создания учеными XIX в. вымышленных славянских божеств. В статьях KUPALO, KIKYMORA, UPIORY автор привлекает сведения о местных сельских народных обычаях и верованиях. Тем не менее, ни этот, ни другие славянские мифологические словари XIX в. по обилию

данных о народной духовной культуре так и не превзошли "Абевегу..." М. Д. Чулкова.

"Абевега..." содержит богатейший материал по духовной культуре народов, проживавших на территории России. В статьи словаря включены описания обрядов, верований, культов, "низших" демонов, магических действий, ритуальных запретов, обычаев и примет. Список заглавных слов, т.е. выделяемых автором значимых единиц народной духовной культуры, отличается полнотой и разнообразием; он может служить первичной основой для систематизации данных по традиционной духовной культуре народов России. Строгий подход к материалу потребовал бы более последовательного разграничения собственно русской (или восточнославянской) традиции и культурных традиций других народов, населявших Россию. Такие принципы при составлении словарей утвердились только в начале XX в. с развитием этнографии в славянских странах.

Ориентация на архаический пласт этнографического материала принята в "Сербском мифологическом словаре" (СМР) трех авторов (Ш. Кулишич, Н. Пантелич, П. Ж. Петрович), появившемся в 1970 г.[52] как определенный итог фольклорно-этнографических исследований по народной религии сербов, проживавших в различных регионах бывшей Югославии, и черногорцев. Тематика СМР охватывает те явления народной мифологии, которые, по мнению авторов, отражают в основном наиболее архаические стадии развития старой сербской религии. Прежде всего, в этот корпус входят верования о различных мифических существах:

---

[52] Практически через 30 лет после создания СМР, в 1998 г., выходит его дополненное издание [СМР 1998], работу над которым осуществил Н. Пантелич, добавивший 268 новых словарных статей, но не изменивший концепцию словаря “во-первых, из уважения к покойным соавторам — Ш. Кулишичу и П. Ж. Петровичу, а кроме того и потому, что Словарь до сегодняшнего дня не утратил своего значения, не говоря уж о том, что изменение концепции повлекло бы за собой необходимость создания совершенно нового лексикографического труда, по новым принципам и методике” [СМР 1998, с. VI].

вилах, вампирах и других демонах. Большое внимание уделяется народным обычаям, магическим ритуалам, многим элементам культа, связанным с архаическим восприятием природы: растений, животных, небесных тел, атмосферных явлений, а также отдельных предметов, которым приписывается магическая сила (таким, как цепи, топор, вертел, веник) [СМР, с. XI]. Последнее обстоятельство имеет особое значение, поскольку сведения такого рода, как правило, не обобщаются в этнографических источниках. Методы изучения объекта (традиционной духовной культуры) в этом словаре не эксплицируются.

На базе широкого этнографического и фольклорного материала составлен энциклопедический словарь "Болгарская мифология" под общей редакцией А. Стойнева. Ко времени его выхода (1994 г.) болгарскими этнографами были проведены фундаментальные исследования различных культурных регионов, результатом которых стали монографии, описывающие материальную и духовную культуру Добруджи, Пиринского края, Пловдивского округа и т.д.; большое значение имели также "классические" для болгарской этнографии труды М. Арнаудова, Д. Маринова, Х. Вакарелского и др. Авторы статей словаря широко привлекали и материалы многочисленных этнографических экспедиций, периодически проводимых в Болгарии. Название словаря — "Болгарская мифология" — связано, таким образом, со стремлением создателей отразить в словаре "все, что болгарский народ унаследовал и синтезировал в сфере мифического в течение веков" (остатки мифических представлений о божествах, демонических персонажах, сакральных предметах и т.п.) — со времени язычества до времени существования отличающейся от официального христианства традиционной народной культуры [БМЕР, с. 6]. Мифическое как "реликт" в болгарской культуре, "народная мифология", понимаемая как смесь язычества и народного христианства, является объектом описания в словаре. Теоретические статьи, касающиеся метаязыка исследования духовной культуры, в словарь не включены, за исключением тех, которые, по мнению составителя, обобщают данные об архаических истоках болгар-

ской народной культуры (ФРАКИЙСКОЕ НАСЛЕДСТВО, РЕЛИГИЯ БОЛГАРСКИХ СЛАВЯН, МИРОВОЕ ДРЕВО и др.). Однако, именно "эмпирический" материал словаря (обычаи, обряды, верования и их компоненты) представляет особую ценность, заполняя еще одну лакуну в лексикографическом описании отдельных славянских этнокультурных традиций.

Следует заметить, что по содержанию и общей структуре энциклопедические мифологические словари СМР и БМЕР во многом близки этнолингвистическому словарю славянских древностей — ЭССД. Более того, фактический материал этих словарей используется авторами ЭССД[53], объединяющем этноязыковые данные по всем славянским культурным традициям. В то же время ЭССД отличается от этих словарей не только степенью охвата локальных традиций, но и стремлением его создателей представить материал более систематизированно и упорядоченно. Это достигается путем выявления скрытых законов и механизмов "мифологического" восприятия реалий окружающего мира, чему при оформлении полученных данных служит, в частности, введение рубрикации (аналогичной той, которая принята в "Настольном словаре немецких суеверий" и польских диалектных словарях Б. Сыхты [SGK; Sychta 1980—1985]). В понятийно-когнитивном аспекте ЭССД отличает общий семиотический подход к явлениям языка и культуры, а также широкое привлечение лингвистических данных при интерпретации фактов народной духовной культуры. В плане презентации материала из источников особое место среди словарей и энциклопедий народной культуры занимает этнолингвистический SSSL, в котором четко разграничена авторская интерпретация и фактическая документация этнокультурных явлений (см. об этом [Толстая 1997]).

---

[53] Фактические материалы СМР привлекаются авторами ЭССД уже в первом томе, тогда как БМЕР вышел позже окончания работы над первым томом (1994 г.), поэтому БМЕР входит в список источников к готовящемуся к печати второму тому.

Фундаментальная энциклопедия МНМ строится на основе циклов статей, посвященных мифологическим традициям различных регионов. Каждый цикл имеет обобщающую статью, в которой представлена картина мифологии в целом, остальные статьи содержат информацию о богах высшего уровня, полубожественных и демонологических персонажах, а также о деифицированных абстрактных понятиях и объектах (животных, растениях, локусах и т.д.) [МНМ, т.1, с. 5]. Славянский материал в МНМ описывается в основном двумя авторами: Вяч. Вс. Ивановым и В. Н. Топоровым. Ученые исходят из определенной выработанной ими концепции в области реконструкции славянской духовной культуры, поэтому архаические явления традиционной народной культуры представлены не только на уровне описания, но и как результат предлагаемой реконструкции. Важными в словаре становятся статьи, посвященные объяснению операционных понятий (МОДЕЛЬ МИРА, ДРЕВО МИРОВОЕ, НИЗШАЯ МИФОЛОГИЯ, АРХЕТИПЫ). В МНМ дается характеристика основных фольклорных жанров, а также некоторых историко-этнографических понятий в их отношении к мифологии, т.е. статьи ЛЕГЕНДЫ И МИФЫ, ПРЕДАНИЯ И МИФЫ, СКАЗКИ И МИФЫ, ЭПОС И МИФЫ, ОБРЯДЫ И МИФЫ, ИСТОРИЯ И МИФЫ ориентированы на анализ мифологического начала в фольклорных жанрах или на взаимосвязь мифологического и реально-исторического уровней народного сознания.

Вопросам реконструкции древнеславянской духовной культуры большое внимание уделяют составители этнолингвистических словарей. Так, несмотря на то, что ЭССД "не ставит своей целью саму реконструкцию, которая может быть осуществлена только лишь комплексными усилиями лингвистов, фольклористов, этнографов, археологов, историков и т.д. ... [он] ...должен, по замыслу создателей, представить определенным образом препарированный и систематизированный материал для такой реконструкции" [Проект ЭССД, с. 8]. Е. Бартминьский, руководитель проекта SLSJ (и затем главный редактор SSSL), считает слово важнейшим фактором как в интерпретации явлений духовной

культуры, так и в их реконструкции, поэтому особое внимание придается функционированию слова (выражения, "стереотипа") в фольклорных текстах, отражающих пути формирования "стереотипа" [Bartmiński 1986, Bartmiński 1988]. Важность фольклорных данных для понимания и интерпретации явлений народной духовной культуры подчеркивают и создатели ЭССД, при этом предпочтение отдается фольклорным жанрам, "наиболее непосредственно отражающим народные мировоззрения и древнейшие мифологические представления" (обрядовый фольклор, былички, предания), а также малым жанрам в силу их способности сохранять "черты чрезвычайной культурной архаики" [Проект ЭССД, с. 20; ЭССД, с.13]. Тем не менее в словник ЭССД включены статьи БАЛЛАДЫ, БЫЛИНЫ, СКАЗКИ, ПЕСНИ [Проект ЭССД, с. 40–61], которые также, как и в МНМ, могут быть представлены авторами в общем контексте древнеславянского мифопоэтического восприятия действительности, т.е. стать о б ъ е к т о м описания наряду с другими компонентами духовной культуры славян (см. статьи БАЛЛАДЫ, БЫЛИЧКИ [ЭССД]).

Мифотворчество разных народов мира как объект описания представлено в "Мифологическом словаре" 1990 г. под редакцией Е. М. Мелетинского [МС 1990]. В центре внимания авторов — характеристики мифологических (демонологических) персонажей; кроме того, МС 1990 включает иную мифологическую номенклатуру: "термины-названия общих понятий и названия конкретных мифологических объектов — животных, растений, элементов ландшафта, атрибутов и т.п." [МС 1990, с. 643]. Заметим, что при анализе славянского материала нами было обнаружено лишь незначительное количество статей, посвященных мифологизированным объектам: АЛАТЫРЬ, БУЯН, ВОЛОСЫНИ, ДУНАЙ 1), КАРАВАЙ, КИТЕЖ, МЕЧ-КЛАДЕНЕЦ, РАЗРЫВ-ТРАВА, ПЛАКУН-ТРАВА, хотя корпус славянских мифологем значительно шире (представление о нем можно составить по словарю В. Н. Добровольского (2.1.6.), Туровскому словарю (2.3.2.) кашубскому словарю Б. Сыхты (2.3.4.), МНМ, СМР, SFP (3.2.1.)). Календарно-обрядовая терминология в МС 1990 практически не

представлена, за исключением статей, посвященных реконструкции древних славянских божеств, названия которых, как предполагают авторы, отражены в обрядовой лексике (БАДНЯК, БОЖИЧ, КОЛЯДА, КУПАЛА и т.п.), и некоторых других (например, БЛАГОВЕЩЕНИЕ); все они перенесены из МНМ практически без изменений. В то же время, славянская мифология персонажей в МС 1990 значительно расширена по сравнению с МНМ. Новые статьи в основном посвящены фольклорным и фольклорно-историческим образам (АЛЕША ПОПОВИЧ, ВЕЧОРКА, ЗОРЬКА и ПОЛУНОЧКА, ВЛАДИМИР КРАСНОЕ СОЛНЫШКО, ВОЛХ, ГОРЫНЯ, ДУБЫНЯ и УСЫНЯ, ЗМЕЙ ГОРЫНЫЧ, ИВАН ДУРАК, ИВАН-ЦАРЕВИЧ, ИЛЬЯ МУРОМЕЦ, МОРОЗ, ОЛЕГ ВЕЩИЙ, ТРОЯН, ХОРС); персонажам так называемой "низшей" мифологии — демонам, персонифицированным болезням (БОГИНКИ, ДВОЕДУШНИК, ДВОРОВОЙ, ЗДУХАЧ, КАРАКОНДЖАЛЫ, КОЛДУНЫ, ЛИХОРАДКА, НЕЧИСТАЯ СИЛА, НОЧНИЦЫ, ОВИННИК, ПЛАНЕТНИКИ, ПОЛЕВИК, СУДЕНИЦЫ, ХАЛА, ШУЛИКУНЫ), что, вероятно, связано с предполагавшимся названием "Словарь мифологических персонажей".

Очевидны и некоторые частные недостатки МС 1990, например, несовершенство своеобразного указателя традиций, выделяющего раздел "Южнославянская мифология" и не дающего разделы "Западнославянская мифология", "Восточнославянская мифология", при этом последний заменяет рубрика "Русские", что явно недостаточно, учитывая и отсутствие раздела "Славяне." В то же время ареальная характеристика персонажей ПЛАНЕТНИКИ и ПЯТНИЦА, отмеченных в разделе "Южнославянская мифология", имеет значительно более широкие рамки, что видно из самих статей. Трудно объяснимо отсутствие в словаре статей о таком важном для южнославянской традиции персонаже, как Марко Кралевич, если имеются статьи на восточнославянском материале АЛЕША ПОПОВИЧ и ИЛЬЯ МУРОМЕЦ. Некоторые из перечисленных выше недочетов устранены в новом издании "Мифологического словаря" (1991 г.), где также сделана "попытка сводного и систематизированного изложения мифотвор-

чества народов мира" [МС 1991, с. 3]. Здесь указатель традиций включает уже все три ветви славянских мифологических систем: "Восточнославянская мифология", "Западнославянская мифология", "Южнославянская мифология".

В 1995 г. вышел в свет краткий энциклопедический словарь "Славянская мифология" (научные редакторы: В. Я. Петрухин и др.), ориентированный преимущественно на восточнославянскую традицию; при этом западно- и южнославянские материалы приводятся в статьях в качестве параллелей к русским, белорусским и украинским явлениям традиционной духовной культуры народа, что способствует восприятию фольклорных и мифопоэтических образов в общеславянском контексте. Скромная по сути постановка задачи в словаре не помешала его авторам создать справочное научное издание с элементами живого, почти беллетристического описания тех или иных сторон славянской обрядности и мифологии. Среди недостатков словаря следует отметить определенные лакуны в словнике, например, отсутствие статей ДВЕРЬ, ДОРОГА, КОЛЕСО, КРУГ, МЕД, ОСЫПАНИЕ, ПОРЧА, ПЧЕЛА, РОСА, СЛЕД, ТОПОР, ЯБЛОКО и др., связанных по большей части с мифологической интерпретацией отдельных предметов, реалий и ритуальных действий. Многие статьи словаря представляют собой сокращенную версию более подробных авторских работ в первом томе ЭССД[54]. "Славянская мифология" — к р а т к и й славянский мифологический словарь, в котором впервые объединены материалы по народной духовной культуре славян (буквы А—Я).

До сих пор речь шла о типах энциклопедических словарей, тематика которых включает различные аспекты, связанные с "народной мифологией". Несколько иное содержание и структуру

---

[54] Нередко можно слышать отзывы о кратком словаре “Славянская мифология” как “очень удобном” для пользователя справочнике; при этом традиция сравнения, сопоставления ЭССД и “Славянской мифологии” становится достаточно устойчивой, поскольку оба словаря созданы практически одним и тем же коллективом авторов (см., например, рецензию на оба словаря [Михайлов 1996]).

имеют словари, посвященные частным аспектам архаической славянской духовной культуры. К таким тематическим словарям относятся лексикографические труды по народной демонологии ("Новая Абевега русских суеверий" М. Н. Власовой [Власова 1995]; "Русский демонологический словарь" Т. А. Новичковой [Новичкова 1995]; "Міфы Бацькаўшчыны" У. А. Васілевича [Васілевич 1994] и др.[55]), по народному календарю (М. Неделькович "Календарные обычаи сербов" [Недељковић 1990]), по мифологии растений, каковым стал обработанный В. Джуричем и изданный в 1985 г. по рукописи В. Чайкановича "Словарь сербских народных верований о растениях" [Чајкановић 1985]. Сам В. Чайканович, закончив рукопись приблизительно около 1935 г., назвал свой труд словарем "по религии и мифологии растений".

В последние годы исследования в области славянских древностей все больше получают воплощение в форме словарей и энциклопедий, что можно считать знаком формирования нового этапа в развитии ряда смежных дисциплин — этапа обобщения данных о славянской традиционной духовной культуре. В современных мифологических словарях отдельные ее компоненты упорядочиваются и систематизируются, образуя цельное представление о славянской архаической картине мира. Актуальным становится применение семиотического и сравнительно-исторического методов реконструкции славянской духовной культуры (см. [Проект ЭССД, с.8]). Характерной отличительной чертой ЭССД стало воплощение идеи "морфологии" обрядовых и иных

---

[55] Заметим, что некоторые из вышедших в последнее время мифологических словарей не выдерживают научной критики в случаях, когда авторы увлекаются поиском все "новых" древнеславянских божеств и персонажей, имена и функции которых реконструируются ими из ненадежных источников или только на основании недостаточно изученных неясных слов и выражений в фольклорных произведениях и словарях (см. об этом [Виноградова 1996]). Сходные попытки чрезмерного увеличения пантеона славянских божеств наблюдались в течение всего длительного периода определения "предмета" и объекта славянской мифологии.

форм народной культуры, осознание разложимости сложных культурных образований на простые элементы, повторяемости отдельных компонентов или целых блоков в разных фрагментах культурной традиции [ЭССД, с.7]. Такой парадигматический подход к явлениям народной культуры, впервые предложенный в работах В. Я. Проппа [Пропп 1963; Пропп 1969], оказался наиболее приемлемым для выявления системы формирования бесконечного множества ментальных стереотипов в культуре и языке. Их набор поддается систематизации с учетом многообразия форм народной культуры — своеобразных "кодов", передающих одну и ту же содержательную информацию разными средствами. В том же ключе дается трактовка "символа" в "Словаре народных стереотипов и символов" Е. Бартминьского (как "репрезентанта" некоторой иной сущности в рамках определенной системы знаков [SSSL, s. 9]). При выделении набора признаков (функциональных, семантических, символических и др.) для описания мифологемы возможно и использование опыта современных словарей-тезаурусов, что в применении к интерпретации единиц языка песенного фолькора показала в своих работах С. Е. Никитина [Никитина 1975; Никитина 1982]; о словаре языка песенного фольклора см. также [Хроленко 1979].

3.2. Структурные особенности мифологических словарей

3.2.1. *Состав словника и построение словарных статей*

Состав словника мифологического и иного энциклопедического словаря зависит от его целей и поставленных авторами задач. Анализ типов мифологических словарей показывает, что классификация заглавных слов может проводиться, прежде всего, по принадлежности к единицам "языка" славянской духовной культуры в противоположность терминам метаязыка ее описания. Именно последним значительное место уделяется в "Словаре польского фольклора". Много статей посвящено фольклорным жанрам (BAJKA "сказка", BAJKA DLA DZICI "детская сказка",

BAJKA MAGICZNA "волшебная сказка", BAJKA ZWIERZĘCA "сказка о животных"..., BYLINA "былина", GADKA "сказание", PODANIE "предание", POWIEŚĆ LUDOWA "народная повесть", PRZYSŁOWIE "пословица" и т.д.), структурным компонентам художественных произведений (DIALOG "диалог", MOTYW I WĄTEK "мотив и сюжет"), видам художественных средств (FANTASTYKA, KOMIZM, PARALELIZM), методологическим понятиям (METODA GEOGRAFICZNO-HISTORYCZNA, LUDOWOŚĆ W LITERATURZE "народность в литературе"), функциональным аспектам фольклорных текстов (OBRZĘDY "обряды", WIERZENIA "верования", WROŻBY "гадания", PROROCTWA "пророчества", CZARY "магия").

Раскрывающими специфику SFP в рамках славянских лексикографических традиций можно считать статьи FOLKLOR, ETNOGRAFIA, ETNOLOGIA, MITOLOGIA I FOLKLOR, PAREMIOGRAFIA, PAREMIOLOGIA, определяющие основные методологические принципы, которые используются авторами словаря. Очевидно, что содержание понятия "фольклор" составляют: 1) обычаи и обряды; 2) верования и суеверия; 3) обрядовая поэзия, связанная с календарем... [SFP, s. 106] (и далее -- все другие жанры устного народного творчества, перечень которых приводится со ссылкой на русский учебник по фольклору [Соколов 1941], отражающий традицию русской фольклористики, для которой несвойственно включение обычаев, обрядов, верований и суеверий в понятие "фольклор"). Кроме того, по мнению авторов, фольклористика, вычленившаяся из этнографии, охватывает "различные верования и литературные произведения" (utwory literackie) [SFP, s. 98]. Именно такой подход определил включение в словник SFP большой группы заглавных слов — названий обычаев (или обрядов) и демонологических персонажей. Доля всех других слов, обозначающих реалии и объекты славянской духовной культуры (мифологемы животных, растений, предметов, природных явлений и т.д.), предельно мала по сравнению, например, с СМР, МНМ и тем более — с ЭССД. Исключение составляет, быть может, только группа обозначений субъектов действий: в

SFP это имена легендарных и сказочных персонажей (LECH, CZECH, RUS, BANIALUKA, GŁUPI GAŁA, KORSAK, KRAK), названия людей по социально-профессиональной и этнической принадлежности, что объясняется активной ролью этих персонажей в произведениях устного народного творчества (FRANT, FLIS "сплавщик леса", CYGANIE и др.), имена канонизированных святых, которым посвящены легенды, дни календаря (JAN KANTY ŚW., JERZY ŚW.), имена реальных исторических лиц, отраженных в устном народном творчестве — королев, королей, княжен, князей, народных защитников и разбойников (JADWIGA, JANOSIK и др.). Интересно, что группа названий субъектов в словнике ЭССД отражена с большей степенью абстракции (БОГАТЫРЬ, ВЕЛИКАН, ИНОРОДЕЦ, НАРОД, РАЗБОЙНИК), что обусловлено парадигматическим подходом к единицам славянской духовной культуры. Вместе с тем, в словник ЭССД последовательно включаются названия лиц по социально-профессиональной принадлежности (ГОНЧАР, МУЗЫКАНТ, СОЛДАТ, СТРОИТЕЛЬ) и как мотив — по этнической (ТАТАРЫ, ТУРКИ, ШВЕДЫ). Закономерно, что в словари локальных традиций, например, в СМР, составители вносят имена исторических личностей, которым в процессе "деисторизации" народ приписывал мистические свой-ства, воспринимая их как существа сверхъестественные (см. ВИСОКИ СТЕВАН, ВЛАДИМИР, ВУК МАХНИТИ, ДУКЉАН и др.).

В словнике SFP очень часто вместо имен героев произведений устного народного творчества можно встретить наиболее известные названия сказок (с указанием номера сюжета), легенд, юморесок (BELFAGOR, BRAT-BARANEK, KOT W BUTACH, KUMA ŚMIERĆ, CHŁOP I WILK и др.). В качестве заглавных слов широко представлены не только названия фольклорных произведений, но и первые строки баллад, песен, а также пословицы или составляющие их отдельные выражения. Во всех этих случаях словарная статья посвящена исследованию конкретного фольклорного произведения: его вариантам, их географическому распространению, европейским аналогам, а также развитию сюжетной линии (в повествовательных жанрах). По возможности

указывается происхождение сюжета или паремии. Такое построение словарных статей, посвященных конкретным произведениям устного народного творчества, оставляет впечатление справочного словаря сюжетов, мотивов, персонажей. Включение в словник названий фольклорных журналов ("CHATA", "GWIAZDKA CIEZYŃSKA" и др.), имен известных фольклористов и этнографов усиливает справочный характер словаря.

Словник как перечень единиц славянской духовной культуры и одновременно основа характеристики системы ее значимых элементов представлен уже в ранних словарях М. Д. Чулкова. В "Абевеге..." в качестве заглавных слов даются: 1) названия древних божеств, в том числе и тех, которые впоследствии были признаны творениями "кабинетной мифологии" (БЕЛБОГ[56], ВОЛОС или ВЕЛЕС, ДАЖБОГ или ДАШУБА или ДАЖБА, ЛАДА, КУПАЛО, МАКОШ или МОКОШ или МОКОСЛ, ПЕРУН, ЧУР и др.); 2) названия демонологических персонажей (ВОДЯНОЙ ДЕДУШКА, ВОРОЖЕИ, КОЛДУНЫ, ВЕДЬМЫ, ДОМОВОЙ, ЗМЕИ ОГНЕННЫЕ, КИКИМОРА, ЛЕШИЙ, РУСАЛКИ и т.д.); 3) названия обрядов и обычаев (БРАК, ГОСТЕПРИИМСТВО, МОГИЛЫ, РОДИНЫ, ТРИЗНА)[57]; 4) названия праздников и важных дней календаря (АГРАФЕНИН ДЕНЬ, ИМЕНИНЫ, БЛАГОВЕЩЕНИЕ, ГЕОРГИЕВ ДЕНЬ, ЗАГОВЕНЬЕ, МАСЛЕНИЦА, РОДИТЕЛЬСКАЯ СУББОТА, СЕМИК, ЧИСТЫЙ ПОНЕДЕЛЬНИК и др.); 5) названия дней недели (ПОНЕДЕЛЬНИК, ПЯТНИЦА); 6) названия обрядовых реалий (КАНОН, КАЛИШКИ, УБРУС); 7) названия животных, птиц, насекомых и пр. (ВОРОБЕЙ ВОДЯНОЙ, ВОРОН, ЖУКИ, ЗМЕЙ, КОШКА МОЕТСЯ[58], КУКУШКА, ЛАСТОЧКА, ЛЕТУЧАЯ МЫШЬ, ЛЯГУШКА, МЕДВЕДЬ, МЕДЯНИЦА, МЫ-

---

[56] Здесь и далее сохраняется орфография источника.

[57] Многие из этих статей выходят за рамки словарного описания, представляя собой небольшие этнографические этюды (см. БРАК, ГОСТЕПРИИМСТВО, МОГИЛЫ, РОДИНЫ).

[58] Составные обозначения примет, типа *кошка моется*, *собака воет*, *брови свербят*, М. Д. Чулков выделяет как заглавные слова.

ШИ, НАСЕДКА, СВИНЬЯ, СКОПА, УЖ, ФИЛИН); 8) названия растений (АДАМОВА ГОЛОВА, БЕРЕЗА, МОЖЖЕВЕЛЬНИК, МУХОМОР, ОСИНА, ПЛАКУН ТРАВА, ПРИКРЫТ БОЛЬШОЙ, ПРЫГУН, СКАКУН и РАЗРЫВ ТРАВА, РОЖЬ, РОЗЫ) 9) названия небесных тел и атмосферных явлений (ДОЖДЬ, ГРОМ, ЗАТМЕНИЕ, ЛУНА, МЕСЯЦ, СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ); 10) названия некоторых мест ландшафта, типа ПЛОВУЧЕЕ ОЗЕРО, ПОГАНОЕ ОЗЕРО; СТУДЕНЕЦ "священное озеро"; 11) названия отдельных болезней (ЛИХОРАДКА, ЛЕТУЧИЙ ОГОНЬ); 12) названия частей тела человека (ВОЛОСЫ, ЗУБЫ, ЛОКОТЬ, НОГИ, НОГТИ); 13) обозначения пищи (КАША, СОЛЬ, ТЕЛЯТИНА, УКСУС, ЯЙЦА); 14) обозначения одежды (ОБНОВА, ПЛАТЬЕ, ЮБКА); 15) названия обычных предметов в "магической" функции (БУЛАВКА, ВОСК, ЗАМКИ, ЗЕРКАЛО, ЛУЧИНА, ПУГОВИЦЫ, УГЛИ); 16) обозначения некоторых важных в народных верованиях действий (ВСТРЕЧА, ИЗНАНКА, т.е. выворачивание одежды; МОЛЧАНИЕ, ОБЛИВАНИЕ ВОДОЮ, ОБМЕРЕТЬ, ПИТЬ, ПЛЕВАТЬ, ПЛЯСАНИЕ, ПОПЕРХНУТЬСЯ, СВИСТ, СОН, ЧИХАТЬ).

Словник "Сербского мифологического словаря" составляют наименования всевозможных лиц, предметов и действий, относящихся к окружающей жизни народа, т.е. огромное число предметов материального мира, а также абстрактных понятий имеют значения мифологем, что существенно расширяет исследовавшийся ранее перечень единиц славянской духовной культуры. Помимо категорий слов, перечисленных при разборе словника "Абевеги..." М. Д. Чулкова, в СМР встречаем названия мифических мест (ДРУГИ СВЕТ "тот свет", ПАКАО "ад", РАЈ); обозначения сторон света и пространства (ИСТОК И ЗАПАД "восток и запад", ДЕСНА И ЛЕВА СТРАНА "правая и левая сторона") и даже способа движения по кругу (ОПОСУН "за солнцем"); географических объектов, локусов (ВРХОВИ БРДА И ПЛАНИНА "вершины гор и холмов", ГАЈ "лес", ДУБРАВА, ЈАМА, ЈЕЗЕРО, МОСТ, ПЕЋИНА "пещера", ПРОВАЛИЈА "пропасть", РАСКРСНУЋЕ "перекресток"); помещений и их частей (ДИМЊАК "дымоход", ДРВЉАНИК "поленница", КЉУЧАОНИЦА "замоч-

ная скважина", ОГЊИШТЕ "очаг", СТОЖЕР "столб в центре гумна", ТАВАН "чердак"); предметов утвари и сельскохозяйственных орудий (ВРЕТЕНО "веретено", ГРАБУЉЕ "грабли", МЕТЛА "веник", РАЖАЊ "вертел", РАОНИК "лемех", САЦАК "треножник", СЕКИРА "топор", СРП "серп" и др.). Основную часть словника составляет демонологическая лексика (АВЕТ "привидение", АЖДАЈА "дракон", АЛА "летающий змей", АЛОВИТИ ЉУДИ "люди, наделенные сверхъестественными свойствами узнавать *алу*, бороться с ней" и т.д.) и названия обрядов, обычаев, дней и времени праздников (БАДЊА НЕДЕЉА, БАДЊЕ ВЕЧЕ, БЕЗИМЕНА НЕДЕЉА, БЕЛА НЕДЕЉА, БЕЛА СУБОТА, БИЉАНИ ПЕТАК и т.д.). В качестве заглавных слов даются и точные обозначения суточного времени: ГЛУХО ДОБА НОЋИ "полночь, время действия нечистой силы", НОЋ, ПОДНЕ "полдень", ПОНОЋ "полночь". Сравнивая структуру словника СМР с тематически представленным индексом ЭССД [Проект, с. 61–70], нетрудно обнаружить их типологическое сходство. Вместе с тем, в словнике ЭССД большее внимание уделено абстрактным понятиям, значимым для понимания системы славянского народного мировоззрения, например, подробнее представлены "Семантические оппозиции" (ВЕРХ — НИЗ, ВНУТРЕННИЙ — ВНЕШНИЙ, МОЛОДОЙ — СТАРЫЙ, ОТКРЫТЫЙ — ЗАКРЫТЫЙ, ПОЛНЫЙ — ПУСТОЙ, СВОЙ — ЧУЖОЙ и т.д.), "Общие понятия, свойства, качества, категории" (БЕЗБРАЧИЕ, БЕРЕМЕННОСТЬ, БОГАТСТВО, ВДОВСТВО и т.д.), "Народные знания" (АСТРОНОМИЯ НАРОДНАЯ, ВЕТЕРИНАРИЯ НАРОДНАЯ и т.д.).

Словарные статьи СМР строятся на перечислении и группировке функций мифологем, что во многом приближает принципы СМР к парадигматическому подходу, принятому в ЭССД. Но в СМР не принята универсальная схема статьи, поэтому основная семантика мифологемы может оказаться в середине статьи (АМБАР) или даже в конце ее (БАДЊАК).

СМР составлен на основе одной традиции славянской духовной культуры, чем обусловлены выбор заглавных единиц слов-

ника и особенности интерпретации мифологем, имеющих общеславянское значение. Материал других славянских традиций привлекается здесь только частично. В противоположность данному словарю энциклопедию МНМ, освещающую разные мифологические традиции народов мира, отличает высокая степень обобщения материала для мифологем типа ВОРОН, КОТ, ОВЦА, поскольку их семантика дается с учетом многих локальных традиций, в частности, славянских. Примечательно, однако, что даже в МНМ можно встретить словарные статьи, посвященные реальным историческим и легендарным лицам (ПОПЕЛ — з.-слав., САВА — ю.-слав.).

Статьи МНМ, как правило, четко структурированы: "семантическая часть" (по терминологии А. И. Киселевского) содержит краткие сведения о семантике мифологем в определенной традиции или традициях; "предметная часть" строится на различном соотношении лингвистического, фольклорного и этнографического материала (см. 3.2.2.).

В "семантической части" дается краткое толкование трудноопределяемых единиц славянской духовной культуры: с этой целью используются слова "символ", "воплощение", "образ", а также "элемент" и "классификатор" (последний — для обобщающих статей ЖИВОТНЫЕ, ПТИЦЫ, РЫБЫ). Ряд характерных для славянской мифологии наименований дается с определением "бог", "богиня", "божество" (БЕЛОБОГ, ВЕЛЕС, ДАЖЬБОГ, ЖИВА, МОКОШ, МАРЕНА, ПЕРУН, СВАРОГ, СВЕНТОВИТ, СЕМАРГЛ, СТРИБОГ, ЧЕРНОБОГ, ЯРИЛА). Наличие в данном ряду заглавных слов МАРЕНА и ЯРИЛА обусловлено элементами реконструкции авторов статей: многое в этом аспекте проясняет обобщающая статья СЛАВЯНСКАЯ МИФОЛОГИЯ [МНМ, т.II, с. 453]. Термины КОЛЯДА, КОСТРОМА, КОСТРУБОНЬКА, КУКЕР, ЛИХО, НАВЬ, РОД определяются как "воплощение" ("... новогоднего цикла", "... весны и плодородия", "... плодородия", "... злой доли, горя", "... смерти", "... рода, единства потомков одного предка"). С другой стороны, для ряда терминов типа КУКЕР в семантической части возможно обозначение "персонаж"

(см. ДОДОЛА, ГЕРМАН, ПОЛАЗНИК). Однако определение "персонаж" для терминов АВСЕНЬ, БАДНЯК, БОЖИЧ, КУПАЛА (как и "мифологическое" существо — КОЛЯДА) может быть связано только с реконструкцией значения данных образов в славянской духовной культуре. Однозначна трактовка заглавных слов АНЧУТКА, БАННИК, ЗЛЫДНИ, МАВКИ, КИКИМОРА, ЛЕШИЙ ПОЛУДНИЦЫ как "дух", "злой дух" ("злые духи").

Наиболее интересно определение тех заглавных слов в МНМ, которые обозначают предметы материального мира и понятия, не ограниченные исключительно мифологической сферой функционирования. Употребление слов и словосочетаний "символ", "мифопоэтический символ" (ВЕПРЬ, ГЛАЗ, ЗМЕЙ, КОРОВАЙ[59], КОРОВА, ОКНО, ОРЕЛ, ПРЯЖА, РЕКА), а также "образ", "мифопоэтический образ" (КОТ, ЛАСТОЧКА, ЛЕБЕДЬ, МОСТ, ОСЕЛ, ОСИНА, ПАВЛИН, ПАУК, ПЕТУХ, ПУТЬ) можно считать адекватной формой представления заглавных слов, обозначающих животных, птиц, растения, предметы и т.п. в мифологическом словаре. В случаях использования в определении иных формальных средств основная семантика мифологемы всегда отражается в начальной части статей МНМ (см. КОЗЕЛ, ЛЯГУШКА, МАК, МЕДВЕДЬ).

Заметим, что в раннем славянском мифологическом словаре М. Д. Чулкова заглавные слова, обозначающие реально существующие предметы и объекты, воспринимаются автором как мифологемы, и информация о народных представлениях, связанных с тем или иным референтом, дается в той части статьи, которая следует непосредственно за заглавным словом. Дальнейшее содержание словарной статьи расширяет основные сведения. Короткие словарные статьи могут содержать только одну примету, поверье, запрет (см. ВОРОН, ДОЖДЬ, НОГИ, ПОПЕРХНУТЬСЯ, ПУГОВИЦЫ, ЮБКА и другие).

Построение и содержание словарных статей в современных мифологических словарях во многом зависит от интерпретации

---

[59] Сохраняется орфография источника.

создателями заглавных слов в словнике: как правило, авторы рассматривают их как совокупность символических указаний на систему устоявшегося круга народных мифологических воззрений на природу. В некоторых же словарях описание мифологем предваряется сведениями о реальных предметах, что обусловлено не столько спецификой подхода к трактовке заглавных слов, сколько стремлением представить набор реальных признаков предмета (объекта), мотивирующих в том или ином плане его ритуально-магические функции, семантику, символику. Так, в известном "Настольном словаре немецких суеверий" (HDA) сразу после заглавных слов даются сведения о реальном предмете и только затем — искомые суеверия в соответствии с разделами в основном по функциональному признаку.

В ЭССД определение заглавного слова дается с точки зрения семантики или функций соответствующего объекта в народных представлениях. Более подробная информация распределяется по рубрикам, которые также связаны либо с функциональными, либо с семантическими особенностями мифологемы. В Проекте ЭССД его создатели отмечают особо, что при интерпретации заглавных слов исходят не из слова, а из реалии [Проект ЭССД, с. 11], причем здесь, конечно же, имеется в виду "реальный" план народных представлений об объекте, но не конкретное обозначаемое словом содержание, как это иногда ошибочно понимают рецензенты словаря (см. [Новичкова 1989, с.199]). Неслучайно, что в Предисловии к первому тому ЭССД авторы уточняют: "Заглавное слово словарной статьи является ...именем культурного знака, и в большинстве случаев оно совпадает с названием манифестирующей его реалии" [ЭССД, с.8].

В построенном по тематическому принципу SSSL статьи группируются по темам. Первый том SSSL, вышедший в 1996 г., посвящен теме "Космос", которая представлена разделами "Небо и небесные светила", "Огонь", "Камни". В раздел "Небо и небесные светила" включены статьи "Небо", "Солнце" (как и выделенные в особые статьи "Восход солнца", "Заход солнца", "Затмение солнца"), "Месяц" (а также "Новый месяц", "Полнолуние", "Зат-

мение месяца" и др.), "Звезды" ("Утренняя звезда", "Вечерняя звезда", "Падающая звезда", "Комета" и др.), "Созвездия" (наиболее известным из них посвящены отдельные статьи), "Млечный путь", "Заря". В разделе "Огонь", помимо статьи "Огонь" (как и его различных типов — "Собутка", "Живой огонь", "Очистительный огонь", "Адский огонь" и др.), помещены статьи "Искра", "Дым", "Жар", "Угли", "Пепел", "Пожар". В разделе "Камни" — статья "Камень", как и статьи, посвященные определенным видам камней, например, "Перунов камень (белемнит)", "Кремень", "Дьявольский камень" и др., а также — "Окаменелость", "Скала". Кроме того, этот раздел включает статьи "Песок", "Каменный уголь", "Драгоценные камни" ("Бриллиант", "Диамант", "Янтарь" и др.). Во всех статьях описываются "образы предметов" (wyobrażenia przedmiotów) в народном мировосприятии поляков [SSSL, s. 14]. Во "вступлении" к статье даются сведения о символике и народном восприятии описываемого объекта в европейской, славянской этнокультурных традициях, а также его интерпретация в христианской культуре. "Стереотип" толкуется авторами как утвердившийся в общественном сознании и языке целостный образ предмета со всеми его значимыми характеристиками; "символ" — образ предмета, трактуемый как знак иной сущности в рамках определенной системы знаков [SSSL, s. 9].

Построение статей в рассмотренных выше мифологических словарях имеет свои особенности: для МНМ — это выделение момента реконструкции архаической значимости мифопоэтического образа с учетом многих локальных традиций; в СМР применяется описательно-этнографический метод "нанизывания" контекстов функционирования единицы славянской духовной культуры с последующим заключением о характере данных религиозных представлений; словарные статьи SFP содержат в основном справочные сведения по истории фольклорных образов, сюжетов, словесных клише и т.д. При описании единиц славянской духовной культуры перспективной представляется предварительная разработка построения статей для разных типов заглавных слов,

как это сделано в ЭССД [Проект ЭССД, с. 14, 18; ЭССД, с. 10–12]. При этом схема построения словарной статьи, предложенная как основа описания мифологемы того или иного типа (субстантивы, растения, животные, лица и персонажи, время, локативы, атрибутивы, действия), не является конечной; пожалуй, она определяет только набор тех глубинных признаков, наличие (или отсутствие) которых должно быть отмечено в статье.

Система презентации заглавных слов по принципу тезауруса, т.е. выделение определенного набора признаков описания для каждого заглавного слова (своего рода "анкета", применяемая к любому объекту лексикографического анализа) принята в SSSL. Первая часть каждой словарной статьи (eksplikacja) содержит следующие обязательные разделы: "Название" (включая сведения об этимологии названия, дериватах, синонимах); "Гипероним" и "Гипоним", где указываются соотношения "часть — целое", "целое — часть" (см., например, в статье GWIAZDY [SSSL, s. 203–221]: звезды — светила, звезды — созвездия); "Комплекс" (kolekcja), раскрывающий связи описываемого объекта с ему подобными (например, звезды в разных фольклорных прозведениях упоминаются вместе в месяцем, солнцем, зарей, небом и т.д.); "Оппозиции" (например, звезды по признаку множественности / единичности составляют оппозицию с месяцем, по признаку темный / яркий — с солнцем, ср. пословицу: "Звезды гаснут на солнце"); "Происхождение" (включает информацию о происхождении как описываемого предмета, так и иных объектов — от данного; в статье "Звезды", в частности, приводится и народное верование о рождении звезды вместе с рождением человека); "Внешний вид" (где представлены, например, метафоры и сравнения, относящиеся к ц в е т у звезд, верования, касающиеся величины звезд: они якобы "растут" вместе с человеком и т.д.); "Особенности", не связанные с внешним видом описываемого объекта (так, звезда определяет судьбу человека, ср. "родиться под счастливой звездой" и пр.); "Части" (например, у звезд есть "плечи", "рожки", "глаза", "лицо"); "Количество" (так, количество звезд неизмеримо, оно соотносимо с количеством рождаю-

щихся на земле людей; по признаку множественности звезды в загадках сопоставляются с горохом, овцами, "скотом несчитанным"); "Действия, процессы, состояния" (звезды "всходят", "заходят", "ходят", "светятся", "блистают", "мигают", "гаснут", "падают" и т.д.); "Переживания" (например, звезды "плачут" над гробом Иисуса, над людьми, похвалой Бога); "Воздействия" (звезды, по поверьям, влияют на рост растений: горох, посеянный в звездную ночь, даст богатый урожай); "Причина"; "Результат"; "Объект" (например, статья "Звезды" включает вербальные клише с оборотом "считать звезды"; запреты считать звезды, показывать на них пальцем и др.); "Адресат"; "Применение" (в статье "Звезды" этот пункт, по понятным причинам, отсутствует, тогда как, например, в статье DYM магической силе дыма, очищающей, охранной, лечебной и др., уделено особое внимание [SSSL, s. 317–319]); "Локализация" (например, звезды группируются вокруг месяца, на самих звездах пребывают добрые души и т.д.); "Время"; "Приметы" (со звездами связаны приметы о погоде, об урожае будущего года и др.; предсказания о счастье молодоженов, болезнях, голоде, войне и пр.); "Эквиваленты" (имеются в виду "культурные эквиваленты", взаимозаменемые объекты, как, например, цветы розмарина и руты в венке невесты [SSSL, s. 17]); "Символика", раздел, включающий сведения типа: описываемый объект — символ чего-либо, что-либо — символ описываемого объекта (так, звезды есть символ счастья, свободы и пр., с другой стороны, глаза — звезды в диалектных текстах, загадках). Таким образом, описываемый объект — ЗВЕЗДЫ — получает освещение с самых разных точек зрения, и все его значимые в народной традиции характеристики оказываются охваченными описанием в той или иной рубрике словарной статьи. Вторая часть статьи (dokumentacja) включает материалы, извлеченные из фольклорных источников, например, в статье ЗВЕЗДЫ приводятся загадки, пословицы, заговоры и заклинания, детские считалки, фрагменты колядок, великопостных и пасхальных, жнивных, свадебных, лирических и других песен, записи верований и обрядовых действий, тексты "крестьянской поэзии".

3.2.2. *Взаимосвязь лингвистического и экстралингвистического материала*

Лингвистический материал наряду с экстралингвистическим (этнографическим, фольклорным,[60] летописным, археологическим) представляет собой неотъемлемую часть современного мифологического словаря.

Лингвистический материал может быть исходным в толковании, когда в качестве заглавных слов выступают собственно лексемы, что относится, в первую очередь, к терминам полифункциональным ("баба", "дед") или маркированным с точки зрения архаической мифологической основы для лексических новообразований ("род", "бог"; см., например, статью БОГ в МНМ). Практическая работа над словником ЭССД привела к закономерному выделению следующего ряда заглавных слов с пометой "слово": БАБА, ДЕД, ДИВ, КНЯЗЬ, КУПАЛА, ЛАД, НАВЬ, РАД (РАДОВАТЬСЯ), РАЙ, РОД [Проект ЭССД, с. 40–61]. Необходимость интерпретации перечисленных выше лексем в этнолингвистическом словаре обусловлена тем, что каждое из выше названных слов имеет целый ряд взаимосвязанных между собой мифологических значений и в разных случаях может служить ключом к исследованию славянской (и индоевропейской) архаики.

Значительное число статей, описывающих лексемы, включается в СМР. Лингвистическое описание дано для таких важных в славянской духовной культуре терминов, как КРАЧУН, ОПОСУН, ТРЕБИШТЕ. Комплекс значений этих слов (включая исходную и производную лексику) в сербском и других славянских языках подробно анализируется авторами. В качестве заглавных слов могут выступать и специальные названия божества (ПУРГО), полазника (РАДОВАН), демонологических персонажей, обозначения которых представляют собой региональные варианты

---

[60] Имеется в виду, прежде всего, обрядовый фольклор, для которого характерна взаимосвязь вербальной, акциональной и предметной частей (см. об этом [Толстой 1982б]).

"основного" термина, например: ОРУЉА — "Так иногда в Воеводине называли ведьму (см. *вештица*)" [СМР, с. 227]. В результате большого количества лексем, данных в качестве заглавных слов и трактуемых как слова-диалектизмы (указание на значение слова и географическое распространение плюс краткие сведения экстралингвистического характера), СМР приобретает черты диалектного словаря терминов народной культуры. Некоторые словарные статьи СМР по объему и построению близки аналогичным статьям словаря Вука Караджича второго издания [Караџић 1852], в котором география местной лексики значительно расширена; например, ОСОВИТА НЕДЕЉА — "На Косово последняя неделя перед весенним постом (масленица). В это время не моют голову, чтобы не выпадали волосы" [СМР, с. 227] (см. также БАДАЉ "колючее растение", ГРУВАНИЦА "новогодний обрядовый хлеб", МЕЧКОДАВА "ритуальное кушанье для медведя", ПОКОРИЗМИЋ "время от Пасхи до Юрьева дня", САМОВИЛА "вила" и др.). Подобным образом представлены и местные табуированные названия демонологических персонажей, болезней: РОГУЉА, ОКАМЕЊЕНИЦА, КАМЕНИЦА (названия "вештицы"), КУМА "холера", "ТАМО ОНА", "ТАМО ОН" (это табуированное название "вештицы" представлено без указания на ареал распространения).

Лингвистичекий аспект СМР углубляется и тем, что в словарь включены топонимы — названия реальных мест, связанные с мифическими представлениями: ВЕЛЕС, ВИЛИН ИЗВОР, ВИЛИНА ВОДА, ВИЛИНО ГУМНО и т.д. Специфика SFP (см. 3.1., 3.2.1.) позволяет включить в этот словарь статью NAZWY MIEJSCOWE "топонимы", в которой рассматривается значение народной этимологии в топонимике и объясняются польские названия местности, связанные с народными преданиями и легендами.

В большинстве статей мифологических словарей, описывающих элементы славянской духовной культуры, исходным материалом являются не слова, а "реалии" (точнее — их мифологическое содержание), но тем не менее способы представления в этих словарях лингвистических данных весьма разнообразны.

Наиболее простой формой подачи лингвистического материала в словарной статье, посвященной какой-либо мифологеме, можно считать фиксацию эквивалентов заглавного слова в разных славянских языках или диалектах одного языка. Поскольку ареальные варианты какого-либо термина духовной культуры могут объединяться на основе общего содержания, то в словарях нередко используется метод отсылок, однако в основной статье, где сосредоточена информация по всем регионам, эти лексемы приводятся в качестве подзаголовков. Этот прием последовательно воплощен в энциклопедическом словаре "Болгарская мифология", например, помимо отсылочных статей типа ВАПИР= В а м п и р, ТЕНЕЦ= В а м п и р и т.п., находим:

"ВАМПЍР, вапѝр, випѝр, въ̀пир, врапѝр, врапѝрин, вòпер (Зап. България и Македония); дра̀кус, жин (Родопи); у̀стрел (Странджа); лепѝр, влепѝр, лѝтер, лемптѝр (Средна Стара планина); тѐнец (Северозап. България); грòбник (Охридско, Кукушко и Струга); брòдник (Русенско); плъ̀теник (Северозап. и Североизт. Бълг.); упѝр, самодѝв (Добруджа) — демонично свръхестествено същество, произлизащо от душата на нечист мъртвец..." [БМЕР, с. 45]. (Демоническое сверхъестественное существо, происходящее от души умершего не своей смертью). Далее следует описание собирательного образа вампира с уточнением исключительных особенностей, закрепленных за каким-либо представителем этого класса демонов, именуемым особо, например, в рамках той же статьи читаем: "У с т р е л ъ т (У с о в) е В., който се крие в рогата или козината на добитъка и го разболява, пиейки неговата кръв" [БМЕР, с.46]. (*Устрел (Усов)* — это вампир, который прячется в рогах или шерсти домашних животных и вызывает их болезнь, выпивая у них кровь).

В МНМ, СМР и SFP часто встречаются указания на общеславянскую принадлежность слова и наличие соответствующего референта в разных славянских системах народной духовной культуры. Авторы славянских статей в МНМ привлекают и индоевропейские параллели. Информативный характер носят сведения о происхождении слова, в МНМ дающиеся, как правило, в на-

чальной части статьи, а в СМР — в конце ее (см. БЕСЫ, ГЕРМАН, КАЩЕЙ БЕССМЕРТНЫЙ, КОЛЯДА, ЛЯХ в МНМ; АЛА "летающий змей", МОРА "ночной дух", ХАМАЈЛИЈА[61] "амулет" в СМР). В случаях, когда этимологические данные играют значительную роль в реконструкции архаического значения образа, им уделяется особое внимание в словарных статьях (см. КОСТРОМА, КОСТРУБОНЬКА, КУПАЛА, ЛИХО в МНМ; БАДЊАК, ЛИЛА или ОЛАЛИЈА "обрядовое возжигание огней", ПЕРУН, РУЖИЧАЛО или ДРУЖИЧАЛО "праздник поминовения", РАЈ "рай", ТРЗАН или ТРЗНА "место для празднований", ЧЕСНИЦА "рождественский обрядовый хлеб" в СМР).

Для многих статей Вяч. Вс. Иванова и В. Н. Топорова в МНМ характерно привлечение обширного лингвистического материала (данных этимологии, диалектов, славянских, балтийских и других языков). Именно лингвистический материал составляет основу словарных статей БАДНЯК, БЕЛОБОГ, БЕРЕГИНИ, БОЖЬЯ КОРОВКА, БОЖИЧ, ВЕЛЕС, КАРАЧУН, КОРОВАЙ, МАРЕНА, МОКОШ, ПЕРУН и других, посвященных реконструкции славянской мифологии. Причем помощь в таком подходе оказывают не только отдельные лексемы, но и фрагменты текста, которые также привлекаются авторами, включая терминологические словосочетания типа "Волосова бородка" (см. ВЕЛЕС [МНМ, т.I, с. 227]), словесные клише ("...Мокоша опрядет" — статья МОКОШ [МНМ, т.II, с. 169]), ритуальные формулы, заклинания ("сколько муравьев, столько и капель" — статья МУРАВЕЙ [МНМ, т.II, с. 182]), пословицы и поговорки ("плюнь через левое плечо" — статья ЛЕВЫЙ И ПРАВЫЙ [МНМ, т.II, с. 43], "как от козла ни шерсти, ни молока" — статья КОЗЕЛ [МНМ, т.I,

---

[61] Ценным в этнолингвистическом аспекте представляется замечание о том, что помимо общеупотребительного турецкого заимствования в сербскохорватском языке встречаются народные названия амулета (*урочица*, *урочник*, *одбојник*, *страшник* и др.), "которые подтверждают употребление амулетов и до нашествия турок на Балканы" [СМР, с. 296].

с. 663]), загадки (см. КОЗЕЛ [МНМ, т.I, с. 664]), фрагменты обрядовых песен (см. КОЛЯДА, АВСЕНЬ и др.), сказок (см. КОЗЕЛ).

В СМР различные лингвистические данные, как правило, дополняют этнографическую часть. Богатый материал сербскохорватских диалектов, топонимики, древнесербского языка и других славянских языков помогает выявлению архаических значений мифологемы, как, например, в статьях ВЛАШИЋИ "Волосожары", СТОЖЕР "столб в центре гумна", СОХА, ОБЕТИНА "обет", ПРПОРУШЕ "участники обряда вызывания дождя" и др. При этом особого внимания заслуживает соотнесение характеристик особенностей традиционной народной культуры с диалектным членением сербскохорватского ареала (см., например, статью БАДЊАК), что отражает этнодиалектный подход к материалу.

Рассматривая значение этимологических данных в мифологических словарях, следует обратить внимание на случаи взаимосвязи внутренней формы слова ("ближайшего этимологического значения" по А. А. Потебне) и экстралингвистического материала словарной статьи. Имеются в виду словарные статьи с заглавным словами типа ROZRYW ZIELE (букв. "разрыв-трава") — "трава, обладающая магическими свойствами, при помощи которой можно разрезать железо и твердые металлы, разбивать скалы, открывать различные замки..." [SFP, s. 349], PŁANETNIK (букв. "черная туча") — "...по народным верованиям полудемоническое существо, обитающее в облаках, приводящее на землю проливные дожди и град" [SFP, s. 317], ВИЛОВЊАЧА "большой гриб... растущий на местах, где танцевали *вилы*" (демонические существа) [СМР, с. 70], ДОЖИЊАЛИЦА "петух, которого режут по окончании *жатвы*" [СМР, с. 109] и т.п. Примеры этих словарных статей показывают, что объяснение приведенных терминов традиционной духовной культуры основано на привлечении этнографического материала, представляющего собой необходимое условие для понимания данных слов. Мифологические словари и диалектные словари, представляющие аналогичный материал (см. Главу 2), имеют важное значение для этнолингвистических ис-

следований терминологии славянской народной духовной культуры.

Экстралингвистический аспект, будучи неотъемлемой частью слова как единства знака и содержания, служит опорой для объяснения самой различной лексики. Данные реконструкции архаических элементов славянской духовной культуры играют большую роль в этимологическом словаре, с другой стороны, элементы семантической реконструкции характерны для мифологических словарей. Так, в МНМ на основе мифологической реконструкции устанавливается этимология таких слов, как АНЧУТКА, КОРОВАЙ, КРИВ; "кошачьих" имен в ономастике и фольклорных произведениях (статья КОТ) и др.

Особое отношение к проблеме взаимосвязи лингвистического и экстралингвистического материала характерно для концепции этнолингвистических словарей ЭССД и SSSL (см. также 3.1.). В этих словарях традиционные "символы", "стереотипы", "образы" предметов рассматриваются прежде всего через их отражение в языке. Так, например, в статье ВЕСНУШКИ (ЭССД) каждая "семантическая" рубрика подкрепляется не только данными народных верований и обрядности, но и разнообразным лингвистическим материалом (диалектными названиями, сравнениями, словесными клише), включая малые жанры фольклора (заклинания, приговоры и пр.): "В. символически уподобляются однородному множеству различных предметов: каплям дождя (В. появятся у ребенка, если в первый год жизни он попадет под дождь, — луж., словен.); семенам, зерну (укр. *сім'янки* 'веснушки', *коноплястий*, рус. *конопатый* 'веснушча-тый'; использование росы с ячменя, ржи, пшеницы, овса для выведения В. у юж. славян); ягодам (укр. *журавина*, *журавиха* 'клюква' и 'веснушки'; севернорусский запрет есть землянику избавляющемуся от В.); звездам (кашуб. *ṕegi* 'веснушки', перенос-ное 'звезды'...). ...В. часто ассоциируются с пестротой яиц некоторых птиц: перепелки (рус. *перепелесый* 'рябой, веснушчатый', словац. *peȟavý ako prepeličie vajce* 'веснушчатый, как перепелиное яйцо'), индюшки (словац. *peȟavý ako morčacie vajce*

'веснушчатый, как индюшачье яйцо'; если беременная будет носить за пазухой индюшачьи яйца, у ее ребенка будут В. — серб., хорв.), сороки... и особенно л а с т о ч к и (у украинцев, белорусов, болгар, отчасти поляков), яйца которой покрыты буро-красными крапинками. Отсюда такие названия В., как укр. *Ластівки, ластовиння, ластовече работин'є*, бел. *ластовіньe, рабоценье ластовечое*. Существуют запреты брать ласточкины яйца... П р о и с х о ж д е н и е В. связывается также с солнцем (словен. *sončne pege*, с.-х. *сунчане пеге*), они появляются весной (рус. *веснушки, веснотки*, укр. *веснівки, веснянки*)..." и т.д. (см. [ЭССД, с. 352–353]). Среди лингвистических источников ЭССД наряду с диалектными словарями (описанными в Главе 1 и Главе 2) важное место занимают славянские этимологические словари, прежде всего, сводный "Этимологический словарь славянских языков" под редакцией О. Н. Трубачева (ЭССЯ). В SSSL концепция тесной взаимосвязи языка и культуры находит отражение в анализе языка фольклора и текстов произведений устного народного творчества, которые широко привлекаются к лексикографическому описанию словарных единиц (включая презентацию вариантов фольклорных текстов). "Образ предмета" составляет совокупность его характеристик, получивших отражение в языке. Например, основная характеристика дыма в польской народной культуре (вынесенная в дефиницию словарной статьи DYM) — "связующее звено между небом и землей" [SSSL, s. 314] — неоднократно подтверждается языковым и фольклорным материалом в последующих рубриках статьи: "D. *w z n o s i s i ę do góry/do nieba/w powietrze, po świecie c h o d z i..., na dach wylezie..., do nieba..., pod niebiosy i d z i e...*" (см. [SSSL, s. 316]).

3.2.3. *Отражение системно-иерарахических связей между объектами духовной культуры народа*

Присущая явлениям духовной культуры народа системность вряд ли нуждается в обосновании после появления "базовых" по этой теме работ В. Я. Проппа [Пропп 1963, Пропп 1969], Вяч. Вс. Иванова и В. Н. Топорова [Иванов—Топоров 1965],

Н. И. Толстого [Толстой 1982б]. Поэтому целесообразно рассмотреть возможности энциклопедического словаря как адекватного средства отображения системно-иерархических связей между объектами ("знаками") славянской духовной культуры. Возможно выделение нескольких аспектов проблемы: 1) системное описание в словаре мифологемы с помощью набора функций (релевантных контекстов функционирования) и семантических категорий; 2) способы описания семантического тождества (или противопоставления) объектов, где особую роль играет культурный "код"; 3) способы описания взаимосвязи между общими (родовыми) и частными (видовыми) понятиями.

Первый аспект тесно связан с проблематикой определения способов построения словарной статьи (см. 3.2.1.). Выделение семантических и функциональных категорий в качестве заранее определенного набора признаков при описании мифологемы может считаться одним из перспективных подходов в этой области лексикографии, поскольку, как показывают исследования, в том числе и опыт работы над ЭССД, сложное переплетение "культурных знаков" сводимо к весьма определенному перечню содержательных контекстов. Использование подзаголовков, обозначающих самые общие "жанровые" сведения о мифологеме, уже в этнолингвистических диалектных словарях Б. Сыхты показало специфику их набора в зависимости от типа рассматриваемого через призму народной культуры референта (см. 2.3.4.). Этнолингвистический SSSL под редакцией Е. Бартминьского открывает возможность еще одного подхода к лексикографическому описанию "стереотипа" (культурно-языкового феномена), так как в этом словаре предлагается ряд семантических категорий или "коннотаций", вбирающих в себя как традиционные "подзаголовки" (т.е. указания на контексты и функции мифологемы), так и различные обозначения общего семиотического плана (гиперонимы, синонимы, когипонимы, эквиваленты; оценочную, темпоральную и другие характеристики). Многие из этих признаков обусловлены привлечением широкого вербального контекста народной культуры (эпитеты и сравнения из фольклорных произве-

дений; выражения, показывающие символические значения объекта в произведениях устного народного творчества, пословицы, поговорки, загадки и другие паремии и словесные клише различной структуры и объема). В отечественной лексикографии это направление представлено работами С. Е. Никитиной. В 1975 г. в статье "О словаре языка русского песенного фольклора" Никитина показала, "каким образом идея толково-комбинаторного словаря может быть приложена к описанию лексики русского фольклора", представив систему различного рода классификато-ров заглавного слова: "пометы жанра и фольклорного диалекта, если это не общефольклорное слово", указания на "заменители" заглавного слова (синонимы, метафоры и символы) [Никитина 1975, с. 21–22, 26].

Вопрос системного описания мифологемы требует адекватного представления в словаре "парадигматических" и "синтагматических" связей заглавного слова со смежными мифологемами. Отдельные статьи мифологических словарей удачно совмещают оба этих ракурса. Так, достаточно подробный и в то же время лаконичный перечень "контекстов" заглавного слова в рамках связей с другими объектами славянской духовной культуры представляет словарная статья SFP SKARBY ZAKLĘTE "заколдованные клады":

"SKARBY ZAKLĘTE — wierzenie, powszechne wśród wszystkich ludów, występuje jako stały motyw w wielu podaniach lokalnych i baśniach. Skarby (zwykle złoto, klejnoty, pieniądze) bywają zakopane, zatopione pod wodą, ukryte w podziemnych lochach lub ruinach starych zamczysk, grotach i jaskiniach górskich. Strzegą ich diabli, niekiedy pod postacią zwierząt, zaczarowane istoty, zaklęte księżniczki (→Złota kaczka) — wydobyć je zaś można tylko pod określonymi warunkami. Czasem będzie to tylko znajomość odpowiedniego zaklęcia, czasem wykonanie jakiegoś zadania, często próba wytrwałości i odwagi. Chybione usiłowania zdobycia zaklętych skarbów śmiałkowie przeważnie przypłacają życiem. W określonych porach roku (noc świętojańska, Niedziela Palmowa, Wielkanoc, Boże Narod-

zenie) pieniądze diabelskie "suszą się" na słońcu i wtedy można je łatwiej osiągnąć.

Motyw zaklętych skarbów jest nieodłącznym składnikiem ponad 12 polskich typów baśniowych, m. in. o kwiecie paproci, królu wężów, sezamie itp.

Podania o skarbach zaklętych związane są w Polsce ze wszystkimi niemal ruinami zamków, a często z osobą królowej → Bony.

Wzorcony niemal schemat takich opowieści reprezentują tatrzańskie legendy o pieniądzach zbójnickich poukrywanych w górach lub podziemnych królestwach skarbu notowane już od w. XV w formie → spisków czyli przewodników dla poszukiwaczy złota.

W innych dzielnicach Polski na wierzenia o skarbach nałożyły się wspomnienia odwrotu wojsk szwedzkich, napoleońskich lub reminiscencje klęsk powstanczych. Powstały w ten sposób liczne podania o zakopanych lub zatopionych kasach wojennych" [SFP, s. 378–379].

(ЗАКОЛДОВАННЫЕ КЛАДЫ — повсеместное среди многих народов верование, выступает как постоянный мотив во многих местных преданиях и сказках. Клады (обычно — золото, драгоценности, деньги) бывают закопаны, утоплены в воде, укрыты в подвалах или руинах старых замков, гротах и горных пещерах. Их стерегут дьяволы, иногда в облике зверей, зачарованные существа, заколдованные княжеские дочери (→ Золотая утка), а добыть их можно только при определенных обстоятельствах. Иногда — это знание соответствующего заклинания, иногда — выполнение какого-либо задания, часто — испытание стойкости и отваги. За неудавшиеся попытки добычи заколдованных сокровищ храбрецы обычно расплачиваются жизнью. В определенное время года (ночь на св. Яна, Вербное воскресенье, Пасха, Рождество) дьявольские монеты "сушатся" на солнце и тогда можно ими легче овладеть.

Мотив заколдованных кладов является неизбежным компонентом 12 польских типов сказок, в частности о цветке папоротника, короле ужей, сезаме и т.п.

Предания о заколдованных кладах связываются в Польше почти со всеми руинами замков, а часто — с королевской особой → Боной.

Типичную схему таких рассказов представляют легенды из Татр о разбойничьих деньгах, укрытых в горах, или о подземных покоях с сокровищами, отмеченные еще с XV в. в виде → списков или путеводителей для искателей золота.

В других районах Польши на верования о кладах наложились воспоминания об отступлении шведских, наполеоновских войск или отголоски повстанческих поражений. В результате возникли многочисленные легенды о закопанных или потопленных военных кассах).

Но если для SFP подобный способ представления информации составляет скорее исключение, нежели правило или принцип, то в ЭССД и SSSL практически все словарные статьи построены именно таким образом; при этом в ЭССД перечень контекстов складывается на основании анализа многих славянских культурных традиций.

Важнейшую роль в мифологическом словаре играют способы описания функционального и семантического тождества (или оппозиции) объектов духовной культуры. Воссоздание идеальной системы взаимодействия всех членов ("звеньев") народного мифологического сознания невозможно, как невозможно создание "полного" диалектного словаря определенной местности (см. 2.3.1.), поскольку всегда возможно новое применение какого-либо знака "кода" или звена системы хотя бы только одним носителем культурного идиолекта села, местности и т.д. Возникновение новых функций и значений с применением традиционных условных знаков мифологической системы родственно аналогичным процессам в языке или диалекте. Вместе с тем представляется возможным отразить в мифологическом словаре многочисленный (но не бесконечный) набор значимых элементов духовной культуры (его частная реализация — это словник словаря), а также основные функции, контексты и значения, указывая при этом на отношения между членами одного ряда. Речь идет об отношениях сино-

нимии и антонимии "культурных знаков". В СМР с помощью отсылок объединяются семантически близкие мифологемы: БАБА КОРИЗМА → КУЧИ БАБА, НАВ → СВИРАЦ, НАВ → НЕКРШТЕНАЦ, НАВ → ДРЕКОВАЦ (демонологические персонажи); ГРУВАНИЦА → ЧЕСНИЦА (рождественский обрядовый хлеб). Аналогично в МНМ: КОЛЯДА → АВСЕНЬ, КУПАЛА → КОСТРОМА; МАРА (в значении 'кукла, чучело'), КОСТРОМА → КОСТРУБОНЬКА, КУПАЛА, ГЕРМАН, ЯРИЛА (общая семантическая часть отражена в ритуале имитации похорон). Иногда в мифологических словарях фиксируются с помощью отсылок и антонимические пары терминов или "культурных знаков": БЕЛОБОГ → ЧЕРНОБОГ, БАДНЯК → БОЖИЧ (МНМ); БАБА → ЂЕДОВИ; СВЕТИЊЕ "святые места" → НЕЧИСТА МЕСТА (СМР) и т.п. Но если для авторов МНМ фиксация антонимических пар — испытанный прием реконструкции традиционной народной культуры, который в словаре встречается практически регулярно, то в СМР чаще отмечаются синонимические связи между элементами сербской духовной культуры.

При выявлении особенностей значения мифологического образа в словарях используются отсылки к мифологической атрибутике, общим семиотическим оппозициям: ЛЕШИЙ → ЛЕВЫЙ И ПРАВЫЙ. "ЛЕШИЙ ... Наделен отрицательными атрибутами, связью с левым (см. в ст. *Левый и правый*); у него левая сторона одежды запахнута на правую, левый лапоть одет на правую ногу и т.п." [МНМ, т.II, с. 52]. Опосредованное указание на семиотический код может осуществляться через отсылку к общей статье, содержащей описание совокупности кодов и оппозиций данной мифологической системы: ЛИХО → СЛАВЯНСКАЯ МИФОЛОГИЯ. "ЛИХО... Связь Л. [лиха] с мифологическим противопоставлением чет-нечет (см. в ст. *Славянская мифология*) следует как из мифологических сюжетов, так и из этимологии слова (ср. рус. "лишний" и т.п.)" [МНМ, т.II, с. 66].

Поскольку существующие мифологические словари различаются объемом территориального охвата разных традиций (см. 3.1.), то для многих из них закономерно включение отсылок к

тождественным образам родственных традиций, например, — от славянских к балтийским: АВСЕНЬ → УСИНЬШ, ВЕЛЕС → ВЕЛС (МНМ). Авторы славянского материала в МНМ дают указания и на более сложные связи значения мифологем в традициях индоевропейских языков. Кроме того, в словаре, описывающем множество разных мифологических систем, должен быть решен вопрос о подаче мифологем, типологически общих для всех традиций, таких, как мифологемы профессий (см. КУЗНЕЦ), животных (см. ЛЯГУШКА, КОТ), условных знаков (см. КРЕСТ, КРУГ) и др. В МНМ сделана успешная попытка реконструкции архаических значений подобных образов и символов на материале различных традиций с опорой на обобщающие статьи методологического характера (КУЛЬТУРНЫИ ГЕРОЙ, ДРЕВО МИРОВОЕ, ГЕОМЕТРИЧЕСКИЕ СИМВОЛЫ и т.д., см. также 3.1.).

При отражении в мифологическом словаре иерархических связей между объектами народной духовной культуры особое значение имеют общие статьи. В МНМ статьи ЖИВОТНЫЕ, ПТИЦЫ, РАСТЕНИЯ, РЫБА играют роль научного "ключа" к описанию частных мифологем и смежных кодов. Так, статья ЖИВОТНЫЕ содержит отсылки к аналогичным "ключевым" статьям словаря: ЖИВОТНЫЕ → ТОТЕМИЧЕСКИЕ МИФЫ, ЖИВОТНЫЕ → АВСТРАЛИЙСКАЯ МИФОЛОГИЯ, ЖИВОТНЫЕ → ДРЕВО МИРОВОЕ, ЖИВОТНЫЕ → КОСМОГОНИЧЕСКИЕ МИФЫ, ЖИВОТНЫЕ → КУЛЬТУРНЫЙ ГЕРОЙ. Несмотря на многочисленные упоминания в статье мифологем отдельных животных, отсылки к соответствующим статьям не даются, по-видимому, из практических соображений [МНМ, т.I, с. 440–449].

В этнолингвистических словарях все возможные виды системно-иерархических связей получают адекватное отражение. В SSSL именно с этой целью тщательно разработана система признаков по типу тезауруса (см. 3.2.1.), сопровожденная, кроме того, отсылками к соответствующим “дополняющим” статьям по мере раскрытия “экспликации” в тексте каждой статьи, а в конце ее — к основным тематически смежным статьям. В ЭССД этой задаче служит система рубрикации и особенности построения самой

статьи (например, все виды того или иного частного проявления общей модели "культурного знака" обязательно вносятся в словарную статью по мере раскрытия всех возможных контекстов функционирования или семантики обозначаемого заглавным словом явления традиционной народной духовной культуры), а также метод отсылок, охватывающих всю совокупность связанных с описываемой мифологемой иных "культурных знаков". Собственно осознание взаимосвязанности и взаимозависимости различных, внешне не связанных между собой, элементов народной культуры и побудило авторов обратиться к наиболее удобной форме их отражения — словарю, поскольку именно этот "книжный"[62] жанр, как мы видели, открывает наибольшие возможности для комплексного представления "культурного знака".

[62] Наряду с электронными версиями обработки того же материала, например, в форме базы данных.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как показало исследование, славянские лексикографические традиции обнаруживают много общего и в то же время — специфического в своем развитии. Наша задача состояла в том, чтобы проследить основные особенности формирования жанра современного этнолингвистического словаря на основе анализа славянской лексикографии XIX — XX вв. В этой связи основное внимание уделялось экстралингвистическим чертам лексикографичекого описания в толковых и диалектных славянских словарях. По этой же причине исследование не могло включить детальный анализ толковых и диалектных словарей славянских языков, хотя и во многом компенсирует отсутствие сводной аналитической работы по славянской лексикографии, такой, которая бы содержала характеристику всех славянских диалектных словарей, например, в форме кратких аннотаций (аналогичной аннотированному библиографичекому указателю по лингвистическим атласам, см. [Сухачев 1984]).

Мы попытались показать, что "лексикографический портрет" слова (по терминологии Ю. Д. Апресяна) не может быть полным без таких его характеристик, которые связаны с описанием самих объектов действительности. Это прежде всего относится к терминологии традиционной народной культуры, хотя грань между "термином" и общеупотребительным словом представляется очень зыбкой — вспомним сходную лексикографическую интерпретацию словарных единиц, относящихся к основному лексическому фонду, в словарях Б. Сыхты, Туровском словаре и других диалектных словарях, с одной стороны, и мифологических словарях — с другой. Представляется, что без соответствующей экстралингвистической информации не могут быть правильно поняты самые различные контексты употребления и функционирования лексемы в языке. Стремление современных лингвистов объяснить

любые сочетаемостные, синтагматические, идиоматические и другие связи слов в языке на основе формального анализа структуры языка должно быть подкреплено изучением различного рода "коннотаций", выводящих исследование за рамки строгой дефиниции и определения лексического значения слова. Большое число устойчивых выражений в языке вообще не может быть объяснено без привлечения таких важных характеристик, которые в настоящее время принято называть "тип использования объекта", "этимологическая память слова", "капризность и непредсказуемость" и т.д. (см. свойства коннотаций, определяемых Ю. Д. Апресяном [Апресян 1995, с. 156–77]); это становится очевидным уже при обращении к упомянутым в работе русским устойчивым оборотам и выражениям: *гороху объесться, к теще на блины, еловая домовина, зеленая неделя, молить корову* и пр. Этот ряд можно продолжать бесконечно, поскольку подобные вербальные клише представляют собой открытую систему в силу специфики самих способов образования и воспроизведения фольклорных, мифопоэтических и обрядовых текстов — способов, во многом аналогичных собственно языковым и речевым механизмам.

Поворот к изучению плана содержания от изучения плана выражения в настоящее время достаточно последовательно прослеживается в работах, посвященных разным аспектам современного языкознания: фразеологии, словообразованию, этимологии, истории языка (работы О. Н. Трубачева, Ж. Ж. Варбот, В. М. Мокиенко, Т. И. Вендиной, А. Ф. Журавлева и др.), логическому анализу языка (Н. Д. Арутюнова, Е. В. Падучева и др.), где пристальное внимание уделяется языковой картине мира (развитию этой проблематики, например на основе балканистических исследований, посвящены работы Т. В. Цивьян). По концепции Ю. Д. Апресяна, отражаемая в языке "наивная" картина мира — основной объект так называемой системной лексикографии.

Этнолингвистический словарь "Славянские древности" занимает особое место в современной лексикографической традиции: не являясь в строгом смысле слова словарем лингвистическим, этот труд дает лингвисту возможность наиболее точно

определить всю совокупность глубинных "коннотаций" слова на основе представленного анализа материала традиционной народной духовной культуры, который препарирован с помощью семиотических (т.е. общих с лингвистическими) методов. Речь идет, прежде всего, о выделении семантических и структурных компонентов в многообразных культурных текстах, имеющих свой код и свою форму выражения (обряды, обычаи, ритуалы, поверья, малые фольклорные жанры и т.д.). Сбор, осмысление, классификация и стратификация этнокультурных текстов с целью их лексикографической обработки и презентации — задача современной этнолингвистической лексикографии.

ЛИТЕРАТУРА

Андрейчин 1975: *Андрейчин Л.* Речникът на Найден Геров // *Геров Н.* Речник на българския език. София, 1975. Т. 1. С. XXIII_1—XXV_1

АОС: Архангельский областной словарь / Под. ред. О. Г. Гецовой. М., 1980—. Вып. 1—.

Апресян 1995: *Апресян Ю.Д.* Избранные произведения. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.

Афанасьев 1865: *Афанасьев А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу. М., 1865. Т.1.

Балахонова 1961: *Балахонова Л.И.* История составления Опыта областного великорусского словаря и Дополнения к нему // История русской диалектологии. М., 1961. С. 98–125.

Балахонова 1979: *Балахонова Л.И.* Типы определений в Опыте областного великорусского словаря 1852 г. // Диалектная лексика 1977. Л., 1979. С. 166–177.

БД: Българска диалектология. София, 1962—. Кн. 1—.

Биржакова 1965: *Биржакова Е.Э.* Описание фразеологического состава русского литературного языка XVIII в. в Словаре Академии Российской 1789—1794 гг. // Материалы и исследования по лексике русского языка XVIII в. М.—Л., 1965. С. 251–271.

Блинова 1975: *Блинова О.И.* Введение в современную региональную лексикологию. Томск, 1975.

БМЕР: Българска митология. Енциклопедичен речник. Съставител А. Стойнев. София, 1994.

Богатова 1984: *Богатова Г.А.* История слова как объект русской исторической лексикографии. М., 1984.

Ботвинник и др. 1965: *Ботвинник М.Н, Коган М.А., Рабинович М.Б., Селецкий Б.П.* Мифологический словарь. М., 1965.

Бурнашев 1843: *Бурнашев В.П.* Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного. СПб., 1843—1844. Т. 1—2.

Буслаев 1861: *Буслаев Ф.И.* Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т.I. Русская народная поэзия. Т. II. Древнерусская литература и искусство. СПб., 1861.

Бялькевіч 1970: *Бялькевіч І.К.* Краёвы слоўнік усходняй Магілёўшчыны. Мінск, 1970.

Васілевич 1994: Міфы Бацькаўшчыны. Сост. У. А. Васілевич. Мінск, 1994.

Васильева 1962: *Васильева Е.З.* Принципы составления "Словаря областного Архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении" А. О. Подвысоцкого // Слово в народных говорах русского Севера. Л., 1962. С. 92–121.

Васнецов 1907: *Васнецов Н.М.* Материалы для объяснительного областного словаря Вятского говора. Вятка, 1907.

Виноградова 1977: *Виноградова Л.Н.* Интерес к славянской народной культуре в польской фольклористике начала XIX в. // Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977. С. 163–167.

Виноградова 1985: *Виноградова Л.Н.* Материалы к полесскому этнолингвистическому атласу: поверия о русалках — "Проводы русалки" // Региональные особенности восточнославянских языков, литератур, фольклора и методы их изучения. Часть II. Тезисы докладов и сообщений III республиканской конференции. Гомель, 1985. С. 108–110.

Виноградова 1996: *Виноградова Л.Н.* Демонологические основы архаической картины мира // Живая старина. М., 1996. № 1.

Власова 1995: *Власова М.Н.* Новая Абевега русских суеверий. СПб., 1995.

Вуjичић 1995: *Вуjичић М.* Рjечник говора Прошћења (код Моjковца). Подгорица, 1995.

Геров 1895: *Геров Н.* Речник на българския език. Фототипно изд. София, 1975—1978. Ч. 1—6. Репрод. изд.: Пловдив, 1895.

Горецький 1963: *Горецький П.Й.* Історія української лексикографії. Київ, 1963.

Григорян 1971: *Григорян Е.А.* Интересен лексикографски замисъл // Български език. 1971. № 5. С. 474–476.

Гринченко 1925: *Гринченко Б.Д.* Словарь украинского языка. Харків, 1925.

Гуліцкі 1978: *Гуліцкі М.Ф.* Нарысы гісторыі беларускай лексікаграфіі (XIX—пачатак XX ст.). Мінск, 1978.

Гура 1977: *Гура А.В.* Из севернорусской свадебной терминологии (хлеб и пряники — словарь) // Славянское и балканское языкознание. (Карпато-восточнославянские параллели). Структура балканского текста. М., 1977. С. 131–180.

Гура 1978: *Гура А.В.* Символика зайца в славянском обрядовом и песенном фольклоре // Славянский и балканский фольклор. Генезис. Архаика. Традиции. М., 1978. С. 159–189.

Гура 1984—1995: *Гура А.В.* Из полесской свадебной терминологии. Свадебные чины. Словарь // Славянское и балканское языкознание: Язык в этнокультурном аспекте. М., 1984. С. 137–177 (предисловие, буквы Б—М); Славянский и балканский фольклор: Духовная культура Полесья на общеславянском фоне. М., 1986. С. 144–177 (Н — СВАШКА); Славянский и балканский фольклор. Этнолингвистическое изучение Полесья. М., 1995. С. 318–334 (СВЕНОЧЕЛЬНИКИ — Ш).

Гура 1985: *Гура А.В.* Из материалов к полесскому этнолингвистическому атласу: дождь во время свадьбы // Региональные особенности восточнославянских языков, литератур, фольклора и методы их изучения. Часть II. Тезисы докладов и сообщений III республиканской конференции. Гомель, 1985. С. 108–110.

Даль 1852: *Даль В.И.* О наречиях русского языка. По поводу Опыта областного великорусского словаря, изданного Вторым отделени-ем Императорской Академии наук (Из V книжки "Вестника Императорского Русского Географического Общества" за 1852 год, с небольшими поправками против первого издания) // ТСЖВЯ. Т.I. С.XXV—LIV.

Даль 1862: *Даль В.И.* Напутное слово // ТСЖВЯ. Т. I. С. I—XV.

Дзендзелівський 1989: *Дзендзелівський Й.О.* Яків Головацький — визначний український лексикограф // Яків Головацький і рух за національне відродження та культурне еднання слов'янських народів. Тернопіль, 1989. С. 110–112.

Динић 1988—1992: *Динић J.* Речник тимочког говора // СДЗб. Београд, 1988. Књ. 34; *Он же.* Додатак речнику тимочког говора //

СДЗб. Београд, 1990. Књ. 36; *Он же*. Речник тимочког говора (други додатак) // СДЗб. Београд, 1992. Књ. 38.

Добровольский 1914: *Добровольский В.Н.* Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914.

Домосилецкая—Плотникова—Соболев 1998: *Домосилецкая М.В., Плотникова А.А., Соболев А.Н.* Малый диалектологический атлас балканских языков // Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов. Краков, 1998 г. Доклады российской делегации. М., 1998. С. 196—211.

Дополнение: Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. СПб., 1858.

Дуличенко 1981: *Дуличенко А.Д.* Славянские литературные микроязыки: Вопросы формирования и развития. Таллин, 1981.

Еремин 1926а: *Еремин С.А.* Программа для собирания материалов по народным говорам, местному словарю и бытовым названиям. Л., 1926.

Еремин 1926б: *Еремин С.А.* Проект словаря русской этнографической диалектологии // Язык и литература. 1926. Т. I. Вып. 1—2. С. 20–52.

Желеховский 1882: *Желеховский Е., Недїльский С.* Малоруско-нїмецкий словарь. Львов, 1882—1886. Т. I—II.

Живковић 1987: *Живковић Н.* Речник Пиротског говора. Ниш, 1987.

Зајцева 1982: *Зајцева С.* Дијалекатски речници као база за савремена лингвистичка истраживања // Лексикографија и лексикологија. Београд—Нови Сад, 1982. С. 69–76.

Замкова 1980: *Замкова В.В.* Специальная лексика в Словаре Академии Российской (Лексика ремесел.) // Словари и словарное дело в России XVIII в. Л., 1980. С. 90–101.

Зеленин 1910: *Зеленин Д.К.* [Рец. на словарь:] *Васнецов Н.М.* Материалы для объяснительного областного словаря вятского говора. Вятка, 1907. // Живая старина. СПб., 1910. Вып.3. С. 260–262.

Зеленин 1929: *Зеленин Д.К.* Справочный словарь славянских поверий // Краеведение. 1929. Т.6. № 10. С. 622.

Зеленина 1981: *Зеленина Э.И.* Сравнительный тематический словарь трех болгарских сел Молдавии. София, 1981.

Златановић 1998: *Златановић М.* Речник говора Јужне Србије. Врање, 1998.

Златковић 1989: *Златковић Д.* Фразеологија страха и наде у пиротском говору // СДЗб. Београд, 1989. Књ. 35.

Иванов—Топоров 1965: *Иванов Вяч.Вс., Топоров В.Н.* Славянские языковые моделирующие семиотические системы (Древний период). М., 1965.

Иванов—Топоров 1974: *Иванов Вяч.Вс., Топоров В.Н.* Исследования в области славянских древностей. Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. М., 1974.

Иванова 1969: *Иванова А.Ф.* Словарь говоров Подмосковья. М., 1969.

Ивић 1966: *Ивић П.* О Вуковом Рјечнику из 1818 године. Београд, 1966.

Канкава 1958: *Канкава М.В.* В.И. Даль как лексикограф. Тбилиси, 1958.

Карась 1963: *Карась М.* Словарь польских говоров // Вопросы языкознания. 1963. № 4. С. 85–93.

Карась 1968: *Карась М.* Некоторые проблемы польской диалектологии // Вопросы языкознания. 1968. № 5. С. 3–10.

Караџић 1818: *Караџић В.Ст.* Српски рјечник истолкован њемачким и латинским риjечма // Wien, 1818.

Караџић 1852: *Караџић В.Ст.* Српски рјечник истумачен њемачкијем и латинскијем ријечима. Беч, 1852.

Касарес 1958: *Касарес Х.* Введение в современную лексикографию. М., 1958.

Киселевский 1977: *Киселевский А.И.* Языки и метаязыки энциклопедий и толковых словарей. Минск, 1977.

Киселевский 1979: *Киселевский А.И.* Об определениях в энциклопедических и толковых словарях // Вопросы языкознания. 1979. № 2. С. 91–100.

Киселевский 1980: *Киселевский А.И.* Семантические и предметные описания в энциклопедических и толковых словарях (На материале эн-

циклопедий и толковых словарей русского языка советской эпохи, XIX и начала XX столетий). Дисс. на соиск. уч. степ. д-ра филол. наук (10.02.19). Минск, 1980.

Коготкова 1979: *Коготкова Т.С.* Русская диалектная лексикология. (Состояние и перспективы). М., 1979.

Коготкова 1988: *Коготкова Т.С.* Заметки о современной областной лексикографии // Русская речь. 1988. № 1. С. 52–59.

Крывіцкі 1975: *Крывіцкі А.А.* Тры этапы фарміравания беларускай дыялектнай лексшкаграфіі // З народнага слоўніка. Мінск, 1975. С. 15–29.

Куликовский 1898: *Куликовский Г.И.* Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.

Кууси 1978: *Кууси М.* К вопросу о международной системе пословичных типов (Опыт классификации количественных пословиц) // Паремиологический сборник. Пословица. Загадка (Структура, смысл, текст). М., 1978. С. 53–81.

Ларин 1956: *Ларин Б.А.* Принципы укладания обласних словників української мови // Діалектологічний бюлетень. Київ, 1956. Вып. VI. С. 3–18.

Ларин 1962: *Ларин Б.А.* Инструкция Псковского областного словаря // Псковские говоры. Псков, 1962. Вып. I. С. 252–271.

Лексикографија 1982: Лексикографија и лексикологија. Београд—Нови Сад, 1982.

Лилич 1982: *Лилич Г.А.* Роль русского языка в развитии словарного состава чешского литературного языка. Л., 1982.

ЛП: Лексика Полесья. Материалы для полесского диалектного словаря. М, 1968.

Любецкий 1875: *Любецкий С.М.* Справочная книга для архитекторов, художников, скульпторов, живописцев, резчиков и всех интересующихся искусством. М., 1875. Вып. 1 (А-Ж).

Мальцева 1980: *Мальцева И.М.* Локализмы в Словаре Академии Российской (1789—1794 гг.) // Словари и словарное дело в России XVIII в. Л., 1980. С. 102–117.

Мельниченко 1957: *Мельниченко Г.Г.* О принципах составления областных словарей. Ярославль, 1957.

Микулина 1981: *Микулина Л.Т.* Отражение национальной культуры в толковом словаре // Современная русская лексикография. 1980. Л., 1981. С. 62–69.

Митровић 1984: *Митровић Б.* Речник Лесковачког говора. Лесковац, 1984.

Михайлов 1996: *Михайлов Н.* Некоторые итоги работы по описанию и реконструкциславянской духовной культуры (К выходу в России двух книг по славянской мифологии и этнографии) // Russica Romana. 1996. Vol. III. P. 363–371.

МНМ: Мифы народов мира. Энциклопедия. М., 1980—1981. Т. I—II.

Мојашевић 1983: *Мојашевић М.* Јакоб Грим и српска народна књижевност. Београд, 1983.

Москаленко 1961: *Москаленко А.А.* Нарис історії української лексикографії. Київ, 1961.

МС 1834: Мифологический словарь или краткое толкование о богах и прочих предметах древнего баснословия, по азбучному порядку расположенное, извлеченный и составленный из лучших и новейших сочинений. СПб., 1834.

МС 1990: Мифологический словарь. М., 1990.

МС 1991: Мифологический словарь. М., 1991.

Недељковић 1990: *Недељковић М.* Годишњи обичаји у Срба. Београд, 1990.

Никитина 1975: *Никитина С.Е.* О словаре языка русского песенного фольклора // Предварительные публикации по экспериментальной и прикладной лингвистике. М., 1975. Вып. 74. С. 18–29.

Никитина 1978: *Никитина С.Е.* Тезаурус по теоретической и прикладной лингвистике. М., 1978.

Никитина 1982: *Никитина С.Е.* Устная народная культура как лингвистический объект // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1982. Т. 41. № 5. С. 420–429.

Новичкова 1989: *Новичкова Т.А.* К обсуждению "Этнолингвистического словаря славянских древностей" // Русский фольклор. Л., 1989. Т. XXV. С. 193–200.

Новичкова 1995: Русский демонологический словарь. Автор-составитель Т. А. Новичкова. СПб., 1995.

Онишкевич 1984: *Онишкевич М.Й.* Словник бойківських говірок. Київ, 1984. Ч. 1—2.

Опыт 1852: Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Имп. Акад. наук / Ред. А. Х. Востоков. СПб., 1852.

Опыт 1972: Опыт словаря говоров Калининской области / Под. ред. Г. Г. Мельниченко. Калинин, 1972.

Оссовецкий 1964: *Оссовецкий И.А.* Словарь говора деревни Деулино Рязанского района Рязанской области // Вопросы диалектологии восточнославянских языков. М., 1964. С. 176–206.

Партенадзе 1984: *Партенадзе М.Х.* О статусе диалектной лексики в толковом словаре литературного языка (На материале толковых словарей русского и грузинского литературного языков). Тбилиси, 1984.

Петровић 1982: *Петровић Д.* Проблеми и изгледи српскохрватске дијалекатске лексикографије // Лексикографија и лексикологија. Београд—Нови Сад, 1982. С. 195–199.

Плотникова 1985: *Плотникова А.А.* Материалы к полесскому этнолингвистическому атласу: святочные маски ряженых // Региональные особенности восточнославянских языков, литератур, фольклора и методы их изучения. Часть II. Тезисы докладов и сообщений III республиканской конференции. Гомель, 1985. С. 136–138.

Плотникова 1988: *Плотникова А.А.* Возможности паремиографической обработки и презентации пословиц (Nowa księga przysłów i wyrażen przysłowiowych polskich) // Этнолингвистика текста. Семиотика малых форм фольклора. I. Тезисы и предварительные материалы к симпозиуму. М., 1988. С. 140–141.

Плотникова 1995: *Плотникова А.А.* Лексика традиционной народной культуры в русских словарях // Историко-культурный аспект лексикографического описания русского языка. М., 1995. С. 157–168.

Плотникова 1996: *Плотникова А.А.* Бобы, горох и фасоль в символике рождения и смерти // Кодови словенских култура. № 1. Биљке. Београд, 1996. С. 47-55.

Плотникова 1998а: *Плотникова А.А.* Экспедиция в восточную Сербию (с. Доня Каменица) // Малый диалектологический атлас балканских языков. Материалы второго рабочего совещания. СПб., 1998.

Плотникова 1998б: *Плотникова А.А.* Мифологические рассказы из восточной Сербии // Живая старина. 1998. № 1. С. 53-55.

Подвысоцкий 1885: *Подвысоцкий А.О.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.

ПОС: Псковский областной словарь с историческими данными. Л., 1967—. Т.1—.

Проект ЭССД: Этнолингвистический словарь славянских древностей. Проект словника. Предварительные материалы. М., 1984.

Пропп 1963: *Пропп В.Я.* Русские аграрные праздники. Л., 1963.

Пропп 1969: *Пропп В.Я.* Морфология сказки. М., 1969.

ПЭС: Полесский этнолингвистический сборник. Материалы и исследования. М., 1983.

Радовановић 1973: *Радовановић М.* Вук Караџић, етнограф и фольклорист. Београд, 1973.

Расторгуев 1973: *Расторгуев П.А.* Словарь народных говоров Западной Брянщины: Материалы для истории словарного состава говоров. Минск, 1973.

Речник МС: Речник српскохрватскога књижевног језика. Нови Сад — Загреб, 1967—1976. Т. I—VI.

Речник САНУ: Речник српскохрватског књижевног и народног језика. Београд, 1959—1988. Књ. 1—13.

Рипка 1981: *Рипка И.* О некоторых вопросах концепции "Словаря словацких говоров" // Общеславянский лингвистический атлас. 1979. М., 1981. С. 92-105.

РМИП: Речник на македонската народна поезија. Скопје, 1983—. Т. I—.

САР-I: Словарь Академии Российской. СПб., 1789-1794. Ч. 1-6.

САР-II: Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный. СПб., 1806. Ч. 1-6.

СБГ: Словарь брянских говоров. Л., 1976—. Т.I—.

СБН: *Носович И.И.* Словарь белорусского наречия. СПб., 1870.

СБФ 1995: Славянский и балканский фольклор. Этнолингвистическое изучение Полесья. М., 1995.

СДЗб: Српски дијалектолошки зборник. Београд, 1905—. Књ. 1—.

Седакова 1983: *Седакова О.А.* Метафорическая лексика погребального обряда. Материалы к словарю // Славянское и балканское языкознание: Проблемы лексикологии. М., 1983. С. 204–220.

Симони 1896: *Симони П.К.* Русский язык в его наречиях и говорах // Изв. ОРЯС. 1896.Т.1. Кн. 2. С. 400–437.

Симони 1898: *Симони П.К.* Два старинных областных словаря XVIII столетия // Живая старина. 1898. Вып. 3—4. С. 443–450.

СМР: *Кулишић Ш., Петровић П.Ж.. Пантелић Н.* Српски митолошки речник. Београд, 1970.

СМР 1998: *Кулишић Ш., Петровић П.Ж., Пантелић Н.* Српски митолошки речник. Друго допуњено издање. Београд, 1998.

Соколов 1941: *Соколов Ю.М.* Русский фольклор. М., 1941.

Сороколетов 1974: *Сороколетов Ф.П.* Русская лексикография в Академии наук // Вопросы языкознания. 1974. № 6. С. 19–31.

Сороколетов 1984: *Сороколетов Ф.П.* Диалектный словарь в системе словарей национального языка // Теория и практика русской исторической лексикографии. М., 1984. С. 65–77.

Сороколетов 1985: *Сороколетов Ф.П.* Способы семантической разработки слов в областных словарях // Диалектная лексика. 1982. Л., 1985. С. 4–19.

Сороколетов—Кузнецова 1987: *Сороколетов Ф.П., Кузнецова О.Д.* Очерки по русской диалектной лексикографии. Л., 1987.

СПЗБ: Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусіі і яе пагранічча. Мінск, 1979–1986. Т. 1—5.

СРНГ: Словарь русских народных говоров. М.—Л., 1965—. Вып. 1—.

СРЯ: Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Имп. Академии наук. СПб., 1891—1930. Т. 1—9.

ССГ: Словарь смоленских говоров. Смоленск, 1974—. Т. 1—.

ССРНГ Деулино: Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / Под. ред. И. А. Оссовецкого. М., 1969.

Станић 1990—1991: *Станић М.* Ускочки речник. Београд, 1990—1991. Књ. I—II.

Стијовић 1990: *Стијовић Р.* Из лексике Васојевића // СДЗб. Београд, 1990. Књ. 36.

Стоичкова 1954: *Стоичкова Л.* Речникът на Найден Геров // Български език. 1954. № 1. С. 10–39.

Стойков—Младенов 1969: *Стойков Ст., Младенов М.* Проект за "Идеографски диалектен речник на българския език" // Български език. 1969. № 2. С. 155–170.

Сухачев 1984: *Сухачев Н.Л.* Лингвистические атласы. Аннотированный библиографический указатель. Л., 1984.

СЦСРЯ: Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым Отделением Имп. Академии наук. СПб., 1847. Т. 1—4.

Татар 1977: *Татар Б.* Русская лексикография. Анализ одноязычных филологических словарей русского языка. Будапешт, 1977. Т. 1—3.

Терновская 1975: *Терновская О.А.* Понятие диалекта и принципы классификации славянских диалектов // Советское славяноведение. 1975. № 5. С. 47–58.

Терновская 1977: *Терновская О.А.* Лексика, связанная с обрядами жатвенного цикла (материалы к словарю) // Славянское и балканское языкознание. Карпато-восточнославянские параллели. Структура балканского текста. М., 1977. С. 77–130.

Толстая 1973: *Толстая С.М.* Современное состояние польской диалектологии // Советское славяноведение. 1973. № 5. С. 92–99.

Толстая 1984—1995: *Толстая С.М.* Полесский народный календарь. Материалы к этнодиалектному словарю // Славянское и балканское языкознание: Язык в этнокультурном аспекте. М., 1984. С. 178–200. (Предисловие, буквы А—Г). Славянское и балканское языкознание: Проблемы диалектологии. М., 1986. С. 98–131 (Буквы Д—И). Славянский и балканский фольклор: Духовная культура Полесья на общеславянском фоне. М., 1986. С. 178–242 (Буквы К—П). Славянский и балканский фольклор. Этнолингвистическое изучение Полесья. М., 1995. С. 251–317 (Буквы Р—Я).

Толстая 1985а: *Толстая С.М.* Материалы к полесскому этнолингвистическому атласу: ритуальные бесчинства молодежи // Региональные особенности восточнославянских языков, литератур, фольклора и методы их изучения. Часть II. Тезисы докладов и сообщений III республиканской конференции. Гомель, 1985. С. 149–151.

Толстая 1985б: *Толстая С.М.* О новых направлениях в белорусской диалектной лексикографии // Общеславянский лингвистический атлас. 1982. М., 1985. С. 292–314.

Толстая 1986а: *Толстая С.М.* Солнце играет // Славянский и балканский фольклор. Духовная культура полесья на общеславянском фоне. М., 1986. С. 8–12.

Толстая 1986б: *Толстая С.М.* Сретенская и четверговая свеча // Славянский и балканский фольклор. Духовная культура полесья на общеславянском фоне. М., 1986. С. 27–30.

Толстая 1989: *Толстая С.М.* Терминология обрядов и верований как источник реконструкции древней духовной культуры // Славянский и балканский фольклор. Реконструкция древней славянской духовной культуры: источники и методы. М., 1989. С. 215–229.

Толстая 1993: *Толстая С.М.* Этнолингвистика в Люблине // Славяноведение. 1993. № 3.

Толстая 1997: *Толстая С.М.* Словарь народных стереотипов и символов // Живая старина. 1997. № 4. С. 52-53.

Толстой 1965: *Толстой Н.И.* Какой тип диалектного словаря нам нужен? // XII Республіканська діалектологічна нарада. Тези доповідей. Київ, 1965.

Толстой 1977: *Толстой Н.И.* О соотношении центрального и маргинальных ареалов в современной Славии // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Л., 1977. С. 37–56.

Толстой 1980: *Толстой Н.И.* Неравномерность развития звеньев языковой и мифологической системы в этнолингвистическом аспекте // Вторая Всесоюзная конференция по теоретическим вопросам языкознания "Диалектика развития языка". Тезисы докладов. М., 1980. С.149–159.

Толстой 1982а: *Толстой Н.И.* Некоторые проблемы и перспективы славянской и общей этнолингвистики // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1982. Т. 41. № 5. С. 397–405.

Толстой 1982б: *Толстой Н.И.* Из грамматики славянских обрядов // Труды по знаковым системам. Тарту, 1982. Вып. 15. С. 52–71.

Толстой 1983: *Толстой Н.И.* О предмете этнолингвистики и ее роли в изучении языка и этноса // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Язык и этнос. Л., 1983. С. 181–190.

Толстой 1984а: *Толстой Н.И.* Иван-аист // Славянское и балканское языкознание. Язык в этнокультурном аспекте. М., 1984. С. 115–118.

Толстой 1984б: *Толстой Н.И.* Фрагмент славянского язычества: архаический ритуал-диалог // Славянский и балканский фольклор: Этногенетическая общность и типологические параллели. М., 1984. С. 5–72.

Толстой 1984в: *Толстој Н.И.* Српскохрватска дијалекатска лексикографија у лингвогеографској перспективи // Лексикографија и лексикологија. Зборник радова. Нови Сад — Београд, 1984. С. 181–191.

Толстой 1986: *Толстой Н.И.* Троицкая зелень //Славянский и балканский фольклор. Духовная культура Полесья на общеславянском фоне. М., 1986. С. 14–18.

Толстой 1988: *Толстой Н.И.* История и структура славянских литературных языков. М., 1988.

Толстой 1989: *Толстой Н.И.* Некоторые соображения о реконструкции славянской духовной культуры // Славянский и балканский фольклор. Реконструкция древней славянской духовной культуры: источники и методы. М., 1989. С. 7–22.

Толстые 1978: *Толстой Н.И., Толстая С.М.* К реконструкции древнеславянской духовной культуры (лингво- и этнографический аспект) // Славянское языкознание: VIII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1978. С. 364–385.

Толстые 1983: *Толстые Н.И.* и *С.М.* Принципы, задачи и возможности составления этнолингвистического словаря славянских древностей // Славянское языкознание. IX Международный съезд славистов. Доклады советской делегациию. М., 1983. С. 213–231.

Топоров 1980: *Топоров В.Н.* Животные // МНМ. 1980. Т.I. С. 440–449.

Трофимович 1977: *Трофимович К.К.* Литературный язык как первоэлемент и средство развития культуры лужицких сербов в 30—70-е годы XIX в. // Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977. С. 203–210.

ТС: Тураўскі слоўнік. Мінск, 1982—1987. Т. 1—5.

ТСЖВЯ: *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1863—1866. Ч. 1—4.

ТСЖВЯ 1880–1882: *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. испр. и значит. умноженное по рукописи автора. СПб.—М., 1880–1882. Т. 1–4.

Ћупић 1997: *Ћупић Д., Ћупић Ж.* Речник говора Загарача // СДЗб. Београд, 1997. Књ. 44.

Фасмер I—IV: *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1964—1973. Т. I—IV.

Филин 1963: *Филин Ф.П.* О составлении диалектологических словарей славянских языков // Славянское языкознание. V Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1963. С. 318–346.

Филиповић 1972: *Филиповић М.* Вук Караџић и српска етнологиjа // Сабрана дела Вука Караџића. Београд, 1972. Књ. 17. С. 513–573.

Хроленко 1979: *Хроленко А.Т.* Проблемы фольклорной лексикографии // Диалектная лексика. 1977. Л., 1979. С. 229–241.

Цейтлин 1958: *Цейтлин Р.М.* Краткий очерк истории русской лексикографии. М., 1958.

Цивьян 1984: *Цивьян Т.В.* Предисловие // Паремиологические исследования. М., 1984. С. 7–13.

Чагишева 1962: *Чагишева В.И.* О словаре восточной Брянщины // Псковские говоры. Ч. I. Псков, 1962. С. 272–280.

Чаjкановић 1985: *Чаjкановић В.* Речник српских народних веровања о биљкама. Београд, 1985.

Чулков 1782: *Чулков М.Д.* Словарь русских суеверий. СПб., 1782.

Чулков 1786: *Чулков М.Д.* Абевега русских суеверий, идолопоклоннических жертвоприношений, свадебных простонародных обрядов, колдовства, шаманства и проч. М., 1786.

Шахматов 1906: *Шахматов А.А.* Отзыв о "Словаре украинского языка", представленном редакцией "Кіевская старина" на соискание премии Н. И. Костомарова. СПб., 1906.

Широкова—Нещименко 1978: *Широкова А.Г., Нещименко Г.П.* Становление литературного языка чешской нации // Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков. М., 1978. С. 9–85.

Щерба 1974: *Щерба Л.В.* Опыт общей теории лексикографии // *Щерба Л.В.* Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 265–304.

ЭССД: Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под ред. Н. И. Толстого. М., 1995. Т. 1 (А-Г).

ЭССЯ: Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под. ред. О. Н. Трубачева. М., 1974—. Вып. 1—.

Этерлей 1976: *Этерлей Е.Н.* Об этнографизмах и их месте в диалектном словаре // Диалектная лексика. 1974. Л., 1976. С. 13–25.

Юдин 1998: *Юдин А.В.* Проблемы языка и народной культуры в люблинской “Этнолингвистике” // Живая старина. 1998. № 2.

Янкова 1982: *Янкова Т.С.* Дыялектны слоўнік Лоеўшчыны. Мінск, 1982.

ЯОС: Ярославский областной словарь / Под ред. Г. Г. Мельниченко. Ярославль, 1981–1989. Вып. 1–8.

Atlas JKW: Atlas języka i kultury Wielkopolski. Wrocław etc., 1978—1979. T. I—II.

Atlas KLP: *Moszyński K.* Atlas kultury ludowej w Polsce. Kraków, 1934—1936. Zesz. I—III.

Bąk 1960: *Bąk P.* Slownictwo gwar okolic Kramska na tle kultury ludowej. Wrocław, 1960.

Barska-Antoś 1980: *Barska-Antoś D.* Odzież // Słownictwo Warmii i Mazur. Wrocław etc., 1980.

Bartmiński 1986: *Bartmiński J.* Czym zajmuje się etnolingwistyka? // Akcent. 1986. Rok VII. № 4(26). S. 16–22.

Bartmiński 1988: *Bartmiński J.* Słownik ludowych stereotypów językowych. Założenia ogólne // Etnolingwistyka. 1988. № 1. S. 11–34.

Bartoš 1906: *Bartoš F.* Dialektický slovník moravský. Praha, 1905—1906. D. 1—2.

Bezlaj 1967: *Bezlaj F.* Eseji o slovenskem jeziku. Ljubljana, 1967.

Bień-Bielska 1959: *Bień-Bielska H.* Wierzenia a obrzędy // Słownictwo Warmii i Mazur. Wrocław etc., 1959.

Breza 1974: *Breza E.* Leksykografia kaszubska (historia, osiągnięcia, potrzeby) // Komunikaty Instytutu Bałtyckiego. 1974. Rocz. XI. Zesz. 21. S. 63–88.

Brozović 1970: *Brozović D.* Standardni jezik. Teoria. Usporedbe. Geneza. Povijest suvremena zbilja. Zagreb, 1970.

Brückner 1974: *Brückner A.* Początki i rozwój języka polskiego. Wybór prac pod red. M. Karasia. Warszawa, 1974.

Brzeziński 1982—1987: *Brzeziński W.* Słownictwo krajniackie. Słownik gwary wsi Podróżna w złotowskiem. Wrocław, 1982—. T. I—.

Czambel 1906: *Czambel S.* Slovenská reč a jej miesto v rodine slovanských jazykov. Turč. Sv.Martin, 1906.

ČSVS: Český slovník věcný a synonymický. Praha, 1969—1977. T. I—III.

Dornseiff 1934: *Dornseiff F.* Der deutsche Wortschatz nach Sachgruppen. Berlin und Leipzig, 1934.

Dubisz 1977: *Dubisz S.* Nazwy roślin w gwarach ostródsko-warmińsko-mazurskich // Słownictwo Warmii i Mazur. Wrocław etc., 1977.

Dulčić 1985: *Dulčić J., Dulčić P.* Rječnik bruškoga govora // Hrvatski dijalektološki zbornik. Zagreb, 1985. Knj. 7. Sv. 2. S. 381–747.

Górnowicz 1973: *Górnowicz H.* Dialekt malborski. T. II. Słownik. Gdańsk, 1973—1974. Z. 1—2.

Hallig—Wartburg 1952: *Hallig E., Wartburg W.* Begriffssystem als Grundlage fur die Lexikographie. Berlin, 1952.

Havránek 1974: *Havránek B.* Jungmannův význam pro nový rozvoj slovní zásoby spisovné češtiny // Slovanské spisovné jazyky v době obrození. Praha, 1974. S. 195-203.

HDA: Handwörterbuch des deutschen Aberglaubens. Berlin—Leipzig, 1927-1942. Bd. 1-10.

Hruška 1907: *Hruška J.F.* Dialektický slowník chodský. Praha, 1907.

Jungmann: *Jungmann J.* Slovník česko-německý. Praha 1835—1839. Díl. 1—5.

Kania—Tokarski 1984: *Kania S., Tokarski J.* Zarys leksykologii i leksykografii polskiej. Warszawa, 1984.

Karaś 1961: *Karaś M.* Z historii badań nad słownictwem gwarowym // Język polski. XLI. 1961. Z. 3. S. 161-180; Z. 5. S. 355-369.

Karaś 1965: *Karaś M.* O słowniku gwar polskich // Język polski. XLV. 1965. S. 263-278.

Karaś 1974: *Karaś M.* Uwagi na marginesie Słownika gwar Ostródzkiego, Warmii i Mazur // Język polski. LIV. 1974. Z. 2. S. 145-150.

Kowalenko 1956: *Kowalenko W.* Z pracowni SSS w Poznaniu // Przegląd Zachodni. R.12. 1956. № 1-2. S. 188-201.

Kucała 1957: *Kucała M.* Porównawczy słownik trzech wsi małopolskich. Wrocław. 1957.

Linde: *Linde S.B.* Słownik języka polskiego. Warszawa, 1807—1814. Vol. I—VI.

Lorentz: *Lorentz F.* Pomoranisches Wörterbuch. Vorbereitet von F. Hinze. T. 1—5. Berlin, 1958—1983.

Maciejewski 1969: *Maciejewski J.* Słownik chełmińsko-dobrzyński. Toruń, 1969.

Matejčík 1975: *Matejčík J.* Lexika Novohradu: Vecný slovník. Martin, 1975.

Michalski 1954: *Michalski J.* Spór o koncepcję Słownika Lindego // Studia i Materiały z Dziejów Nauki polskiej Ak. Nauk. Warszawa. 1954. Z. 2. S. 521-563.

Mielczarek 1972: *Mielczarek A.* Z zagadnień leksykografii encyklopedycznej. Warszawa, 1972.

Moszyński 1967-1969: *Moszyński K.* Kultura ludowa Słowian. T. I-II. Warszawa, 1967-1969.

MSKDS: Mały słownik kultury dawnych Słowian / Pod red. L. Leciejewicza. Warszawa, 1972.

Muka 1906: *Muka E.* Słownik dołnoserbskeje řeci a jeje nařecow. Петроград, 1921. I. Prag, 1928. II.

Musulin 1959: *Musulin S.* Hrvatska i srpska leksikografija // Filologija 2. Zagreb, 1959. S. 41–63.

Nitsch 1911: *Nitsch K.* Recenzja Słownika gwar polskich J. Karłowicza // Nitsch K. Pisma dialektologiczne. Wrocław—Kraków, 1958. S. 195–225.

Nowa księga: Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich. W oparciu o dzieło Samuela Adalberga. Oprac. zespół red. pod kierunkiem J. Krzyzanowskiego. T. I—IV. Warszawa, 1969—1978.

Orlovský 1982: *Orlovský J.* Gemerský nárečový slovník. Bratislava, 1982.

Osiński 1809—1812: *Osiński A.* Słownik mitologiczny. Warszawa, 1809—1812. T. I—III.

Peco 1980: *Peco A.* Pregled srpskohrvatskih dijalekata. Beograd, 1980.

Petr 1978: *Petr J.* Arnošt Muka. Žiwjenje a skutkowanje serbskeho prǫcowarja. Budyšin, 1978.

Pleteršnik: *Pleteršnik M.* Slovensko-nemški slovar. Del. I—II. Ljubljana, 1894—1895.

Popović 1983: *Popović M.* Pamtivek: Srpski rječnik Vuka St. Karadžića. Beograd, 1983.

Ramult 1893: *Ramult S.* Słownik języka pomorskiego czyli kaszubskiego. Kraków, 1893.

RHSJ: Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Na svijet izdaje Jugoslovenska akademija znanosti i umijetnosti. Zagreb, 1880—1966. D. I—XVIII.

Ripka 1981: *Ripka I.* Věcný slovník dolnotrenčianskych nárečí. Bratislava, 1981.

SFP: Słownik folkloru polskiego / Pod red. J. Krzyżanowskiego. Warszawa, 1965.

SGK: *Sychta B.* Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. Wrocław, 1967—1976. T. I-VII.

SGOWM: Słownik gwar Ostródzkiego, Warmii i Mazur / Pod red. Z. Stamirowskiej. Wrocław etc., 1987—. T. I—.

SGP: Słownik gwar polskich. Wrocław etc., 1979—. T. I—. Z. 1—.

SGP-I: *Karłowicz J.* Słownik gwar polskich. Kraków, 1900—1911. T. 1—6.

SJP: Słownik języka polskiego / Pod red. W. Doroszewskiego. Warszawa, 1958—1969. T. 1—11.

SJP-I: *Karłowicz J., Kryński A., Niedźwiedzki W.* Słownik języka polskiego. Wyd. fotooffsetowe. Warszawa, 1952—1953. T. 1—8.

SLSJ: Słownik ludowych stereotypów językowych. Zeszyt próbny. Wrocław, 1980.

SMTK: Kopaliński W. Słownik mitów i tradycji kultury. Warszawa, 1985.

SSN: Slovník slovenských nárečí. Bratislava, 1994—. T. 1—.

SSS: Słownik starożytności słowiańskich. Encykclopedyczny zarys kultury Słowian od czasów najdawniejszych do sczhyłku wieku XII / Pod red. G. Labudy i Z. Stiebera. Wrocław etc., 1961—1982. T. I—VII.

SSSL: Słownik stereotypów i symboli ludowych. T. I. Kosmos: niebo, światła niebieskie, ogień, kamienie / Red. J. Bartmiński. Lublin, 1996.

Staszczak 1974: *Staszczak Z.* O powojennej leksykografii etnograficznej // Lud. 1974. T. LVIII. S. 131-148.

Stone 1973: *Stone G.* The language of Cassubian literature and the question of a literary standard (Reprint from the Slavonic and East European review). London—N.Y., 1973. P. 522-529.

SWM: Słownictwo Warmii i Mazur // Studia Warmińsko-Mazurskie. Wrocław, 1958-1980. T. 1-12.

Sychta 1980—1985: *Sychta B.* Słownictwo kociewskie na tle kultury ludowej. Wrocław etc., 1980—1985. T. 1—3.

Szymczak 1962—1970: *Szymczak M.* Słownik gwary Domaniewka w powiecie Łęczyckim. Wrocław, 1962—1970. T. 1-7.

Treder 1979: *Treder J.* [Rec.] *Sychta B.* Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. T. I—VII. Wrocław etc., 1967—1976. // Rocznik Gdański. 1979. T. XXXIX. Zesz. 1.

Urbańczyk 1960: *Urbańczyk S.* Słownik staropolski jako źródło etnograficzne // Etnografia Polska. 1960. III. S. 282-294.

Urbańczyk 1967: *Urbańczyk S.* Słowniki, ich rodzaje i użyteczność. Wrocław, 1967. Wyd. 2.

Urbańczyk 1979: *Urbańczyk S.* Samuel Bogumił Linde // Prace z dziejów języka polskiego. Wrocław etc., 1979. S. 307–320.

Weinreich 1980: *Weinreich U.* On semantics. Philadelphia, 1980.

Wierzchowski 1955: *Wierzchowski J.* Dwie koncepcje słowników niealfabetycznych // Poradnik językowy. 1955. Z. 4(129). S. 127–133.

Zaręba 1954: *Zaręba A.* Słownictwo Niepołomic // Prace i Materiały Etnograficzne 1952/53. Wrocław—Kraków, 1954. T. 10. Z. 1. S. 126–248.

Zaręba 1965: *Zaręba A.* W sprawie Słownika gwar polskich // Język polski. 1965. XLV, Z. 5. S. 279–293.

Zeszyt próbny: Słownik gwar polskich. Zeszyt próbny. Wrocław, 1964.

Zgusta 1971: *Zgusta L.* Manuel of Lexicography. Praha, 1971.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А.А. Плотникова
Словари и народная культура:
Очерки славянской лексикографии
М., 2000. 208 с.

Монография подготовлена к печати
в редакционно-издательском отделе
Института славяноведения РАН

Обложка - М.И. Леньшина

ЛР № 020935 от 9 ноября 1994 г.

Подписано в печать 1.02.2000 г.
13 печ.л. Тираж 300 экз. Заказ №12 Цена договорная
Типография ИПТК "Логос" ВОС.
129166 москва, Маломосковская,8